Девушки
в погонах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В грозные годы Великой Отечественной войны в одних рядах с отцами и братьями сражались против немецко-фашистских захватчиков советские девушки-патриотки. Их было множество, беззаветных героинь в солдатских шинелях. Они водили танки и самолеты, ходили в труднейшую разведку, вытаскивали из огня раненых воинов, возвращали их к жизни.

Девушек в погонах можно было увидеть всюду: на фронте и в тылу. Имена многих уже тогда стали известны всей стране. Другие героини долгое время оставались безвестными. В этом сборнике рассказывается главным образом о тех девушках-воинах, чьи подвиги стали известны лишь в последние годы.

- Девушки в погонах
  -
  - С. Смирнов
  - Г. Фролов
  - А. Нестерский
  - И. Шарончиков
  - А. Саркисов
  - А. Фомин
  - М. Яковлева
  - Н. Завьялов
  - А. Сергеев
  - И. Крестовский
  - М. Вербинский
  - С. Смирнов
  - А. Терехов
  - Ю. Кринов
  - А. Вятский
  - И. Волк
  - И. Крестовский
  - В. Соколов
  - Г. Лиходиевская
  - С. Аслезов
  - А. Ильин
  - М. Ребров
- notes
  - 1
  - 2

Девушки в погонах

С. Смирнов
КАТЮША

Первое известие о ней пришло еще несколько лет назад, когда я рассказывал по радио о подвигах женщин на фронтах Великой Отечественной войны. Бывший морской врач-хирург, а теперь инвалид войны А. Н. Тишин из города Майкопа в коротком письме сообщал, что в Дунайской военной флотилии в разведке батальона морской пехоты служила героическая девушка — главный старшина Катя Михайлова. По его словам, эта девушка с оружием в руках участвовала во многих боях, ходила в боевые и диверсионные десанты, порой водила матросов в атаки, была не раз ранена, награждена несколькими орденами и медалями и стала любимицей и гордостью дунайцев, восхищенных ее мужеством и бесстрашием. А. Н. Тишин просил рассказать об этой героине и узнать, где она живет и чем занимается.

Девушка — боевой моряк, десантник, герой флотилии, любимица матросов! Случай весьма редкий, тем более что на флоте всегда существовало традиционное предубеждение против женщин. Видимо, Катя Михайлова в самом деле была незаурядным человеком.

В 1963 году я упомянул о ней в одной из телевизионных передач, просил откликнуться ее или тех, кто знает нынешнее местопребывание этой героини войны. И тотчас же на студию телевидения пришло несколько писем. Писали бывшие моряки-дунайцы, с восторгом вспоминавшие о подвигах отважной девушки и дополнявшие рассказ А. Н. Тишина новыми подробностями. Трое или четверо врачей из разных городов Союза сообщали, что после войны они учились вместе с демобилизованной морячкой Екатериной Михайловой в Ленинградском медицинском институте. Но никто из них не знал, где она находится сейчас.

Только месяц спустя почта принесла необычайно лаконичную, деловую записку:

> «Мои товарищи по работе слушали Ваше выступление по телевизору. Вы просили помочь разыскать Катю Михайлову. Теперь у меня другая фамилия. Сообщаю Вам свой адрес. Демина Екатерина Илларионовна».

Адрес оказался близким. Е. И. Демина жила под Москвой — в городе Электросталь, работала врачом в заводской поликлинике. Вскоре мы встретились.

Сейчас, глядя на эту моложавую маленькую женщину, очень трудно представить ее боевым моряком, прошедшим — не в переносном, а в самом буквальном смысле — сквозь огонь и воду бешеных сражений на Азовском и Черноморском побережьях, на отмелях Днестровского лимана, на берегах Дуная. И только особое, спокойное и скромное достоинство, с которым она держится, да тот же, что и на фотографии, прямой, уверенный и смелый взгляд серых глаз как бы говорят вам, что за плечами этой женщины большой и нелегкий жизненный путь и что за свой не столь уж долгий век она пережила и повидала такое, чего иным хватило бы на добрый десяток биографий.

Вы помните почти символическую историю русской девушки Катюши из песни, которую мы так любили петь в предвоенные годы, — историю нежной, любящей певуньи, выходившей на берег весенней, повитой туманом реки? Началась война, и вдруг по всем фронтам прокатилось ее имя, радостно-легендарное для нас, страшное для врагов. Катюша вошла в боевой строй народа, она стала нашим новым и грозным оружием — гвардейскими минометами.

История Катюши Михайловой похожа на историю ее тезки из знаменитой песни. Ей было шестнадцать, когда началась война. Дочь командира Красной Армии, оставшаяся в раннем детстве круглой сиротой, она воспитывалась в ленинградском детском доме, а потом жила в семье старшей сестры — врача. Девять классов да пришкольные курсы медицинских сестер составляли все ее образование к лету 1941 года.

Брат, служивший летчиком на границе, в Бресте, пригласил ее на каникулы приехать к нему. По пути она несколько дней провела в Москве и вечером 21 июня села в поезд, идущий на Брест. Утром ее разбудили взрывы — немецкие самолеты бомбили поезд, и она впервые увидела панику, кровь и смерть.

В одном легком платьице, с ручным чемоданчиком, где лежали только полбатона хлеба и кусок колбасы, она вместе с уцелевшими пассажирами пешком вернулась в Смоленск. На другое утро она пришла в городской военкомат и просила послать ее на фронт медсестрой.

Осаждаемый толпой добровольцев, злой, усталый военком с раздражением смотрел на маленькую девушку, стоявшую у его стола.

— Тебе в детский сад надо, а не на фронт, — жестко отрезал он и выставил ее из кабинета.

Катя вышла на улицу с тем же, но уже пустым чемоданчиком. В Смоленске она не знала никого. У нее не было никаких документов — даже комсомольский билет она оставила дома, в Ленинграде. Но она не привыкла унывать. На окраине города оказался военный госпиталь, и она начала работать там — помогать медсестрам и санитаркам. Потом фронт придвинулся ближе. Однажды госпиталь разбомбили, а оставшихся раненых вывезли на восток. Тогда Катя пришла в стрелковую часть, занимавшую оборону под Смоленском.

Так Катюша Михайлова вышла на берег войны, стала солдатом переднего края — ходила в разведку, вместе с пехотинцами огнем отбивала атаки врага, перевязывала раны товарищей. Поздней осенью под Гжатском ее тяжело ранило в ногу, и она попала в госпиталь, сначала на Урал, потом в Баку.

Катя всегда мечтала о море, о службе на кораблях. И как только нога немного зажила, она попросила военкома направить ее на флот. Теперь у нее были новые документы — комсомольский билет и справка о ранении, и в них, чтобы к возрасту ее не придирались, она прибавила себе два года.

Ее послали медсестрой на санитарный корабль. Шли бои на Волге, санитарные суда поднимались вверх по реке, забирали раненых и везли их через море в Красноводск. И тут оказалось, что Катя обладала качествами настоящего моряка: осенний штормовой Каспий не мог укачать ее — в самые сильные бури она оставалась на ногах.

Катя Михайлова.

Здесь ей присвоили звание главного старшины и наградили знаком «Отличник Военно-Морского Флота». Но служба в тылу тяготила девушку — ей хотелось перейти на боевой корабль или во фронтовую морскую часть.

Она узнала, что в Баку из добровольцев формируется батальон морской пехоты для Азовской военной флотилии, и явилась к комбату. Тот, истовый и суровый моряк, отказал наотрез — «женщин не берем». Никакие уговоры не помогали. Тогда Катя написала письмо в Москву, в правительство, и оттуда пришло предписание зачислить ее.

Комбату оставалось только подчиниться. Но моряки встретили ее недружелюбно. Она стойко сносила все насмешки и не позволяла себе никаких поблажек ни в службе, ни в учебе.

А потом, перед отправкой батальона на фронт, был 50-километровый марш-бросок по палящей кавказской жаре, причем часть пути предстояло пройти в противогазах. И тут Катя удивила моряков. Не все здоровяки матросы выдержали этот трудный переход — одних свалил солнечный удар, другие натерли ноги, и кое-кто оказался в шедшей следом санитарной машине. Но Катя

шагала, ни разу не отстав, не выбившись из сил, и даже подбадривала товарищей и помогала им! «Гляди ты, какая выносливая!» — озадаченно говорили морские пехотинцы. И она почувствовала, что отношение к ней сразу изменилось.

Никто из матросов не знал, что на обратном пути Катя то и дело незаметно ощупывала раненую ногу. Она распухла и сильно болела — девушке стоило больших усилий не захромать. Когда в десяти километрах от Баку сделали привал и Катя присела на траву, она с ужасом почувствовала, что не встанет.

В это время оркестр, высланный навстречу морякам, заиграл вальс и молодой лейтенант остановился возле Кати.

— Ты у нас одна девушка. Пойдем потанцуем, — пригласил он.

И она встала и пошла кружиться по траве, потому что больше всего на свете боялась, как бы командиры не узнали про больную ногу и не отчислили ее из батальона. Несколько дней она потом пролежала в отведенной ей комнате, притворившись больной гриппом.

Летом 1943 года морских пехотинцев перебросили на Азовское побережье. Там начался боевой путь батальона, который пролег потом на многие сотни километров и закончился в столице Австрии Вене.

Три боевых ордена, пять боевых медалей бережно хранит дома Е. И. Михайлова-Демина. И за каждой из этих наград — важный, незабываемый этап ее фронтового пути. Каждая из них олицетворяет собой берег, на который Катюша Михайлова выходила с боем вместе с товарищами, берег, занятый фашистами, изрыгающий огонь и смерть.

Медаль «За отвагу». Это взятие Темрюка, боевое крещение нового батальона. Это десант в плавнях, когда вода в тихих заводях вставала столбами под взрывами мин, кипятком кипела под пулями и срезанные, как невидимой косой, падали на головы десантникам камышовые стебли. Она была там, в самой каше, ходила по грудь в соленой воде, стреляла, втаскивала в лодки раненых. Темрюк — маленький городок, но он стоил дорого — почти половина батальона осталась там, в плавнях и на берегу.

Орден Отечественной войны. Керчь. Ночной десант в шторм на пустынном берегу, и потом на много дней маленький «пятачок» отвоеванного врукопашную плацдарма. По ночам прилетали с таманского берега девушки-летчицы на трескучих У-2 и сбрасывали морякам сухари и консервы. А колодец с пресной водой был на ничейной земле — между немецкими и нашими окопами. Ночью удавалось набирать воду, днем людей

мучила жажда. И только Катя иногда выручала моряков.

Немцы уже успели узнать, что среди матросов, обороняющих маленький плацдарм, есть одна девушка. Они даже знали ее имя. Бывало, в часы затишья из немецких окопов кричали:

— Рус матрос! Рус Иван! Покажи Катюша. Стрелять — нэт…

Тогда она, оставив на бруствере автомат, брала ведро и во весь рост шла к колодцу. «Катя, вернись! Катюша, убьют!» — кричали вслед матросы. Но она шла, и немцы не стреляли — они, смеясь, высовывались из окопов, махали ей руками и играли на губной гармошке «Выходила на берег Катюша…» Девушка возвращалась с полным ведром и поила моряков.

Крым был освобожден. Наступала очередь Дуная. Батальон перебросили под Одессу, и он вошел в состав Дунайской военной флотилии. Первой операцией дунайцев стал штурм Белгорода-Днестровского.

Его брали ночью, высаживаясь с резиновых шлюпок у обрывистого берега Днестровского лимана. Высаживались под пулеметным огнем врага, при ярком сиянии осветительных ракет. В воде у берега было семь рядов колючей проволоки, а за ними поднимался пятиметровый обрыв, с гребня которого строчили пулеметы и летели в атакующих десантников немецкие гранаты.

Спрыгнув в воду, моряки, крича «Ура!» и свое неизменное «Полундра!», забросали проволоку шинелями и плащ-палатками. Катя одной из первых оказалась под обрывом. Маленькая, ловкая, она, цепляясь за корни и ветки кустов, быстро забралась наверх и, спустив вниз обмотки, втаскивала к себе товарищей, поднимала пулемет. Потом они кинулись в атаку и очистили гребень от фашистских пулеметчиков. Белгород-Днестровский был взят. Она получила здесь легкую рану, а позднее ей вручили за этот бой первый орден Красного Знамени.

Начался памятный освободительный поход по Дунаю — дорога с боями через Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и Австрию. Вот они, медали «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Но из всех боев самый памятный для нее — штурм крепости Илок в декабре 1944 года.

Илок стоит на высокой горе над Дунаем, в районе югославского города Вуковар. Брать его надо было со стороны суши, но, чтобы отвлечь силы врага, на маленький дунайский островок около крепости высадили десант — полсотни морских пехотинцев, среди которых находилась и Катя Михайлова.

Дунай разлился, затопил низменные берега, и, когда ночью катера привезли десантников на островок, он оказался под водой. Моряки устроились на ветвях полузатопленных деревьев и

открыли огонь, привлекая внимание противника.

Гитлеровцы всполошились — островок был рядом с крепостью. На десантников посыпались мины, и пехота врага на шлюпках с пулеметами окружила их.

Появились раненые, убитые. Осколок мины глубоко распорол Кате руку. Она наскоро перетянула ее и продолжала стрелять. Но ей приходилось и перевязывать раненых товарищей. Порой по горло в воде, она ходила от дерева к дереву, взбиралась на ветки к раненым и привязывала их к стволу бинтами и поясными ремнями, чтобы не свалились вниз. Когда перевязывать было некого, она снова из автомата отбивалась от наседавших гитлеровцев.

Через два часа из пятидесяти десантников осталось лишь тринадцать боеспособных. Подходили к концу боеприпасы. Положение было критическим, когда они услышали вдали «Ура!» и вспыхнувшую в районе крепости перестрелку. Воспользовавшись тем, что противник оттянул силы на подавление десанта, наша и югославская пехота кинулась вперед и взяла Илок с суши.

Катя Михайлова за бой под Илоком была представлена к званию Героя Советского Союза. Бывший командующий Дунайской флотилией вице-адмирал Г. Н. Холостяков вспоминает, что вышло с этим представлением. В наградном листе написали примерно так: «Главстаршина Екатерина Михайлова, будучи сама ранена, стоя по горло в воде, участвовала в бою и оказывала помощь другим раненым». В Москве, в наградном отделе, прочитав это описание подвига, видимо, сочли его явным вымыслом и вернули наградной лист.

— Что мне оставалось делать? — говорит вице-адмирал Холостяков. — Как командующий, я мог своей властью наградить ее только вторым орденом Красного Знамени. Это я и сделал перед строем моряков.

Пришла победа. Распрощавшись с боевыми товарищами, Катя Михайлова в черной видавшей виды морской шинели и с тощим вещевым мешком за плечами вернулась в родной Ленинград. Уже не было у нее дома, не было родных — сестра погибла на фронте, брат, летчик, пал смертью героя в последние дни войны.

Для многих молодых людей, пришедших на фронт со школьной скамьи, трудным был переход к мирному труду, к учению, с будничными хлопотами и заботами о пище, об одежде.

Катя Михайлова приобрела на войне не только мужество и умение смотреть смерти в глаза. Служба на флоте еще больше закалила ее упорный характер, приучила идти к цели через все

препятствия, не бояться никаких трудностей, никакой работы.

Она уже давно решила, что станет врачом, и сразу же после приезда в родной город подала заявление в Ленинградский медицинский институт. Ее приняли на льготных условиях, как фронтовика. Но каким тяжким и долгим сражением оказалась для нее учеба!

Ей недавно исполнилось двадцать лет, и она была почти однолеткой других первокурсников, пришедших сюда после школы-десятилетки. Но они казались детьми по сравнению с ней, человеком такой насыщенной биографии, боевым моряком, фронтовым коммунистом, воином, прошедшим сквозь пекло сражений и не раз пролившим кровь. Зато в другом сверстники оставили ее далеко, позади — они пришли в институт хорошо подготовленными, а у нее за четыре года войны школьные знания изрядно выветрились. Надо было догонять товарищей по институту, и как можно скорее.

Но надо было есть и одеваться. Маленькая студенческая стипендия в те трудные послевоенные годы не могла прокормить даже привычного ко всему фронтовика. Приходилось работать то ночным сторожем, то резчицей овощей на базе, то медсестрой в больнице. И каждую свободную минуту учиться, учиться с тем же морским упорством, урывая часы от сна, пользуясь дружеской помощью товарищей.

Катюша вышла и на этот крутой, гранитный берег науки. Она прошла через это, как сквозь бои на фронте, и оказалась победительницей, как там. Получение диплома врача она праздновала словно День Победы. И молодой подмосковный город Электросталь радушно принял молодого медика. Здесь она встретила своего будущего мужа — конструктора, тоже фронтовика, только не моряка, а связиста. Здесь у нее родился сын. Здесь она впервые вошла в свою квартиру, предоставленную заводом.

Мирная, простая женщина, врач, оберегающий здоровье людей, жена, мать, хозяйка дома. И только фронтовые фотографии в альбоме, ордена и медали в коробочке да шрамы, оставленные железом войны, напоминают о том, что было двадцать лет назад. Да еще до конца жизни остается особое благодарное теплое чувство к флоту, к морякам, которые в те суровые военные годы любили и берегли ее, как сестру, и гордились ею как героиней.

Почетная биография! Достойный путь замечательной советской женщины, славной русской Катюши!

Г. Фролов
ПОДРУГИ

Не так давно, знакомясь с документами о подвигах наших советских разведчиц, я узнал о волнующей судьбе девушек-патриоток Евгении Зенченко и Тамары Аксеновой. Их подвиги так бесстрашны, и так велико воспитательное значение ратных дел юных разведчиц, что молодежь, воины должны знать о них подробнее.

Допрос шел на русском языке. Вел его колонел Бэдэрэу, которого в сигуранце считали хорошим знатоком России. Еще в молодости он служил в Петербурге в гвардейском кавалерийском полку, а позднее — в Добровольческой армии генерала Деникина. В конце гражданской войны волей судеб Бэдэрэу оказался за Днестром и вот уже более двадцати лет верой и правдой служил часто сменявшим друг друга правителям «великой Румынии».

Устало откинувшись на спинку кресла, Бэдэрэу с нескрываемым интересом разглядывал стоявшую перед ним девушку, почти девочку. Сколько раз за последние годы, допрашивая советских разведчиков, он ловил себя на мысли, что завидует их мужеству, душевной чистоте и вере в справедливость своего дела! И хотя сослуживцы считали колонела хорошим психологом, опытным разведчиком, он никак не мог понять, в чем же источник мужества вот хотя бы этой девушки — Тамары Аксеновой. Она радистка. Захвачена в Аккермане с рацией и другим разведывательным снаряжением. И все же упорствует, хотя хорошо знает, что дни ее сочтены.

— Ты, Аксенова, напрасно упрямишься, — с трудом подбирая русские слова, говорит Бэдэрэу. — Не согласишься работать с нами, завтра же расстреляют. А мне очень хочется спасти тебе жизнь. Ведь ты еще так молода…

Бэдэрэу считал себя гуманистом и втайне гордился этим. Ведь не так-то легко быть гуманистом в его положении.

— Поверь, у тебя нет другого выхода, — продолжал он. — Я советую все хорошенько взвесить. Нам нужна радистка на одно задание. Только на одно. И у тебя будет все: свобода, деньги. Сможешь уехать куда захочешь, например в Швейцарию. И поверь мне, будешь счастлива. А если не согласишься, то, как говорят русские, пеняй на себя…

Ночь. Тишина.

Лишь изредка в это позднее время из конца в конец длинного

коридора, гремя подковами, за дверью медленно пройдет надзиратель. А перед рассветом по этому же коридору жандармы уведут на смертный двор очередную партию обреченных.

Тамаре не спится. В такие минуты не хочется думать о будущем, оно — смертный двор. Хочется вспоминать.

…Бессарабия. Летнее утро 1940 года. Тогда в ее родное село Петропавловку вошли советские войска. Тамара стояла у плетня и, радостно улыбаясь, протягивала проходившим и проезжавшим мимо нее красноармейцам цветы.

Осенью Тамара пошла в школу, в ту самую школу, в которой ей не пришлось учиться с тех пор, как на рассвете ее отца увели жандармы. Трудно было жить без отца. Всей семьей работали у попа с рассвета и до позднего вечера. Особенно тяжело было к концу дня: ломило спину, болели растрескавшиеся на жаре руки.

Теперь отец Тамары работал в сельском Совете, а она училась в восьмом классе.

Сколько нового, удивительного вошло в ее жизнь! Уж очень хотелось как можно больше узнать о своей великой Родине, которая пришла к ней из-за Днестра.

И вдруг — война…

Тамара уехала с родителями на восток.

Аксеновы остановились в Мечетинском районе, Ростовской области. Жили и работали в колхозе. А в сентябре 1943 года Тамара добровольно ушла в армию.

…Шаги по коридору. Быть может, сейчас ее поведут на смертный двор… Нет. На этот раз мимо. Но он сказал: «Тогда пеняй на себя». Скоро, очень скоро будет это «тогда».

…В папке, где хранятся документы о Тамаре Аксеновой и Жене Зенченко, немало страниц.

Вот несколько отрывков из документов, которые рассказывают о судьбе разведчиц.

> «При допросе перебежчика, прибывшего из Аккерманского уезда 2 августа, стало известно, что в сигуранце содержались две девушки-разведчицы. Одной из них 19—20 лет, другой — 24—25. 21 июля они были направлены в Сарату для предания военно-полевому суду…»

И далее:

> «Есть основание предположить, что Евгения Зенченко и Тамара Аксенова при поисках пути перехода фронта были задержаны и, следовательно, расстреляны противником».

Женя Зенченко в годы войны.

Но вот совсем неожиданная находка — коротенькое письмо, на которое вначале я не обратил внимания. Привожу его полностью:

> «Секретарю ЦК ЛКСМ Молдавии. При этом направляю для вручения комсомольский билет № 14782014 Аксеновой Тамары Тихоновны, проживающей в г. Кишиневе (улица Щусева, 109, Сельхозинститут), которая считалась погибшей».

Из села Александровки, Одесской области, в Министерство обороны пришло письмо. Учительница Тамара Тихоновна Райлян просила немногое: выслать ей справку о том, что в годы Великой Отечественной войны она служила в армии. Справка нужна была для установления трудового стажа…

В этом же письме она подробно рассказала о работе в тылу

немецко-фашистских войск двух советских девушек-разведчиц.

Читатель, очевидно, уже догадывается, что Тамара Тихоновна Райлян и Тамара Аксенова — одно и то же лицо.

…18 сентября 1943 года было обычным днем в жизни Мечетинского истребительного батальона. Шли военные занятия. Тамара Аксенова в этот день дежурила по батальону. Уже во второй половине дня она увидела, как к комбату прошел неизвестный офицер.

А через полчаса Тамару вызвали к командиру батальона. Там был и неизвестный майор. Разговор шел обычный — о комсомольских делах. Тамара была комсоргом батальона. Когда она уже собралась уходить, майор подошел к ней.

— Вы, Аксенова, родились в Бессарабии? — спросил он и, получив утвердительный ответ, попросил ее рассказать подробнее о себе. Слушал внимательно, не перебивая.

— А вы бы хотели помочь скорее освободить Бессарабию от фашистов? — спросил он, когда Тамара закончила свой рассказ.

— Конечно, товарищ майор! — взволнованно ответила девушка. — Возьмите меня к себе в разведку!

— А ты откуда знаешь, что я из разведки?

— По сердцу, товарищ майор, — улыбнувшись, ответила Тамара.

Комбат и майор рассмеялись.

А спустя несколько минут они говорили о будущей работе. Здесь же Тамара познакомилась с девушкой, с которой предстояло учиться, а потом и работать в тылу врага. Женя Зенченко — так звали новую подругу — старше ее на четыре года. Как и Тамара, родилась и выросла в Бессарабии. Комсомолка. Пошла в разведку. Она будет командиром. Тамара — радисткой.

Шли последние дни подготовки. Девушки уже знали, что их пошлют в Аккерман (ныне Белгород-Днестровский, Одесской области). Перед войной Женя училась в Аккермане, а у Тамары там жили родственники. С их помощью нужно было устроиться в городе, прописаться, найти работу.

…В распахнутую дверь самолета врывается холодный ветер. Зажмурившись, первой шагнула в нее Женя и сразу же за ней Тамара.

Земля быстро приближалась. Тамаре казалось, что она отчетливо слышит ее неясный нарастающий гул. И столько в этом гуле было тревожного, неведомого! Приземлилась неудачно: ушибла ногу. Попыталась встать, но запуталась в стропах парашюта и упала. Подбежала Женя.

— Что с тобой?

— Не беспокойся. Сейчас встану.

Женя помогла ей отстегнуть и спрятать парашют.

— Идти можешь? Надо уходить. Скоро рассвет.

— Могу. Нужно найти грузовой парашют. Там запасные батареи к рации.

Поиски оказались напрасными. Парашюта с грузом не нашли, хотя искали до самого рассвета.

Уже поднялось солнце, когда разведчицы, спрятав в лесу рацию, питание к ней, лишние вещи, двинулись в путь. Теперь это были девушки-молдаванки, направлявшиеся в Аккерман на базар.

В Мологу, пригород Аккермана, пришли, когда уже начало смеркаться. Решили до утра остаться здесь. Не идти же в город на ночь глядя.

Ночевали у одной бедной молдаванки. Утром девушек ждала первая неожиданность.

— Марина, — позвала Женя дочь хозяйки, девочку лет десяти, — сходи к соседям и купи нам яблок. Вот тебе деньги.

Девочка выбежала из дому, но тут же вернулась.

— Тетя, — сказала она, протягивая Жене бумажку, — а эти деньги сейчас не ходят. Нужны новые, с королем Михаем.

— Покажи. — Женя взяла в руки помятую купюру. — Правда старые! Смотри, Тамара.

— Сейчас только новые леи ходят, — доверительно сообщила девочка. — Даже немецкие марки в магазинах не берут…

— Да… Положение у нас с тобой неважное, — задумчиво проговорила Женя, когда подруги вышли на дорогу. — Груза не нашли, считай, что и денег нет.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся.

Акулина Лопенко, или просто тетя Киля, обрадовалась племяннице. Хозяйство большое, а тут две молодые дивчины. Пусть живут, даром хлеб есть не будут.

Спустя два дня Тамара как-то сказала:

— А у нас, тетя, в Каргасанах вещи остались.

— Вещи? Почему же вы сразу не сказали?

— Да все некогда было.

— И много вещей-то?

— Не очень.

— Сходите, милые, обязательно. А то, чего доброго, пропадут вещи.

На следующее утро подруги отправились в путь. К вечеру были на месте. В небольшой рощице дождались ночи.

И вот наконец рация и питание к ней в большом домотканом мешке. Несли его по очереди.

На рассвете, усталые, измученные, пришли в Мологу. Здесь

наняли подводу, на которой и добрались до города.

Тети Кили дома не было. Тамара отнесла мешок на чердак и спрятала там в углу, забросав хламом.

— А где же ваши вещи? — спросила хозяйка, вернувшись с базара.

— Нет вещей, тетя,- — чуть не плача, проговорила Тамара. — Женщина, у которой мы их оставили, уехала, и мы ничего не нашли.

— Вот досада-то! — посочувствовала тетя. — А много ли вещей было?

— Да нет, не очень. Но там было мое новое платье. Такое красивое!

Как только она ушла, Тамара забралась на чердак и, растянув антенну, стала настраивать рацию. Через полчаса спустилась вниз.

— У меня все готово! Давай скорее подготовим радиограмму. Ведь это наша первая!

Первая радиограмма… С каким нетерпением ее ждут там, за линией фронта! Майор Лебедев, очевидно, не дает покоя ребятам из армейского радиоузла. Ждут вестей и в штабе, где у больших карт и днем и ночью идет напряженная работа. Может быть, там еще ничего не знают о том, что происходит здесь, в Аккермане. Но скоро их короткие «точка-тире-точка» принесут первые вести, и молчавшая до сих пор карта покроется кружками, стрелками, линиями, заговорит на своем, военном языке. А потом в воздух поднимутся самолеты, выйдут из укрытия танки и самоходки, по всей линии фронта загрохочут раскаты орудийных залпов.

Радиограмма была уже почти готова, но неожиданно вернулась тетка. Так и не удалось в этот день послать весточку своим… И на следующий день не удалось: мешал дядя Федор. Весь день он что-то мастерил, ходил по двору и даже поднимался на чердак. Хорошо, что Тамара успела свернуть антенну и спрятать рацию.

Так повторялось несколько раз. Нужно было скорее связаться с нашими. Они ждут, а рация все молчит. И девушки решили рассказать обо всем тете Киле, заручиться ее помощью.

Когда та вернулась домой, Тамара издалека повела, разговор о приближении Советской Армии.

Молча слушая племянницу, тетя хлопотала по хозяйству.

— А вот вы, тетя, хотели бы помочь Советской Армии?

— Помочь? Чем? Это, дочка, не наше бабье дело.

— Нет, можете! Вот мы, например, — Тамара на мгновение запнулась, но потом, решившись, продолжала: — Мы разведчицы…

— Разведчицы? У меня в доме?! — Тетя Киля плюхнулась на табуретку и с ужасом уставилась на племянницу. — Да вы что, с ума сошли? Хотите, чтобы нас всех повесили? Сейчас же уходите из моего дома! Слышите?

Девушки молчали. Что теперь делать? Куда идти?

— Тамарочка! — плакала хозяйка. — Христа ради, уходи. Забирай свои вещи и уходи.

— Хорошо, мы уйдем, — брезгливо глядя на тетку, сказала Тамара. — Как только найдем другую квартиру, сразу же уйдем. Слышите? Да успокойтесь вы!..

— Деточки, уходите… Ради бога, уходите…

Два дня ушло на поиски новой квартиры. Наконец устроились за городом, в селе Турлаки. Хозяйке дома Татьяне Студентовой шел уже пятый десяток. Во всем облике тети Тани, как стали называть ее девушки, было что-то располагающее к доверию, и они вскоре решили рассказать ей о своей работе. Теперь они понимали, что одним им не справиться. Выслушав девушек, тетя Таня на мгновение задумалась, а потом решительно сказала:

— Хорошо, дочки, работайте. Мы вам поможем. Надо помочь.

Утром Андрей, ее старший сын, высокий темноволосый юноша, запряг лошадь, положил на телегу мешок зерна, большую плетенку луку, и тетя Таня вместе с Тамарой отправились в город на базар. К вечеру двинулись обратно. На телеге под новым корытом лежала радиостанция.

Все шло хорошо, но у выезда из города к ним привязался жандарм, стоявший на посту. Хотел проверить, что везут. Но тетя Таня, не останавливая лошадь, громко рассмеялась:

— Что, парень, дочка моя понравилась? Так бы и сказал.

И, уже проезжая мимо смутившегося жандарма, добавила, лукаво улыбаясь:

— Не робей, хлопче! Приходи в Турлаки на пасху. Гостем будешь.

…И вот уже все готово. Тамара включила радиостанцию. В эфир полетели ее позывные. Вскоре была передана и первая радиограмма:

> «Приземлились в районе Каргасан. Грузовой парашют не нашли. Находимся в Турлаках, ждем указаний».

Теперь уже каждый день на чердаке небольшого дома работала радиостанция. К ней чутко прислушивались на Большой земле. И это понятно, так как городу Аккерману отводилась

важная роль в планах немецко-фашистского командования. Через Днестровский лиман, у Бугаза и Овидиополя, шли на Одессу линии коммуникаций. В порту было много кораблей, вдоль лимана и по высокому правому берегу Днестра строились мощные оборонительные сооружения. От Аккермана уходили шоссейные и железные дороги на Кишинев, Измаил и дальше, в Румынию. Если к тому же вспомнить, что Женя и Тамара были выброшены в тыл врага 25 марта 1944 года, незадолго до наступления 3-го Украинского фронта, то нетрудно представить, какая важная и ответственная задача была поручена разведчицам.

Конечно, Женя и Тамара вряд ли смогли многое сделать, если бы семья Студентовых, а через них и многие другие советские патриоты, имена которых так и остались неизвестными, не помогли девушкам в их работе. Организацией сбора разведывательных данных занимались Андрей и тетя Таня. Помогали Виктор, ее младший сын, и пятнадцатилетняя дочь Варя. Вместе со своими друзьями-комсомольцами они каждый день бывали в городе, и от их глаз ничто не могло укрыться. А вечером собранные за день сведения аккуратными колонками цифр ложились на клочок бумаги и тут же передавались в штаб советских войск.

Уже почти полмесяца работали в Аккермане разведчицы. За это время многое изменилось на фронте. Советские войска освободили Одессу и вышли к Днестровскому лиману. Теперь до наших передовых частей было всего лишь несколько километров. Девушки уже готовились к встрече своих, но вдруг по радио получили приказ: срочно перейти западнее, в район Болград — Рени, и оттуда передавать сведения о противнике.

Задача оказалась очень трудная. Питание к рации было на исходе.

По идти надо. Тетя Таня дала на дорогу немного денег. Она же упросила офицера, стоявшего несколько дней у нее на квартире, взять с собой дочек, которые очень боятся красных и хотят уехать к родным в Румынию. На дорогу зажарили самого лучшего гусака, достали у соседей небольшой бочонок вина.

И вот к отъезду все готово. Девушек посадили в кузов закрытой грузовой автомашины, а их вещи, в знак особого внимания, обер-лейтенант велел положить в багажник своего «оппель-капитана». Пришлось согласиться, хотя всю дорогу девушки волновались: что, если офицер или его шофер заинтересуются, какие пасхальные подарки везут с собой девушки?

Но все обошлось благополучно. Жаль только, что дальше Аккермана немцы не ехали. Неожиданно вся колонна повернула

на юг, к морю. Пришлось сойти в Акмангите. Заночевали у Семена Горбенко, дальнего родственника Аксеновых. Рацию спрятали на огороде, под стогом.

Утром в селе началась облава. Жандармы кого-то искали. Целую неделю девушкам пришлось скрываться в плавнях.

Когда тревога улеглась, Тамара ночью установила рацию и попыталась связаться с центром. Но усилия оказались напрасными: батареи питания разрядились. Чуть не плача, Тамара рассказала об этом Жене.

Девушки задумались. Что делать дальше?

— Придется возвращаться назад, — решила наконец Женя. — Попытаемся достать питание в городе.

И вот они снова в Турлаках. Питания к рации в городе найти не удалось, и Женя решила с помощью Андрея перебраться через лиман к нашим. Получить там все необходимое и вернуться обратно. А Тамаре на это время она посоветовала устроиться домработницей в богатую семью в пригороде Аккермана.

Но случилось непредвиденное: во время одной из облав девушек арестовали. На первом же допросе стало ясно, что их кто-то выдал. Разведчиц под конвоем отправили в Сарту, где находился штаб оккупантов, а оттуда — в Кишинев, в информационное отделение, возглавляемое колонелом Бэдэрэу.

Допрашивали часто. Били. Боясь, что Тамара не вынесет пыток, Женя приказала ей сказать, что она не знает шифра.

В синяках и кровоподтеках, Женя лежала в камере на дне опрокинутого книжного шкафа, служившего подругам кроватью. Солома и обрывки каких-то довоенных бухгалтерских отчетов были вместо подушек и матраса.

В одну камеру подруг посадили недавно. Очевидно, их участь уже была решена.

— Тебя сегодня били? — спросила Женя, когда после очередного допроса Тамару втолкнули в камеру.

— Нет, Женечка. Вот уже третий день колонела как подменили: все уговаривает согласиться работать у них радисткой. Хотят с группой выбросить в тыл к нашим.

— Ну а ты?

— Что я? Лучше смерть, чем такое!

— Лучше смерть… — задумчиво проговорила Женя. — А их выбросят…

— Кого «их»? — не поняла Тамара.

— Разведчиков. Фашистов. Вот кого!

— Ну и что? Их все равно наши переловят.

— Конечно, их поймают. Но сколько они могут навредить!

Помолчали. Каждая думала о своем.

— А может, Тамара, тебе стоит согласиться?

От неожиданности та опешила. С минуту смотрела на подругу удивленными, ничего не понимающими глазами.

— Да ты что, с ума сошла? Как ты можешь говорить такое?!

— Нет, я, Тамара, серьезно. Давай вместе подумаем. Вот мы сейчас здесь, в камере. А какая польза нашим? Никакой. А если бы тебе представилась хотя бы малейшая возможность помочь им? Неужели ты бы отказалась?

— Конечно нет!

— Вот видишь. А у тебя есть такая возможность.

— У меня? Да ты о чем, Женя?

— Да все о том же. Ты должна согласиться. Тебя выбросят с группой в тыл к нашим, и ты… Понятно? Лишь бы не догадались раньше времени.

— А как же ты, Женя? Ведь они замучают тебя здесь. Я не могу так. Нет!

И Тамара, уткнувшись головой в плечо подруги, заплакала.

— Успокойся, доченька, — ласково сказала Женя. Так иногда она называла свою младшую подругу. — Надо, понимаешь, очень надо, чтобы ты вернулась к нашим и рассказала обо всем. Я не прошу тебя, а приказываю.

Наутро Тамару увели на допрос. Вернулась она нескоро.

— Ну как? — В голосе Жени нетерпение, тревога.

— Сказала, что подумаю и завтра скажу.

— А он?

— Обрадовался. Ласковый такой. Говорит, денег даст много, замуж выдаст за гвардейского офицера.

— А ты не перестаралась?

— Думаю, что нет.

Тамара устало опустилась на край «кровати».

А на следующий день Тамара подписала «ангажемент» — обязательство работать на разведку его величества короля Румынии Михая. Подписала лишь при одном условии: ее подруге должна быть гарантирована жизнь и безопасность. Бэдэрэу с готовностью согласился, сказав, что Женя останется заложницей, на всякий случай. И уже за несколько дней до вылета на задание Тамара подписала еще один документ. В нем говорилось, что, если она не выполнит задания или попытается бежать к русским, ее подруга «умрет в страшных мучениях».

Несколько недель занятий в школе, где готовили диверсантов, позади. Тамару познакомили с группой, с которой она вылетит на задание. Возглавлял ее Василе Штефанеску, сын кулака из-под Черновиц. У диверсантов были автоматические

пистолеты, гранаты, мины и другое необходимое в таких случаях снаряжение. Тамаре «забыли» дать пистолет, и, когда она с обидой сказала об этом начальнику, тот постарался ее успокоить:

— Зачем тебе оружие? Ведь ты же радистка, и тебя вся группа будет охранять.

Наступил день вылета. Тамара прощалась с Женей. И даже сейчас, расставаясь навсегда, нужно было сдерживать себя: за ними наблюдали. Говорили ничего не значащие слова, бессмысленно улыбались. Но в глазах друг друга девушки прочли то, чего нельзя было сказать словами.

Взревели моторы, и «юнкерс», специально выделенный немецким командованием, ушел в темноту ночи.

С пристегнутым парашютом и рацией, закрепленной на груди, Тамара сидела на металлической скамейке. Напротив, рядом, — ее враги. Они испытующе поглядывают на Тамару.

Первым прыгал Штефанеску, за ним — Тамара и сразу же ее «помощник» — Стан.

Когда парашют раскрылся и утихла болтанка, Тамара оглянулась кругом. Немного ниже белел в темноте купол. «Штефанеску», — подумала девушка. Отыскала она и своего «помощника», он спускался почти рядом.

Решение пришло неожиданно. Рывком подтянув стропы парашюта, Тамара начала быстро скользить вниз. Порывистый ветер относил ее в сторону. Теперь она уже не видела парашютов Стана и Штефанеску, они растаяли во мраке.

Быстро приближалась земля, только за каких-нибудь сто метров до нее Тамара отпустила стропы. Купол парашюта расправился, и падение сразу же замедлилось. Коснувшись земли, Тамара отстегнула парашют и бросилась бежать на лай собак, который она услыхала еще в воздухе.

И вот спустя семнадцать лет после описанных событий я хожу и езжу по тем местам, где прошли свой нелегкий путь две девушки-разведчицы.

Сначала иду в Александрову, где живет Тамара Аксенова, а потом буду добираться в Ивановку-Русскую и попытаюсь там разыскать родных и близких Жени Зенченко.

У меня есть несколько фотографий Жени. Те самые, что были в ее личном деле. На одной из них Женя снята в саду, у яблоньки, еще не одевшей весенний наряд. Когда я пытаюсь представить себе Женю в самую трудную для нее минуту, я вижу ее такой, как у этой молоденькой яблони.

Но сначала о Тамаре. Знаю, что трудный это будет разговор. Ведь и через семнадцать и через тридцать лет тяжело вспоминать

годы, которые так много унесли с собой друзей и родных и оставили на память столько горя. Трудно вспоминать последнее прощание с лучшей подругой, ее улыбки, шутливые напутствия, за которыми притаились мужество и добровольно подписанный самой себе смертный приговор. Но об этом не должен был никто догадаться. Это было семнадцать лет назад.

Тамара Аксенова-Райлян с сыном.

С волнением стучу в дверь, переступаю порог дома. Вот и Тамара. Такая же, как на давних фотографиях. Конечно, годы и пережитое оставили свои следы. Но это видишь только вначале. А потом не замечаешь ни морщин, ни тонких нитей преждевременной седины. Наверное, это потому, что глаза у Тамары молодые, задорные.

После того как с ее помощью была поймана группа диверсантов, Тамара почти до конца войны прослужила в армии, а потом поступила учиться в Кишиневский сельскохозяйственный институт. Закончила его, работала агрономом, преподавала биологию в средней школе, затем стала инспектором-организатором Тарутинского колхозно-совхозного

территориального управления.

…Первые приветствия, обычные при встрече.

И сразу же неожиданное:

— А знаете, Женя жива!

Голос Тамары ликующий, звонкий. Рассказывает, как все это было.

Демобилизовавшись в конце войны, Тамара попыталась узнать о судьбе своей подруги. Написала ее родным в Ивановку-Русскую, но ответа не получила. Из части на ее запрос сообщили, что

> «Зенченко Евгения Семеновна не вернулась с боевого задания в апреле 1944 года».

Не хотелось верить, что Женя погибла, но все дальнейшие поиски были безуспешными. Шли дни, месяцы, годы. Со временем несколько притупилась боль утраты, да и жизнь в эти годы не скупилась на испытания. Несколько лет Тамара тяжело болела, а когда немного поправилась, нужно было работать, растить троих детей, оставшихся без отца.

И вот однажды почтальон принес волнующую весть — письмо Жени Зенченко! Правда, теперь у нее была другая фамилия — Константинова, и жила она не в Одесской области, а в Молдавии, где ее муж работал в средней школе.

И вот мы едем в большое молдавское село Олонешты, где живет Евгения Семеновна Константинова, а для нас с вами, читатель, Женя Зенченко, просто Женя.

Не берусь описывать эту встречу. Как бежали друг другу навстречу две женщины. Как перебивали друг друга вопросами. Как плакали, обнявшись.

Женя уцелела чудом. Это было ночью под Фонтанами в августе 1944 года. Отступавшие гитлеровцы заночевали в большом селе в десяти километрах от города. Женю вместе с другими красноармейцами, захваченными в плен, на ночь загнали в сарай и выставили охрану. Но на рассвете неожиданно началась стрельба. Советские войска прорвались на этом участке, и гитлеровцы в панике разбежались, не успев уничтожить пленных.

С частями Красной Армии Женя дошла до Вены. Демобилизовавшись, вернулась домой. Вышла замуж. Муж ее работает завучем в школе, а Женя — воспитателем в группе продленного дня. У нее двое детей.

Вот, пожалуй, и все, что я знаю о них.

Они подружились на одном из перекрестков войны. И расстались так же неожиданно, как встретились. И вот снова

вместе, уже на другом перекрестке — мирном.

А. Нестерский
МАЛЮТКА

Во время боев с врагами в грозные годы войны девушки-патриотки, как и все советские люди, шли на самые ответственные и самые опасные участки, горя одним желанием — беспощадно громить врага. Они сражались почти во всех родах войск и всюду показывали образцы мужества и отваги.

Малюткой называли на фронте механика-водителя танка одесситку Екатерину Петлюк. Многое можно рассказать о ней, об этой смелой девушке-танкисте, маленьком богатыре войны.

Однажды весенним утром в комнату записи актов гражданского состояния Ленинского района Одессы вошли двое — парень, лет двадцати трех, с пышной шевелюрой, и молоденькая девушка, голубоглазая, веселая. Екатерина Алексеевна Петлюк посмотрела на молодую чету и подумала: «Вот это пара».

Парень был в военной форме. На его гимнастерке поблескивал значок классного специалиста, мастера вождения танка. У Екатерины Алексеевны забилось сердце. Она долго не могла унять волнения от нахлынувших воспоминаний.

Этот день был у нее днем удивительных сюрпризов. Когда она пришла после работы домой, на столе ее ожидало два письма. Одно прислал офицер запаса Хесанов.

> «Может быть, — писал он, — вы не та Петлюк. А знал я одну прекрасную девушку-патриотку. Она служила механиком-водителем танка Т-60 в роте, где я был помощником командира по технической части. Это была смелая, находчивая девушка. Она отлично водила танк. Боевые друзья ласково называли ее Малюткой».

Екатерина Алексеевна распечатала второе письмо. Оно было от курсантов танковой школы Васильевского, Шаповалова, Цымбала и Барановского. Они писали:

> «Уважаемая тов. Петлюк, мы, как и вы раньше, учимся на механиков-водителей боевых машин. Будем рады, если расскажете о своей тогдашней учебе, о том, какие трудности вам пришлось преодолевать, как вы водили танк на полях сражений, за что получили два

ордена, боевые медали? Нам, это очень интересно».

Екатерина Алексеевна задумалась. И в ее памяти ожили страницы былого. Кажется, очень далекого и в то же время такого близкого.

Юности свойственны мечты.

Катя Петлюк в школьные годы мечтала стать летчицей. Бывало, пойдут подруги в луга. Все собирают полевые цветы, а Катюша ляжет в траву и смотрит в бездонное синее небо. Не пролетит ли среброкрылая птица. В небе парил ястреб. Но и он казался девушке маленьким самолетом. Вскоре она стала посещать аэроклуб. Летала над морем на спортивном самолете. Но ей очень хотелось управлять боевым.

Первые желания и… первые неудачи.

Она сидит в кабинете председателя приемной комиссии авиационного училища. Седой мужчина в военной форме сочувственно смотрит на девочку с косичками и говорит:

— Ничего, товарищ Петлюк, не могу сделать. Решение врачебной комиссии для нас закон. Вы не проходите по росту. Вот подрастете, возмужаете, тогда и…

— Тогда, тогда! — обиделась она, но, тут же спохватившись, сбавила тон. — Извините, пожалуйста. Можно идти?

— Да, идите. И не падайте духом. Будете водить машину.

Катя пришла домой расстроенная. Мать спросила:

— Взяли?

Девушка сделала недовольный жест:

— Нет. Ростом мала…

— А чего же тут обижаться? Ведь верно. Тебя в школе как прозвали? Пуговица. Ты и есть пуговица. Обидного ничего в этом нет. Радуйся, что здоровье хорошее, а рост — это полбеды. Вырастешь.

— И вырасту, — сердито прикусив губу, проговорила Катя.

Она была маленькая, круглолицая, на вид хрупкая, но с самого детства крепла в ее характере одна примечательная черта — необыкновенное упорство. Чего захочет, обязательно сделает. Захотела стать метким стрелком — и стала. Решила научиться прыгать с парашютом — и научилась. Когда началась война, она заявила:

— Пойду на фронт. Воевать.

И на другой же день явилась в военкомат с заявлением, в котором писала:

«Прошу отправить меня добровольцем в армию. Умею прыгать с парашютом, стрелять, метать гранату».

Ждать пришлось недолго. Однажды пришел ответ. Катя запрыгала от радости. Ее зачислили в танковую школу.

Начались дни упорной учебы. Классные занятия чередовались с тренировками на танкодроме, теория подкреплялась практикой. Менялись темы упражнений, менялся и характер девушки, будущего бойца стальной гвардии.

…Зеленое поле танкодрома.

Сегодня у курсантов трудная тема — преодоление препятствий. Колейный мост. Катя Петлюк стоит у танка. Она нервно трогает пальцами шлем — волнуется. Ее темные глаза напряженно смотрят на переброшенные через ров бревна. Это колейный мост. Узкие, скользкие балки. Два десятка метров над рвом.

— Петлюк, в машину! — раздается голос командира.

Катя повела танк. Но когда он приблизился к мосту, резко затормозила. Холодок пробежал по спине. И сколько ни ругала Петлюк себя за робость, не могла преодолеть чувства страха.

— Серегин, за рычаги! — приказал командир. — Покажите, как берут препятствие.

Серегин сел в машину. Взревел мотор. Танк помчался по трассе, развернулся и вошел на мост. У препятствия Серегин замедлил ход машины, но как только ее широкие гусеницы коснулись бревен, переключил передачу. Танк на большой скорости перелетел через препятствие. Поднялся, высоко задрав стальной лоб, на крутой вал и сделал разворот.

— Вот здорово! — воскликнула Петлюк, пораженная виртуозностью механика-водителя.

Командир смотрел на девушку с улыбкой человека, понимающего состояние подчиненного.

— Ну как, попробуем?

— Попробуем, товарищ сержант! — повеселев, ответила Катя.

Флажок снова показал «Вперед». Петлюк повела танк к колейному мосту. Десять, пять метров, три… Гусеницы коснулись балок. Грохоча по ним, машина уверенно двигалась все дальше и дальше. Вот она замедлила ход, остановилась, будто повисла над рвом, и… сделала рывок. Препятствие — позади. Катя вытерла ладонью горячий пот.

— Так-то дается учеба, — похлопал ее по плечу командир, когда она доложила о выполнении упражнения. — Но помните: в бою будет и посложнее. Победа на войне куется сейчас, Малютка. — Сержант улыбнулся широкой русской улыбкой.

Так закрепилось за Катей ласковое прозвище, данное ей сержантом. Петлюк унесла с собой это прозвище на фронт. Когда она вела свой танк в первый бой, о ней говорили:

— Малютка получает боевое крещение.

Это было нелегкое крещение — и физическое, и моральное. Вечерами, выйдя из землянки, Катя смотрела на пылающий горизонт. Смотрела не на пожар золотого осеннего листопада, не на милые майские закаты и не на багряные зимние зори, которые она тысячи раз видела в России, в Одессе. То полыхали зловещие зарева войны. И от этого болью сжималось ее маленькое девичье сердце.

Бывали дни, когда, измотанная боями, она валилась с ног от усталости. Как-то один из танкистов посмотрел сочувственно на девушку и бросил:

— Не за девичье взялась дело, Малютка.

Пожилой боец, чистивший у печурки пулемет, поднял брови:

— Ты говоришь «не девичье». Нет, брат, не так. Вот ты сказал это слово, и мне вспомнился один случай. Под Москвой это было. Дрались мы за одну деревушку. А она, как орешек, не поддается. Сильно в ней враг укрепился. Кругом — дзоты, проволочные заграждения. Служила в нашей роте санитаркой девушка Тася. Дружила она с командиром отделения автоматчиков Васей Попковым. Душа был парень. Первый в полку шутник, весельчак и балагур. Все на свете казалось ему простым и доступным. И вот однажды его отделение получает задание — пробраться в деревушку к противнику в тыл и во время общей атаки захватить каменное здание. Бойцы пробираются к немцам и штурмуют дот. Попков бежит впереди, бойцы — за ним. Бегут, и вдруг — колючая проволока! А медлить нельзя. Отступать — тем более невозможно. Приказ — закон для солдата. Попков начинает рубить проволоку. Его ранило. К нему подбегает санитарка Тася. Делает перевязку. Около них разрывается мина. Попков убит, а Тася получает ранение в грудь. Она зажимает ладонью рану и поднимает бойцов в атаку. Солдаты захватывают объект. Вот какое оно бывает дело-то, «не девичье»…

Танкисты легли спать. А Катя широко раскрытыми глазами смотрела в темноту и долго думала о той санитарке. Вот какие они бывают, девушки.

Уже более часа били наши орудия. Огненная лавина свинца и стали обрушилась на передовые позиции немцев. С воздуха их бомбили советские самолеты. Потом, когда огонь был перенесен в глубь вражеской обороны, в атаку пошли танки. Армада танков. Разрезая снежный наст, они с ревом мчались вперед. А над ними кружились в бешеном танце белые вихри.

Петлюк сидела за рычагами и неотступно следовала за головной машиной. Катей, как и тысячами людей, идущих за

танками в атаку, овладел азарт боя. У нее не было ни страха, ни колебаний. Какая-то неведомая сила мчала ее сквозь разрывы снарядов туда, где укрылся в окопах и траншеях враг. Над танками проносились молниями краснозвездные штурмовики. Катя видела их в смотровую щель и мысленно посылала им пожелания успехов. И прибавляла скорость.

Впереди что-то чернело на снегу. Когда машина подошла ближе, Петлюк воскликнула:

— Офицер! Раненый офицер!

Командир приказал остановиться. Катя закрыла раненого бортом машины. Люк нельзя было открывать: противник начал вести по танку пулеметный огонь. И лишь когда огневая точка врага была уничтожена, Петлюк вышла из танка.

— Жив, товарищ? — склонилась она над офицером.

— Жив… Помогите…

Катя узнала офицера.

— Помпотех! Вы ранены?! Скорее в машину! — крикнула она и тут же легла на землю: застучала пулеметная очередь. Где-то появилась новая огневая точка. Из танка ударила пушка. Катя под прикрытием огня товарищей помогла офицеру забраться в люк. Офицера передали санитаркам. А экипаж продолжал выполнять боевую задачу. Он уничтожил в этот день два пулемета, разбил несколько дзотов противника.

Наступали по снежной целине, в лютую стужу. Днем и ночью. Очень трудно было Кате — девушке-танкисту. Помогали упорство, стремление не отставать от товарищей.

После разгрома гитлеровцев на Волге танковый полк был переброшен под Орел. К новым схваткам Екатерина Петлюк вела машину, уже несколько раз отмеченная в приказах командования. На груди девушки сиял боевой орден.

Льет дождь. Льет вторые сутки не переставая. Дороги превратились в грязно-желтое месиво. Петлюк возвращалась из штаба полка. Перед танкистами выступал полковой комиссар. Он только что прилетел из штаба фронта. Рассказывал о приезде в 1-ю танковую армию члена Военного совета фронта Н. С. Хрущева, о положении на фронте.

— Ближайшие сутки, двое, трое, от силы неделя — самые страшные. Либо пан, либо… немцы в Курске. Они на карту все ставят, для них это вопрос жизни или смерти. Надо сделать так, чтобы был вопрос только смерти, чтобы они свернули себе шею, а мы вперед пошли. Украина ждет, Днепр… А там граница.

Комиссар сказал в заключение:

— Не сегодня-завтра начнется такое, что дух захватит.

Вскоре Катя узнала от командира танка Федоренко о начале нашего мощного наступления на огненной дуге.

— Ночью, возможно, пойдем и мы. Перед нами Орел, — проговорил Федоренко.

— Уж очень дороги плохи, — заметила Катя. — Мы-то пройдем, а вот пехота.

— И пехота пройдет. На то она и царица полей, — засмеялся Федоренко. — Возьмем Орел, а там и до Днепра — рукой подать. Украина — моя родина. Сердце болит, как подумаешь о ней. Глумится там лютый ворог.

Федоренко тихонько запел:

Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч.
Над тобой летят журавли…

В землянке было тихо. За окном шумел дождь. Ветер рвал макушки деревьев, гнал по реке мутные волны, свистел, метался над затянутыми хмарью полями.

На рассвете начался бой. Танк Федоренко в числе других машин прогремел по наведенной саперами переправе на другой берег.

Перед лобовой броней от рвущихся снарядов подымались бурые столбы. У одной из воронок Петлюк свернула в сторону и, не проехав десяти метров, влезла в глинистый кювет. Танк забуксовал. Федоренко решил осмотреть местность и приоткрыл люк. По броне хлестнула пулеметная очередь. Командир ладонью закрыл лицо. Сквозь пальцы брызнула кровь.

— Вы ранены. Спускайтесь.

Катя стала перевязывать Федоренко. Он отшучивался:

— Не закрывай моего правого глаза. Я еще постреляю.

С пологого холма фашисты открыли огонь из противотанковой пушки. Петлюк перешла на первую передачу. Медленно покачиваясь, машина с ревом выползла из кювета. Маневрируя на поле боя, то делая зигзаги, то разворачиваясь вправо, влево, танк приближался к холму. Петлюк снова переключила скорость. На полном ходу машина врезалась в орудие, давя его гусеницами. Весь расчет пушки был уничтожен. Федоренко осмотрел орудие. В пушке зияла свежая пробоина. Командир задумался.

— Чья это? Мы же не стреляли.

Катя показала рукой влево. По размытой дороге, рассекая лужи, мчалась «тридцатьчетверка».

— Командира роты, — сказал Федоренко. — Так сказать, друг другу подмогнули.

Бой продолжался. Лишь к вечеру танкисты получили передышку. Петлюк и Федоренко по лесенке спустились в очищенный от гитлеровцев блиндаж. Катя зажгла лампу-патрон. Федоренко посмотрел на девушку:

— Что это, Малютка?! Ты же ранена.

На левой лопатке темнело багровое пятно. Сгоряча она не почувствовала боли. Но как только командир начал помогать ей делать перевязку, Катя стиснула зубы, застонала. Ее отправили в медсанбат. Оттуда хотели увезти подальше в тыл. Она наотрез отказалась.

— Что хотите делайте — не поеду.

И настояла на своем. Через некоторое время она снова сидела за рычагами. Впереди были Днепр, Киев.

Как-то, уже после взятия Киева, Катя в минуту короткой передышки стояла на днепровском берегу и смотрела, как он катил величаво свои светлые воды. Петлюк вспомнила Федоренко, о судьбе которого ничего не знала после его вторичного ранения, и тихонько повторила слова спетой им когда-то песни:

Ты увидел бой, Днепр отец-река.
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой…

Она пела, а Днепр плескался у ее ног, широкий, могучий, вольный.

Ее кто-то окликнул:

— Малютка!

Катя обернулась. Это был Федоренко. Встреча была радостной, но короткой. Танкист сопровождал колонну новых машин. Он очень спешил. Они распрощались, так толком и не поговорив.

По переправе шли наши резервы — могучие пушки, танки. И люди. Много людей в серых шинелях. Шли по улицам освобожденного Киева. На запад. На Берлин.

И в этой армаде огня и металла, в железных рядах освободителей родной земли вела свой танк Малютка, скромная труженица войны — одесситка Екатерина Петлюк.

И. Шарончиков
ПОЛНЫЕ КАВАЛЕРЫ

В годы Великой Отечественной войны тысячи отважных советских патриоток были удостоены правительственных наград. Многие из них награждены солдатским орденом Славы I, II, III степени. Две женщины являются полными кавалерами этого почетного ордена — Дануте Станилиене и Матрена Нечепорчукова.

Дануте Станилиене до войны никогда не видела пулемета. Да и где она могла его видеть. Родилась и росла девушка в тихой литовской деревушке Белашутени. Военных там даже проездом не бывало.

Но вот неожиданно грянула война. Над деревней стали появляться самолеты с черной паучьей свастикой. По дорогам поползли бронированные машины. Гитлеровцы обстреливали мирное население из пулеметов, сбрасывали фугасные бомбы и «зажигалки». Беззащитные женщины, старики и дети уходили в глубь страны. Люди шли разутые и полураздетые, без куска хлеба.

Покинула родные места и девятнадцатилетняя Дануте. Вместе с другими она добралась до Горького и там поступила работать на промкомбинат.

Отряды рабочих почти ежедневно уходили на фронт, покидая обжитые места. Дануте не раз слышала по радио призывную песню тех лет:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

У молодой литовки появилось страстное желание с оружием в руках защищать Родину. Пришла после работы к военкому и заявила:

— Хочу пойти на фронт добровольцем.

В то время как раз шло формирование национальной литовской части. Станилиене была зачислена в нее. Радости девушки не было конца.

На вещевом складе Станилиене получила ботинки, солдатскую шинель, ушанку. Оделась и сама себя не узнала:

военная форма очень шла к ней.

Через несколько дней часть прибыла в действующую армию.

Дануте первое время служила поваром на солдатской кухне, и ей не приходилось непосредственно участвовать в боях. Зато пища у нее всегда получалась вкусной. Бойцы подхваливали своего нового повара, а она отвечала им ласковой улыбкой.

— На фронте и вкусную пищу надо уметь готовить, — говорила девушка. — Солдатский труд тяжелый, кормить вас надо хорошо. Тогда и драться с врагом будете лучше.

Вскоре в полк прибыло еще несколько девушек. Станилиене подружилась с одной из них — пулеметчицей Леной Сергеевой. Лена уже много раз участвовала в боях и считалась «обстрелянной».

— Вот бы мне научиться стрелять из пулемета, — сказала как-то Дануте своей подруге.

— Это нетрудно, — ответила пулеметчица. — Заходи ко мне почаще, я научу тебя этому ремеслу. Пулемет оружие надежное, за ним в бою — как за каменной стеной.

Дануте почти ежедневно приходила на огневую позицию. Когда позволяла обстановка, Лена показывала ей как снаряжать пулеметные ленты, учила разбирать и собирать оружие. Дануте любила слушать рассказы Лены про чапаевскую Анку, про то, как та искусно владела пулеметом.

Но дружба девушек продолжалась недолго. В одном из боев Лена погибла. Дануте пошла к командиру и попросила, чтобы ее назначили пулеметчицей, вместо погибшей подруги. Командир удовлетворил ее просьбу. Молодая пулеметчица с первых же дней показала себя храбрым воином. Она появлялась со своим оружием в самых опасных местах и беспощадно разила немецко-фашистских захватчиков.

Исключительную храбрость и отвагу Дануте проявила в бою за деревню Панская под Курском. Во время одной из атак она выдвинулась со своим расчетом вперед и стала выжидать. Вот появились цепи гитлеровцев. Фашисты лавиной устремились к нашим позициям. А пулеметный расчет молчал. Бойцы недоумевали. Что бы могло случиться? Почему молчит пулемет?

А молчал он до поры до времени. Как только фашисты приблизились, отважная пулеметчица, подобно чапаевской Анке, о которой ей рассказывала Лена, начала косить их длинными очередями. Обезумевшие гитлеровцы бежали и замертво падали на землю.

Осколок вражеского снаряда попал в руку пулеметчицы. Она лишилась трех пальцев, но не покинула поля боя и продолжала истреблять фашистов. Только когда пришла смена, девушка

оставила пулемет.

Долго тянулось время в госпитале. Врачи каждый день делали перевязки, уколы. Рана постепенно стала заживать. А когда пришло время выписываться, девушку хотели направить в другую часть. Дануте наотрез отказалась. И врачам пришлось согласиться.

Когда Дануте вернулась в свой полк, командир назначил ее в ту же роту, откуда она была эвакуирована после ранения. Пулеметчица с еще большей ненавистью стала истреблять фашистов. Ей поручали самые сложные задания, и Станилиене всегда выполняла их мужественно и умело.

Дануте Станилиене.

Во время боев за населенные пункты Узница и Лютовка на Витебщине пулемет Станилиене был придан штурмовой группе. Поддерживая наступающее подразделение, Дануте продвинулась вперед и закрепилась на занятом рубеже. Фашисты несколько раз пытались атаковать ее. Девушка-воин подпускала врагов на близкое расстояние и расстреливала их в упор. Она отразила тринадцать атак противника, уничтожив огнем своего пулемета более сорока гитлеровцев.

Славная патриотка-коммунистка отлично владела не только пулеметом, но и другими видами стрелкового оружия. Когда требовала обстановка, она брала в руки автомат и так же беспощадно разила из него врагов.

В ее боевой жизни был такой эпизод. В бою под местечком Байнуты рота, в составе которой воевала пулеметчица, потеряла связь с вышестоящим штабом. В подразделении создалась сложная обстановка. Командир спросил находившихся возле него бойцов:

— Кто может быстро доставить донесение в штаб?

— Я, — ответила Дануте.

И командир доверил ей выполнение этого ответственного задания. Пробираясь лесными тропами, девушка уверенно шла вперед. Неожиданно из кустов раздалась автоматная очередь. Сомнений быть не могло — это стрелял укрывшийся гитлеровский снайпер. Дануте быстро залегла и стала внимательно следить, откуда ведет огонь притаившийся враг. Обнаружив снайпера, она незаметно, ползком, подобралась к нему поближе. Короткая автоматная очередь, и фашист был сражен.

В полку пулеметчицу Станилиене называли чапаевской Анкой. И не случайно. Она всегда действовала в бою так же решительно и храбро, как Анка. Много раз девушка проявляла сметку и находчивость, спасала жизнь своим боевым друзьям.

Однажды Дануте с группой воинов была направлена для выполнения важного боевого задания в тыл противника. Шли ночью. Когда забрезжил рассвет и наши воины уже приближались к цели, зоркий глаз пулеметчицы заметил за кустарником немецкого автоматчика, направлявшего на них оружие. Не раздумывая, Дануте мгновенно вскинула автомат и сразила фашиста. Путь разведчикам был открыт.

Через несколько дней в солдатской газете «Вперед на врага» появилась фотография с такой подписью:

«Отважная дочь литовского народа, пулеметчица подразделения лейтенанта Велиса, коммунистка Дануте Станилиене истребила многих гитлеровцев, сражалась на Курской дуге, участвовала в освобождении города Орла. Исключительную храбрость проявила и в боях с врагом на родной литовской земле. Родина наградила ее тремя орденами Славы и медалью «За отвагу».

В настоящее время бывшая фронтовичка проживает в Вильнюсе и носит фамилию мужа — Маркаускене. Литовцы часто вспоминают о своей мужественной пулеметчице, отважном воине.

Вторая женщина кавалер трех орденов Славы — украинка Матрена Нечепорчукова, из села Волков Яр, Харьковской области.

Как и Дануте Станилиене, Матрена девятнадцати лет вступила в действующую армию-и прошла вместе с ней путь от Волги до Шпрее.

Первая женщина-воин, о которой мы рассказали, хорошо владела пулеметом. Оружием Матрены Нечепорчуковой всю войну была санитарная сумка с красным крестом и брезентовая плащ-палатка, на которой она выносила с поля боя раненых.

В санитарной книжке, которая была в дни боев у Матрены, крупными буквами написано:

> «Защищает Родину и тот, кто выносит из боя раненых».

А еще в этой книжке были такие слова:

> «Товарищ санитар! Чем больше ты вынесешь из боя тяжело раненных, тем больше ты спасешь жизней наших славных бойцов. Родина и семьи не забудут тебя».

Матрена Нечепорчукова в трудных условиях, под непрерывным огнем противника, днем и ночью, в зимнюю стужу и в осеннюю слякоть, спасала жизнь раненым воинам.

Правда, девушка не сразу привыкла к боевой обстановке. В первые дни на фронте от непривычного свиста пуль она закрывала лицо воротником шинели. Но потом «обстрелялась». И когда осколки снарядов пролетали над ее головой или врезались в землю, Матрена, не обращая на них внимания, смело ползла вперед, чтобы оказать помощь раненому.

Матрена Нечепорчукова.

Летом 1943 года советские воины с плацдарма севернее Киева начали большое наступление. Часть, в которой служила Нечепорчукова, форсировала Днепр в районе села Войсковое. Противник оказывал сильное сопротивление. Он предпринимал на этом участке фронта от семи до одиннадцати контратак в сутки. Но наши воины, истребляя фашистов, продолжали развивать наступление, отвоевывая у врага каждую пядь своей земли.

Вместе с передовыми подразделениями переправилась на правый берег Днепра и санитарная рота, в составе которой была Матрена Нечепорчукова. Санитары и врачи, презирая смерть, оказывали помощь раненым. При эвакуации раненых нередко приходилось пользоваться подручными средствами. Матрена работала в те дни не покладая рук, без сна и отдыха.

И вот на пути еще одна большая водная преграда — река Висла. Здесь также шли жаркие бои. Матрена находилась в первых рядах наступающих. Как указывается в наградном листе

командира полка, она первой из состава санитарной роты переправилась через реку и оказывала на занятом плацдарме медицинскую помощь раненым. За два дня девушка вынесла с поля боя двадцать шесть тяжело раненных бойцов. В этом бою она получила ранение, но с поля боя не ушла, продолжая выполнять свой долг. Нередко ей приходилось выносить раненых из таких мест, где простреливался каждый клочок земли.

В районе населенного пункта Магнушино в бою был тяжело ранен офицер, фамилия которого, к сожалению, осталась неизвестной. Он оказался в зоне обстрела противника, и к нему никак нельзя было подойти. Но храбрая санитарка, невзирая на опасность, все же решила ползти к раненому.

Над ее головой свистели пули, пролетали осколки снарядов. Местность простреливалась вдоль и поперек. Матрена добралась до офицера, оказала ему первую помощь и на себе вынесла в безопасное место, а затем эвакуировала в тыл.

В полк, с которым девушка прошла всю войну, не раз приезжал Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. Матрена видела его лично. Особенно ей запомнился день, когда в июне 1944 года Василий Иванович приезжал вручать части гвардейское знамя.

Это было в лесу, неподалеку от населенного пункта Бутор. Воины выстроились на опушке леса. Чуйков вынес в развернутом виде алое полотнище, вручил его командиру полка майору Воинкову и поздравил воинов.

После вручения гвардейского знамени отличившимся в боях воинам (и в том числе Матрене Нечепорчуковой) были вручены ордена и медали.

…Шел апрель 1945 года. На дворе стояла весна. Кругом пробуждалась природа. Полк получил задачу выступить в бой непосредственно за Берлин. Сообщение об этом вызвало у всего личного состава необычайный подъем. Воины тщательно готовились к решительному штурму Берлина. По дорогам, где им пришлось идти, всюду были видны таблички, указывающие на Берлин.

Вместе с наступающими шла и Матрена Нечепорчукова. При прорыве обороны противника на западном берегу Одера и в боях за Берлин она снова проявила мужество и отвагу. Действуя непосредственно в боевых порядках, Матрена вынесла семьдесят восемь раненых бойцов и офицеров. А когда советские войска штурмовали Берлин, Нечепорчукова вместе с бойцами передового подразделения переправилась по штурмовому мосту через реку Шпрее и в труднейших условиях продолжала оказывать помощь раненым.

Родина высоко оценила боевые заслуги отважной санитарки. Ее наградили тремя орденами Славы и медалью «За отвагу».

Где же сейчас Матрена Семеновна Нечепорчукова? Как сложилась ее судьба?

Она проживает в селе Дмитриевка, Красногвардейского района, Ставропольского края. Работает медсестрой местной больницы, является депутатом районного Совета депутатов трудящихся.

А. Саркисов
ПОБЕДИВШАЯ СМЕРТЬ

О, русские женщины, солдаты Родины,
Которые гордо стояли перед врагом
И благородно жертвовали молодостью и жизнью
Для защиты своей дорогой страны!..
Среди вас бесстрашная Валентина,
Насмешливая Нина, прекрасная Тамара,
Отчаянная Надя и нежная Аида…
Да, я должна восхищаться всеми вами.

Лили

Нежная Аида… Так ласково называла свою советскую подругу по фашистскому концлагерю Равенсбрюк Аиду Сергеевну Алахвердян политзаключенная из Люксембурга, по имени Лили, в своем стихотворении «Русским женщинам». Этим она выразила свое восхищение женщинами Советского Союза, проявившими мужество и отвагу не только в открытом бою с врагами Родины, но и в плену, в застенках концлагеря.

…Шел 1942 год. На огромном фронте, расположенном между Доном и Волгой, шли ожесточенные бои. Вместе с другими частями советских войск у стен Волгограда, в его рабочем поселке Городище, стоял и 1078-й зенитно-артиллерийский полк противовоздушной обороны города, охранявший воздушные подступы к Волге.

В начале апреля 1942 года в этот полк пришла группа девушек, среди которых была и двадцатилетняя армянка Аида Алахвердян. Ее зачислили в 3-й дивизион, в 8-ю батарею, стоявшую в 12 километрах от Волгограда. Командир батареи Самохлебов и комиссар Сорокин с первых же дней увидели в Аиде способного воина и вскоре назначили ее дальномерщицей ПУАЗО — прибора управления артиллерийско-зенитным огнем.

23 августа, в первый день массированной вражеской бомбежки города на Волге, фашистские самолеты шли так низко и густо, что бойцы вели огонь из пушек прямой наводкой. Но потом, когда они летали на высоте четыре-пять километров, наши зенитчики стреляли по ним с помощью приборов.

Аиде, тогда еще «зеленой» девушке, вначале все казалось

трудным, страшным. Тем более что ей пришлось изучать приборы, как говорится, на ходу, причем в условиях войны, когда на небольшом участке фронта сконцентрировалось огромное количество зенитной артиллерии, а в небе все чаще появлялись фашистские самолеты.

Шел третий день массированного налета вражеской авиации на наши позиции. В предрассветных сумерках утра 25 августа белых клубков становилось все больше. Это вступили в действие орудия 3-го дивизиона. Враг и на этот раз был встречен шквальным огнем. Дым от разрывавшихся снарядов и бомб застилал все вокруг. Аида работала без устали, сообщала командиру все новые и новые данные о движении вражеской авиации. Огонь наших зенитчиков был точен. Зенитные разрывы становились все гуще. «Облака» приобрели темный цвет. Вражеские самолеты пытались изменить курс, уйти от возмездия.

Аида точно определяла дальность и высоту полета вражеских самолетов. По ее данным пушки 3-й батареи стреляли почти без промаха. Уже не раз, когда командир батареи получал от Аиды данные о фашистской авиации и давал команду «Огонь», самолет противника, оставляя за собой черную дымку, врезался в землю… На приборе управления Аиды появлялась новая звездочка: за две недели батарея сбила восемь фашистских самолетов.

29 августа гитлеровцы прорвали фронт в районе Вертячего и в полдень вышли к Волге севернее города. Враг оказался в полутора-двух километрах от корпусов Тракторного завода. Он мог в любую минуту ворваться в город, так как имел превосходящие силы — до 200 танков с мотопехотой и артиллерией на механической тяге. Эти силы продвигались от Дона к Волге при активной поддержке авиации.

Несмотря на все это, зенитные батареи корпуса противовоздушной обороны полковника Райнина, куда входил 1078-й полк, встретили гитлеровцев мощным огнем. Им пришлось бороться одновременно с самолетами, танками и пехотой противника. Восьмая батарея дралась до последнего снаряда. Зенитчики стояли насмерть, не отступая ни на шаг.

В начале сентября 1942 года положение батареи и всего полка еще более ухудшилось. Как ни маскировали пушки, их огонь все же был на виду у противника. Фашистские стервятники первый удар решили нанести по зенитчикам, чтобы расчистить себе подход к важным объектам. Батарея была сильно потрепана. Часть пушек вышла из строя.

Из-за отсутствия снарядов, будучи окружен танками и пехотой противника, 3-й дивизион вынужден был взорвать материальную часть. Многие из зенитчиков пали смертью

храбрых, а остальные, в том числе и Аида Алахвердян, оказались в окружении и попали в плен. Гитлеровцы угнали военнопленных на Запад. Аиде пришлось скитаться по многим фашистским лагерям, пережить страшные пытки, издевательства. В феврале 1943 года в числе других советских военнопленных ее отправили в концлагерь Равенсбрюк, в 80 километрах от Берлина.

Аида Сергеевна Алахвердян.

В Равенсбрюке Аида Алахвердян, как и другие узницы, лишилась имени, отчества, фамилии. С 27 февраля 1943 года — первого дня ее пребывания в лагере — она стала номером 17 526. С нее сорвали одежду, выдали юбку, кофту полосатой тюремной расцветки и боты на деревянной подошве.

Ауфзеерка, надзирательница лагеря, калечила тела и души узниц. Она могла, например, дать пощечину Аиде и любой-другой узнице за то, что те не выполняли ее «капризы». А «капризы» эти диктовались законами фюрера. Старшая ауфзеерка Бинц часто выгоняла узниц из бараков и заставляла бежать по сто метров без остановки. Невыполнение этого приказа грозило крематорием.

Однажды Аида не успела вовремя явиться на «стометровку», а придя, тут же упала, обессиленная. Эсэсовка с эмблемой

смерти — черепом со скрещенными костями — подошла к ней, схватила за волосы и начала зверски избивать.

Ревир — лагерная больница. Но там не лечили, а калечили людей. Эсэсовские врачи часто пользовались ядом эвиналом и бактериями, которыми умерщвляли больных, истощенных, а нередко и здоровых узниц. Палачи делали различные опыты, медицинские эксперименты над живыми людьми. Садист врач Трейте ежедневно отбирал для сжигания партию заключенных, давая им билет красного цвета, что означало направление в газовую камеру крематория.

Бетриб — фабричный цех в лагере. Там душили узниц работой. Там их избивали за саботаж. Полы бетрибов, как правило, всегда были закапаны человеческой кровью. Аида работала в мастерской по пошиву одежды вместе с бакинскими девушками Лидой Назаровой, Ниной Бондаренко и другими. Из-за слабого здоровья она не выполняла норм. За это ее зверски избивали.

Но Аида была полна решимости бороться до конца. Она переходила от одной машины к другой, уговаривала женщин шить медленнее, хуже. Зимой бараки не отапливались, а узницы были одеты слишком легко. Аида вместе с подругами накопила «излишек» шерстяных материалов и шила теплые тапочки для более слабых — престарелых женщин и детей.

Аппель — это раздирающий душу вой сирены, извещающий о поверках. Ежедневно по этому оглушительному вою узниц выводили из блоков во двор лагеря и заставляли часами стоять под снегом или под знойным солнцем.

Так жили в Равенсбрюке десятки тысяч советских женщин и антифашисток из разных стран Европы. Однако ни страшные пытки, ни бесконечные издевательства не сломили Аиду. Она вместе с подругами продолжала бороться.

В Равенсбрюке Аида Алахвердян томилась в 32-м, последнем по счету бараке. С первых же дней она установила связь с пленницами других бараков, знакомилась с их жизнью. Особенно крепко сдружилась Аида со своими землячками — девушками-грузинками Кето Хомерики и Нателлой Титвинидзе, армянками Осанной Аваковой и Валентиной Партикьян, бакинками Лидой Назаровой и Ниной Екимовой.

В Равенсбрюке действовало интернациональное коммунистическое кольцо. В его состав входили узницы многих национальностей: от чешек — Мама Запотоцкая, жена премьер-министра Чехословакии А. Запотоцкого, от француженок — Мари Клод Вайян-Кутюрье (впоследствии вице-председатель Международной демократической федерации женщин, депутат

Национального собрания Франции); от англичанок — антифашистка Айрин и другие. Душой подпольного коммунистического кольца были советские женщины — Евгения Лазаревна Клем, работавшая до войны в Одессе преподавателем истории, и Вера Удовенко.

Участницы коммунистического кольца ставили своей задачей поддерживать в лагере бодрость духа, ограждать заключенных от фашистской агитации, организовывать саботажи на работах, оказывать медицинскую помощь раненым и больным, рассматривать вопросы, касающиеся жизни заключенных, спасать их от неминуемой гибели. С этой целью к баракам были прикреплены доверенные лица из самих же узниц, которые проводили в жизнь решения коммунистического кольца.

Однажды в лагерь привезли новую партию арестованных чешских женщин. Двое из узниц — Инка и Милка, подруги Аиды по бараку, — горячо обнимали и целовали высокую женщину с усталым печальным лицом.

— Зденка, Зденка, — со слезами на глазах звали они вновь прибывшую. Аида узнала, что Зденка Неедлова — дочь видного чехословацкого ученого, жена героя-коммуниста.

С этого дня Аида сдружилась с Зденкой, как с родной сестрой. Она с большим интересом слушала рассказы Зденки о деятельности борцов чехословацкого Сопротивления, о гестаповском произволе в тюрьмах, о смелых действиях партизан и подпольщиков. Узницы верили, что рано или поздно фашисты будут жестоко наказаны, а заключенные освобождены из неволи.

Вскоре у Аиды появились и другие подруги. Как-то вечером по баракам распространился слух о том, что среди «новичков» находится жена вождя трудящихся Германии Эрнста Тельмана Роза Тельман.

— В какой блок ее определят? — спрашивали узницы.

— Конечно в наш, тридцать второй, — сказала Аида.

И она не ошиблась. У входа в 32-й барак Розу Тельман встретили почти все его обитатели. До поздней ночи затянулась беседа.

Два года и два месяца провела Аида Алахвердян в стенах концлагеря Равенсбрюк. Каждый день здесь тысячи людей увозили в камеру с газом и умерщвляли. Но люди не сдавались, боролись, как могли, и выжили. Выжила и Аида Алахвердян.

Политзаключенная Лили из Люксембурга написала об узницах стихотворение «Русским женщинам». Оно было переведено на русский язык Аидой Алахвердян и впервые опубликовано в армейской газете «За Родину» в 1945 году, а затем перепечатано в книге «Они победили смерть».

В этом стихотворении Лили назвала имена советских женщин, которые не покорились палачам, открыто выступали против распоряжений комендатуры лагеря, против зверств гестаповцев. В числе этих славных имен есть и имя армянки Аиды Алахвердян.

Среди вас бесстрашная Валентина,
Насмешливая Нина, прекрасная Тамара,
Отчаянная Надя и нежная Аида…
Да, я должна восхищаться всеми вами.

Приближалась весна 1945 года. Над Равенсбрюком все чаще стали появляться краснозвездные самолеты, как бы извещая о приближении часа расплаты — освобождения узниц из гитлеровской неволи. 30 апреля советские воины с криком «За Родину!» ворвались в Равенсбрюк. Сколько радости принесли они узницам! Как крепко обнимали измученные женщины своих освободителей! В первых числах мая в Фюстенберге уже действовала советская военная комендатура.

Вскоре началась подготовка к отправке освобожденных женщин на родину. Они были вызваны в комендатуру.

— Как вас зовут? — спросил советский офицер в чине капитана худенькую девушку.

— Аида.

— Отчество?

— Сергеевна.

— Фамилия?

— Алахвердян.

Капитан заметно оживился:

— Армянка?

Аида утвердительно кивнула головой.

— Из Армении? — обрадовался капитан.

— Нет, я не из Армении, а из Азербайджана. Село Кейвенд, Исмаилинского района.

— Если из Азербайджана, тогда ты моя землячка… А я из Баку, — улыбнулся капитан — Аветик Саркисян.

Аида стала работать в штабе 49-й армии, освободившей Равенсбрюк, на должности учетчика по регистрации советских репатриированных. Одновременно она помогала редакции армейской газеты «За Родину» в сборе материалов о зверствах гитлеровцев в период их хозяйничания в Равенсбрюке. Вместе с ней в штабе армии работали и некоторые другие бывшие узницы, в том числе армянка Валя Партикьян и ленинградка Таня Чибис — близкие подруги Аиды Алахвердян.

В октябре 1945 года Аида Алахвердян поехала домой. Провожая ее на родину, капитан Саркисян в знак дружбы подарил ей свою фотографию, на обороте которой написал:

«На память дорогой землячке Аиде, освобожденной Красной Армией из фашистского застенка».

С тех пор прошло много лет. Где же теперь Аида Сергеевна? Где ее подруги по концлагерю Равенсбрюк: Валя Партикьян, Лидия Назарова, Кето Хомерики, Осанна Авакова, Таня Чибис, Клава Денисова, француженка Муннет Гурне, чешка Зденка Неедлова? Какова их послевоенная судьба?

После возвращения из Равенсбрюка Аида Сергеевна продолжала учебу, прерванную войной. В 1950 году она окончила Астраханский технический институт рыбного хозяйства и осталась работать в Астрахани. Аида Алахвердян — инженер-технолог крупнейшего в городе рыбоконсервного холодильного комбината. Довольна Аида и своей профессией, и любимой дочуркой Светочкой.

В разных концах страны ныне живут и другие бывшие узницы Равенсбрюка: Кето Хомерики и Нателла Титвинидзе — в Тбилиси, Лидия Назарова и Нина Бондаренко — в Баку, Клава Денисова и Патимат Ибишева — в Махачкале, Валентина Партикьян — в Дебальцево, Осанна Авакова — в Пятигорске. У каждой из них — своя семья. Все они регулярно переписываются, встречаются.

Много интересного можно было бы рассказать о послевоенной судьбе каждой из бывших узниц, об их трудовой жизни и крепкой дружбе, рожденной в дни совместной борьбы с фашизмом.

…Я увидел Аиду Сергеевну в то время, когда она вернулась из Москвы, с Всемирного конгресса женщин, куда ездила по приглашению Советского Комитета ветеранов войны. Вернулась полная впечатлений о встречах с подругами по лагерю, с которыми провела многие месяцы в гитлеровской неволе и которых не видела восемнадцать лет.

Аида Сергеевна кладет на стол пачку различных документов и писем, многие из которых со штемпелем «Международное». Прежде всего она показывает свою крохотную записную книжку, заведенную ею в стенах лагеря. Ее размер — не более половины спичечной коробки (чтобы легче было прятать в случае обыска). На восьмидесяти страницах этого своеобразного справочника записаны адреса подруг по лагерю.

Затем Аида Сергеевна показывает дорогие сердцу памятные сувениры.

— Это подарок от французской подруги Муннет Гурне, — улыбаясь, показывает нам Аида треугольный шерстяной платок. — Он был прислан из Франции через Красный Крест, когда мы томились в Равенсбрюке. Муннет подарила его мне в знак большой дружбы.

Прошло двадцать лет, а француженка Муннет и советская героиня Аида Алахвердян и поныне продолжают переписываться. В почте Аиды Сергеевны много писем из различных городов Советского Союза и зарубежных стран. Главное их содержание — благодарность советскому народу, его Вооруженным Силам за то, что они помогли миллионам людей освободиться от ига фашизма.

А. Фомин
СЕРДЦЕ ПАТРИОТКИ

Женщиной необыкновенной судьбы можно назвать Анну Егорову. Пионер прокладки первых тоннелей Московского метрополитена, отважный штурман, стойкий и мужественный боец, женщина, попавшая после ранения в фашистский концлагерь и вынесшая там страшные муки, но оставшаяся верной Родине — вот страницы ее биографии. Когда она говорит о себе или о ней рассказывают ее друзья, нельзя без волнения слушать эти рассказы.

Над Москвой опускались весенние сумерки. Уже вспыхнули цепочки первых огней, заморгали неоновыми лампами рекламы. Наступал самый обычный вечер, каких много было в жизни Анны Александровны. Внешне он, казалось, ничем не отличался от других весенних вечеров. И все же она волновалась. Ей предстояла встреча с молодыми строителями метро, с такими же ребятами и девчатами, какими были ее друзья и она сама четверть века назад.

Метрострой тридцатых годов — это ее юность, первые шаги в трудовой жизни. Это учеба, увлечение авиацией. Наконец — первый самостоятельный полет, начало суровой и романтичной дороги в небо, начало интересной и необычной судьбы.

В вестибюле Дворца культуры, где собралась молодежь, гостью встретила невысокая рыжеволосая девушка.

— Вы летчица? К нам на вечер?.. — спросила она.

— Да, — ответила Анна Александровна. И, немного помедлив, добавила: — Была когда-то летчицей…

Анну Александровну уже ждали. В небольшом фойе ее сразу окружили бывшие друзья по работе и те, с кем она училась в аэроклубе.

Вскоре звонок возвестил о начале молодежного вечера. Все пошли в зал.

Анну Александровну попросили поделиться воспоминаниями о работе на строительстве первой очереди метро и участии в боях. Молодежь слушала ее с большим интересом. И это понятно. Перед юношами и девушками постепенно раскрывалась волнующая судьба одной из славных патриоток нашей Родины.

Вот эта история. Она дополнена на основе личных бесед с Анной Александровной и ее друзьями.

На строительство метро Аня Егорова пришла после окончания ремесленного училища. Бригада арматурщиков, куда ее направили, работала тогда на станции «Красные ворота». Это был один из самых трудных участков Кировского радиуса. На пути строителей встретился неустойчивый грунт. Горное давление было настолько велико, что нередко под тяжестью вековых напластований земли толстые сосновые бревна креплений ломались, как спички.

Выручил железобетон. Чтобы избежать обвалов, строители решили сразу же после установки креплений одевать стены и свод тоннеля в железобетонную «рубашку».

Основу этой рубашки — металлический каркас — готовила и устанавливала в забое бригада арматурщиков. Трудное было это дело, не каждому оно давалось.

Может, здесь, в забоях станции «Красные ворота», в суровых условиях подземного труда в характере Ани Егоровой и стали вырабатываться смелость и настойчивость, способность преодолевать трудности, чувство ответственности за порученное дело.

После работы молодая арматурщица спешила на занятия. Она мечтала о далеких походах по неизведанным краям.

— Вот окончу рабфак, пойду в геологоразведочный, — говорила девушка.

Однако не пришлось Ане с обушком в руках искать новые месторождения медного колчедана. Неожиданно для себя и своих подруг девушка увлеклась авиацией, стала летчицей.

…В этот летний воскресный день тысячи жителей города Калинина с утра направились за Волгу. По прозрачной глади реки сновали легкие катера и множество лодок. Они переправляли горожан на правый берег.

Здесь, на залитых солнечными лучами полянах, царило веселое оживление. Казалось, никогда еще за Волгой не было столько музыки, песен и смеха. Многие приехали сюда с семьями.

Небо было высоким и ослепительно голубым. Белые облачка внезапно появлялись на нем и так же незаметно таяли. Ничто не предвещало ни грозы, ни дождя в этот хороший летний день.

Среди отдыхающих была и Аня Егорова, инструктор Калининского аэроклуба. Ей давно хотелось вот так просто поиграть в мяч, побегать босиком по мягкой бархатистой траве, с разбегу броситься в прохладную синь реки.

Натянув сетку между березами, друзья играли в волейбол, потом начали танцевать под патефон, а когда затихла музыка, Аня предложила:

— Давайте споем…

Ее поддержали. И над Волгой полилась знакомая всем мелодия:

Как много девушек хороших…

Потом все вместе пошли кататься на лодках.

А потом… В этот мирный безоблачный день, в это веселье, в эту радостную жизнь ворвалось страшное слово — война! Перед каждым советским человеком встал вопрос: что ты сделаешь, чтобы спасти страну, защитить ее от смертельной опасности?

«Я пойду на фронт», — решила комсомолка Егорова.

Уже на следующий день она подала начальнику аэроклуба докладную с просьбой направить ее в действующую армию.

— Твой фронт здесь, — ответил начальник. — Будем летчиков готовить для армии.

Аня понимала, что страна переживает тяжелое время, что и в тылу нужны люди, нужны для того, чтобы обеспечивать фронт всем необходимым. И все же ей хотелось быстрее попасть туда, где шли тяжелые бои с врагом.

Вскоре Егорову командировали в город Донецк. Прибыв туда, она никого не застала в аэроклубе. Самолеты и личный состав были эвакуированы в тыл.

Случайно Ане встретился старший лейтенант.

— Вы кого ищете, девушка? — спросил он Егорову.

— Начальника аэроклуба…

— Я его тоже жду. Приехал с фронта за летчиками, а здесь ни души. Может, вы со мной поедете?..

— С радостью! — выпалила девушка. Она знала, что Калининский аэроклуб скоро тоже будет эвакуироваться, и решила туда не возвращаться.

Так Аня стала летчиком эскадрильи связи при штабе Южного фронта. Для нее началась новая жизнь.

Первая военная осень была тяжелой для советских людей. Почти каждый день приходили вести об отступлении наших войск. Гитлеровские полчища неудержимо двигались по земле Украины и Белоруссии, занимали города Прибалтики, рвались к Москве. Обстановка на фронтах была сложной. Порой старшие командиры не знали, где находилась та или другая подчиненная им часть.

В этих условиях нелегко было работать летчикам эскадрильи связи. Они летали в любую погоду, садились в расположении частей, окруженных врагом, искали отступавшие подразделения,

доставляли срочные пакеты в штабы полков и соединений. Это были не просто полеты, а сложные боевые задания, от своевременного выполнения которых зависела судьба сотен людей.

Как-то Аню Егорову вызвал командир.

— Надо срочно связаться со штабом кавалерийского корпуса, — сказал он и, нарисовав на карте красным карандашом квадрат, добавил: — Он должен быть где-то здесь, в одном из населенных пунктов.

Повторив приказание, летчица спросила:

— Когда вылетать?

— Немедленно!

На улице кружила февральская поземка. Резкий ветер бросал в лицо горсти колючего жесткого снега. В такую погоду не летали в мирные дни. Но где они, те мирные дни? Война. Приказано — лети.

И вот небольшой самолет по оврагам, почти задевая верхушки заснеженных елей, летит искать штаб кавалерийского корпуса.

Через полчаса под крылом показались отмеченные ориентиры. Лента заснеженного шоссе, узкая полоска леса, ветряная мельница на краю села. «Еще один населенный пункт проскочу и приземлюсь, узнаю», — подумала Аня, сверяя карту с местностью. Она мысленно уже намечала место посадки.

Прошло еще несколько минут, и самолет сел на окраине небольшой деревушки. Приглушив мотор, летчица направилась к крайнему дому. Она не успела дойти до него, как увидела спешащего ей навстречу старика.

— Дедушка! В селе есть кавалерийские части? — издали крикнула Егорова.

— Нет, дочка! Немцы тут! Улетай скорей!..

У летчицы от неожиданности подкосились ноги. Такого с нею еще не случалось.

— Наши ушли за лес. Ищи их там, — добавил старик и махнул рукой в сторону шоссе.

Последние слова старика вывели летчицу из оцепенения. Собрав все свои силы, она бросилась к самолету. Глубокий снег мешал передвигаться. Аня не слышала, как где-то в деревне раздались винтовочные выстрелы, не замечала, как по заснеженным улицам спешили вражеские автоматчики. «Только бы успеть! — стучала в голове мысль. — Только бы добежать до самолета…»

Гитлеровцы появились на окраине села, когда самолет уже оторвался от земли и уходил в сторону леса.

Анна Егорова (снимок военных лет).

А сколько раз приходилось спасаться беззащитному «кукурузнику» от вражеских истребителей! Сколько довелось совершить вынужденных посадок! И даже… гореть в воздухе. Об одном из таких случаев было рассказано во фронтовой газете.

Это случилось под Барвенковом. Машина шла бреющим полетом над лесом. В этом районе патрулировали немецкие истребители, и Ане очень не хотелось встречаться с ними. У нее в кармане лежала шифровка, которую надо было как можно быстрее доставить в штаб армии. Летчица старалась ближе прижаться к лесу, слиться с его зеленью и пройти незамеченной. Но вскоре лес кончился. Теперь самолет летел над бескрайним полем.

Не прошло и нескольких минут, как впереди показались два «мессершмитта». Что мог сделать беззащитный связной самолет против вооруженных до зубов стервятников. Машина задымила. Огонь подбирался к кабине. Начала тлеть одежда. С трудом посадила летчица горящий самолет. Отбежав от него, еле сумела сбить пламя с одежды.

С болью в сердце Аня рассталась со своей машиной. Поздно ночью она добралась до штаба армии. Усталая, голодная, с обожженными руками, летчица своевременно доставила шифровку…

После каждой встречи с вражескими истребителями у Ани Егоровой все больше укреплялось желание пересесть с У-2 на боевую машину, чтобы непосредственно самой громить ненавистного врага. И летчица своего добилась. После небольшой переподготовки ее направили в полк штурмовой авиации. Не сразу летчица освоила грозную машину.

— Сначала «Ил» мне показался тяжелым и неповоротливым, — вспоминает Анна Александровна. — Но это были первые впечатления. Потом я привыкла к самолету.

Полк в те дни воевал на Кубани. Штурмовики наносили удары по «Голубой линии». На этот мощный оборонительный рубеж, прикрывавший подступы к Таманскому полуострову, гитлеровское командование возлагало большие надежды. С воздуха наземные войска противника прикрывали лучшие авиационные части. Сюда были переброшены даже истребители, охранявшие небо над Берлином. В этих условиях от наших летчиков требовались особое мастерство и храбрость.

Аня Егорова бесстрашно громила врага. Ее боевые успехи были высоко оценены. Отважную летчицу наградили медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени.

Как-то советское командование поручило штурмовикам перед решающим боем поставить дымовую завесу над боевыми порядками врага. Для выполнения этой задачи командир части отобрал самых опытных и смелых летчиков. Среди них была и Аня Егорова.

За день до вылета с самолетов сняли вооружение и вместо фугасок подвесили дымовые баллоны. И вот рано утром, когда солнце еще не поднялось из-за гор, над вражескими позициями появились краснозвездные «Илы». Пролетая через шквальный огонь зенитной артиллерии, на бреющем полете они пронеслись по переднему краю «Голубой линии», оставляя за собой густые облака дыма. Потом, развернувшись, сделали еще один заход.

Гитлеровцы пришли в замешательство. Наши части, воспользовавшись этим, пошли в атаку и без особого ущерба продвинулись вперед.

За образцовое выполнение этого боевого задания Егорова была награждена вторым орденом Красного Знамени.

Шло четвертое военное лето. Советские войска громили врага на территории Польши. Полк штурмовиков в те дни базировался недалеко от Варшавы. Был период, когда бои на этом участке

немного утихли.

Однажды на магнушевском плацдарме фашисты перешли в наступление. Полк получил приказ — поддержать с воздуха наши части. На выполнение задания вышли почти все машины.

Одну группу штурмовиков возглавила штурман части Анна Егорова. Ей было поручено атаковать с воздуха скопление живой силы и техники противника у одного из населенных пунктов. Это был двести семьдесят седьмой боевой вылет отважной летчицы.

Под прикрытием истребителей штурмовики благополучно дошли до цели. Самолет Егоровой первым вошел в пике и сбросил бомбы. За ним пошли в атаку другие машины. Сверху видно было, как задымили подожженные вражеские танки, как в страхе разбегались гитлеровцы.

При выходе из пике Егорова почувствовала, что ее «Ил» с трудом набирает высоту. Видимо, осколком снаряда повредило рулевое управление.

Вражеские зенитчики, заметив, что машина ведущего потеряла маневренность, почти весь свой огонь перенесли на нее. Осколки все чаще стали барабанить по обшивке фюзеляжа. Вдруг машину сильно встряхнуло. Казалось, она повисла в воздухе. Аня заметила, как по мотору побежали огненные языки. Они быстро приближались к мотору, а потом ворвались в кабину. Стало нестерпимо жарко. Все заволокло черным дымом. А потом самолет стал проваливаться…

Из шестнадцати машин на аэродром возвратились пятнадцать. Летчики рассказали товарищам о том, как вспыхнул подбитый самолет Ани Егоровой, как он в воздухе начал разваливаться.

Через несколько дней в небольшое село Володово, затерянное где-то под Осташковом, пришло извещение с черной окантовкой. Смерть Ани долго оплакивала ее престарелая мать.

А в это время пленную советскую летчицу уже в который раз допрашивал эсэсовский офицер.

— Сколько авиации на этом участке? Где аэродромы? — задавал он одни и те же вопросы.

Аня молчала, стиснув от боли зубы. У нее был перебит позвоночник, в двух местах сломана правая рука, обгорели пальцы. Огонь обезобразил лицо.

Ничего не добившись от пленной, эсэсовец приказал бросить ее в пустой товарный вагон и отвезти в Кюстринский лагерь военнопленных.

Аню поместили в одиночную камеру. Здесь она испытала все ужасы фашистских застенков. Полуголодная, обессиленная, летчица часто теряла сознание. А когда приходила в себя, в

отчаянии думала: «Значит, все… скоро конец…»

Но смерть и на этот раз отступила. Благодаря самоотверженным усилиям советских военнопленных, которые тайно от охранников оказывали раненой помощь, поддерживали ее морально, она выжила.

Анна Александровна с благодарностью вспоминает замечательных советских людей — врача Георгия Федоровича Синякова и санитарку Юлию Кращенко. Несмотря на запреты и угрозы, они в тяжелых лагерных условиях лечили Аню.

В лагере были не только русские военнопленные, но и французы, поляки, чехи, югославы. Многие из них старались хоть чем-нибудь помочь раненой советской летчице. Они тайком передавали ей часть своих пайков и лекарств, которые получали через организацию Красного Креста.

Иногда в кусочках хлеба Аня находила небольшие клочки бумаги с надписью: «Держись, сестренка».

И она держалась.

Администрация лагеря делала все, чтобы сломить дух советской летчицы, склонить ее на измену Родине. Когда состояние здоровья Егоровой немного улучшилось, в камеру стали приходить эсэсовцы. Они обычно приводили с собой власовца, который уговаривал пленную перейти в так называемую «освободительную армию». Аня с презрением отвергала все их предложения. А потом и совсем перестала отвечать гитлеровцам.

Убедившись, что их старания напрасны, эсэсовцы установили для летчицы строжайший режим. Военнопленным под угрозой наказания запретили с ней разговаривать. В камеру никого не пускали. Аня не видела Георгия Федоровича и Юлю. Теперь эсэсовцы присылали своего врача. Во время перевязок он накладывал на раны и ожоги специальную мазь, которая не заживляла их, а, наоборот, растравляла.

Но это продолжалось недолго. Звуки фронтовой канонады все чаще долетали в одиночную камеру. С каждым днем они становились все ближе, все сильнее. И вот, разорвав колючую проволоку, в лагерь вошли советские танки.

Прошли долгие годы, прежде чем врачи смогли восстановить здоровье отважной летчицы. К ее боевым наградам прибавился еще орден Отечественной войны I степени. А правительство Польской Народной Республики наградило ее орденом «Серебряный Крест Заслуг».

Теперь Егорова живет в Москве. Воспитывает двух сыновей.

— Старший недавно приезжал на каникулы, — не скрывая радости, говорит Анна Александровна. — Он учится в

авиационном училище.

Младший пока ходит в девятый класс. Но кто знает, может, и он, продолжая традиции своих родителей (муж Анны Александровны в недавнем прошлом тоже военный летчик), через несколько лет пополнит ряды пилотов нашего славного воздушного флота.

М. Яковлева
ОТВАЖНАЯ МАНШУК

Маншук Маметова — уроженка солнечного Казахстана. В дни Великой Отечественной войны ей довелось сражаться под стенами славного города Ленина. Бесстрашная пулеметчица прославила Родину многими подвигами.

Из далекой Ростовской области в Невель пришло письмо.

> «Я участвовал в боях за освобождение Невеля от фашистских захватчиков в 1943 году, — писал гвардии майор запаса Яков Капитонович Рыковский. — Каким стал ваш город сейчас?.. Мне очень важно об этом знать, очень… В Невеле сложили свои головы мои замечательные боевые товарищи и друзья. Многие остались навсегда в его окрестностях… Помните о них!..»

Тихие улицы, веером разбегающиеся от шоссейной магистрали Ленинград — Киев, утопают в зелени. Идешь по ним, любуешься новыми красивыми зданиями, и не верится, что когда-то здесь кипел бой — жаркий, многодневный. О том, что тут проходил рубеж боевой славы нашего Отечества, теперь напоминают лишь названия улиц: Гвардейская, Кронштадтская, имени Петрова, имени Маншук Маметовой…

В центре Невеля взметнулся к синему простору неба строгий обелиск. За невысокой оградой несколько могил с каменными надгробиями. До поздней осени их украшают свежесрезанные цветы, а зимой — венки из зеленых сосновых веток. На камне и мраморе высечены надписи:

> «Герой Советского Союза гвардии майор В. Я. Петров, 1921 года рождения, погиб в 1943 году в боях за освобождение города Невеля», «Лейтенант Н. Н. Манжурин, 1924 года рождения, геройски погиб в борьбе с немецкими захватчиками 21 октября 1943 года за освобождение города Невеля»; «Герой Советского Союза старший сержант Маншук Маметова, 1922 года рождения, пала смертью храбрых 15 октября 1943 года в боях за освобождение города Невеля».

Маншук Маметова… Девушка с нерусским именем, отдавшая самое дорогое — жизнь за то, чтобы в древнем русском городе

люди снова с радостью в сердце трудились, мечтали, любили…

Маншук, девушка с темными восточными глазами и нежной золотистой кожей, любила солнце, которым так щедра ее родина — Казахстан, любила вдыхать аромат степных трав весной, любила скакать по степи во весь дух на коне, так, чтобы ветер звенел в ушах. Впервые девочку посадили на коня, когда ей было всего три года. К удивлению взрослых, она не испугалась, только крепко вцепилась в лошадиную гриву, чтобы не упасть. Седая бабушка, заметив, как внимательно слушает девочка ее рассказы о богатырях, не раз говорила, что Маншук следовало бы родиться мальчишкой.

Но Маншук хорошо чувствовала себя и девчонкой. Когда она подросла, все стали говорить, что у колхозника Маметова красивая дочка. У нее темные прямые волосы, смуглая кожа и черные выразительные глаза.

Как-то Маншук сказала, что хочет стать врачом. И в ауле никто не удивился. Раз дочка Маметова сказала, значит, так и будет. Характер у нее твердый, своего добьется.

Так оно и вышло.

Маншук приехала учиться в Алма-Ату, в сказочный город, воспетый не одним казахским акыном. Как зачарованная ходила девушка из аула по улицам столицы. Все здесь приводило ее в восторг: и асфальтовая лента тротуаров, и зеленые фруктовые сады, в которых утопает город, и вереница машин, и цветы прямо на улице, и вершина горы Алатау, к которой прислонился город, и светлые большие дома. В одном из них разместился медицинский институт. Здесь Маншук будет учиться.

Это были счастливые дни. Каждый из них нес с собой что-нибудь новое, неизведанное. Маншук слушала в институте лекции, занималась в лабораториях, в анатомичке. Вечером бегала с подругами в кино. А когда получала стипендию, отправлялась в театр.

Маншук мечтала о будущем, о том, как, закончив институт, впервые войдет в больничную палату. Сколько добра может принести врач людям, скольким облегчить страдания, сколько спасти жизней! Сердце Маншук наполнялось гордостью: она выбрала самую гуманную и такую нужную людям профессию. И еще мечтала Маншук о любви, о большой, настоящей любви, как, вероятно, мечтают все девушки на земле…

Экзаменационная сессия подходила в институте к концу, когда пришла весть о вероломном нападении немецко-фашистских захватчиков на нашу страну. Некоторое время город продолжал жить по-прежнему, только сводки с фронтов тревожили сердце. Но вот и привычный ритм жизни Алма-Аты

начал нарушаться. С запада стали прибывать новые люди, заводское оборудование. Предприятия налаживали выпуск оборонной продукции. Сообщения Совинформбюро с каждым днем становились тревожнее.

Враг подошел к Ленинграду, подбирался к Москве.

Маншук ждала вызова в райвоенкомат, но ее не вызывали. Как-то под вечер девушка шла по улице, занятая собственными мыслями. И вдруг из репродуктора родной, знакомый голос Джамбула:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чуять смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Спать сегодня не в силах я…
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Словно ножом полоснули по сердцу слова старого акына. Маншук ускорила шаги. Вот и военкомат. В приемной военкома толпилось много народу. Пришлось подождать. Наконец подошла и ее очередь. А когда Маншук снова вошла в приемную, глаза ее сияли: она получила направление в действующую армию.

В полку, взглянув на невысокую, хрупкую девушку, предложили ей стать медсестрой. Маншук отрицательно покачала головой.

— Нам нужны радистки, телефонистки, писарь. Выбирайте, — сказали ей.

Но девушка снова отказалась.

— Так кем же хотите быть? — устало спросил ее один из командиров с покрасневшими от бессонницы глазами.

— Пулеметчицей, — коротко ответила Маншук.

Командир поднял тяжелые веки и снова взглянул на девушку, на ее тонкие, почти детские руки, затем перевел взгляд на лицо, полное решимости, и спорить не стал: почувствовал, что это бесполезно. «Но почему эта девочка хочет стать пулеметчицей? — думал он. — Десятки женщин выбрали бы что-нибудь полегче. А впрочем, на войне легких профессий не бывает. Всем одинаково трудно».

Одно желание было у Маншук и ее боевых товарищей — гнать врага с советской земли. И они дождались этой поры. К концу 1943 года советские воины, тесня гитлеровцев, продвинулись к рубежу, который занимали фашистские части из группы «Север», когда-то осаждавшие Ленинград, и немецкие дивизии, действовавшие в Белоруссии. К этому времени на счету Маншук было много боев. Она в совершенстве владела оружием и десятки раз в упор расстреливала шедших в атаку гитлеровцев. О бесстрашной девушке-пулеметчице знали не только в полку, где она служила, но и в других частях. Ее воинскую доблесть ставили в пример.

6 октября 1943 года советские танкисты ворвались в Невель. Бросок был настолько неожиданным для фашистов, что они не успели даже снять регулировщика на центральной улице, и тот, ничего не подозревая, некоторое время указывал направление нашим танкам. Гитлеровцы бежали, оставив город.

Через день столица нашей Родины Москва салютовала войскам, освободившим Невель. Это были радостные, незабываемые дни. На улицах Невеля тогда можно было встретить смуглую темноволосую девушку в серой солдатской шинели с нашивками старшего сержанта. Это была Маншук. Не подозревала отважная пулеметчица, что у стен этого города ее ждет подвиг, который откроет ей путь в бессмертие.

Фашисты сумели закрепиться на высотах вблизи Невеля. Снова разгорелись ожесточенные бои. Советские воины стояли насмерть и не отдали город врагу. В завершающем яростном бою за Невель Маншук Маметова выдвинулась вперед со своим пулеметом и кинжальным огнем косила гитлеровцев, поднимавшихся в атаку. После нескольких безуспешных попыток прорваться вперед гитлеровцы залегли.

Вскоре они начали минометный обстрел высоты, где находилась отважная пулеметчица. Маншук почувствовала сильный толчок в голову, и сразу же теплая струя залила ее лицо.

«Ранена… кровь…» — подумала она и потеряла сознание.

Немцы, увидев, что пулемет молчит, снова двинулись по полю. Вражеская цепь приближалась все ближе… Маншук очнулась и, преодолевая острую боль, в упор стала расстреливать фашистов. Сокрушительным огнем она опрокинула цепь. Враги снова откатились назад.

И опять по бесстрашной пулеметчице немцы открыли минометный огонь. Она сменила позицию. Пулемет ее непрерывно строчил. Яростный огонь его открывал нашим воинам путь к победе.

Последнее, что слышала Маншук, — это громкое русское «ура». Бойцы поднялись и пошли в контратаку.

Маметову нашли мертвой, крепко сжимавшей рукоятку пулемета. Это было 15 октября 1943 года.

Почти напротив братского воинского кладбища возвышается двухэтажное здание. Это средняя школа № 2. Появилась она уже после войны, как и белоколонное здание Дома культуры, что рядом со школой, как десятки новых домов на центральной улице Невеля. Сюда, за невысокую ограду, где вечным сном спят Маншук и ее товарищи по оружию, доносятся школьные звонки, разноголосый шум улицы. Жизнь бурлит, словно горный поток, спускаясь с вершин Алатау. Мимо проносятся машины. Они везут мирный груз: строительные материалы, хлеб, лен. Спешат после смены веселые девчата швейной фабрики, идут рабочие молочно-консервного завода.

Каждое угро мимо строгого обелиска шагают в светлую школу ребята. Их пионерская дружина носит имя Маншук. А в пионерской комнате на видном месте висит большой портрет девушки с восточными темными глазами, одетой в серую солдатскую шинель. Такой ее запомнили боевые друзья и люди, чьими руками поднят из пепла славный русский город на берегу живописного озера.

Это и твой город, Маншук! Потому что жители Невеля давно считают храбрую казашку своей родной сестрой. Имя Маншук звучит здесь теперь привычно, совсем как русское имя. Его произносят на улицах, в домах, на пионерских сборах… Героиня незримо идет по жизни. На нее, как на правофлангового, равняются люди труда и школьники. Верное, бесстрашное сердце Маншук стало символом любви и самоотверженности.

Н. Завьялов
ОГОНЬ НА СЕБЯ

Бывает, что два-три коротких слова расскажут о человеке больше многих записей. «Огонь на меня!» — эти слова-приказание радистки Ольги Филаткиной, оказавшейся в окружении врагов, но не пожелавшей сдаваться им живой, во всей полноте раскрывают характер девушки-патриотки, воспитанной нашей партией.

Утро уверенно вступало в свои права. В лесу становилось все светлее. Теперь старшина Ольга Филаткина отчетливо видела высокого парня, который шел метрах в ста впереди, прокладывая лыжню. За ним тянулась цепочка автоматчиков. За три часа они, пожалуй, отмахали километров двадцать. Скоро их небольшой отряд будет у цели. И тогда новый бой. Но о бое пока не хочется думать.

Филаткина чуть прижмуривает глаза и представляет себя дома… Спит сейчас в кроватке маленькая дочурка. Разметалась во сне. Чмокает розовыми пухлыми губками. Мама уже встала. Что-нибудь стряпает на кухне. Как хочется их увидеть, таких родных, близких! Нелегко Ольге дался год разлуки. Война разбросала семью. Где-то совсем рядом воюет муж…

А отряд все идет и идет. Сегодня ночью на стыке фашистских частей он прорвался в тыл. Генерал приказал захватить с ходу деревню Средняя и удерживать этот важный узел дорог до подхода передовых частей дивизии. Сто пятьдесят лучших бойцов из батальона автоматчиков отобрал комбат для этого рейда. Желающих было втрое больше, но он жестко отрезал: «Отряд должен быть небольшим и подвижным. Лишних людей не надо».

Ее он тоже не хотел брать: «Мужчинам и то кисло придется, а ты…» Но разве она затем на фронт добровольно пошла, чтобы в теплой землянке отсиживаться? Коммунистка, хорошо ходит на лыжах, опытная медсестра, знает рацию. Она пригодится в рейде! Потеплели строгие прищуренные глаза комбата. «Старшина Филаткина, становитесь в строй!» — прозвучала команда.

И вот она скользит вместе со всеми на лыжах в этом пронизанном первыми солнечными лучами лесу. Теперь уже близко. Комбат то и дело смотрит на карту.

…Опушка леса. Совсем рядом деревня Средняя. Автоматчики подтянулись для броска.

— Удар наносим с трех сторон, — сказал комбат.

Среднюю взяли без особого труда. Закрепились. Отбили три

контратаки. А со стороны фронта давно уже доносилась артиллерийская канонада. Ольга и все бойцы напряженно вслушивались в звуки этой грозной симфонии. Иногда им казалось, что бой идет уже совсем близко и вот-вот на окраине деревни загремит могучее русское «ура». Но огневой вал вдруг отдалялся, глох. Все озабоченнее становилось лицо комбата. Он чувствовал, что гитлеровцы где-то совсем рядом накапливают силы, чтобы раздавить горсточку храбрецов, дерзко перерезавших их коммуникации.

Внезапно радист, поддерживавший непрерывную связь со штабом дивизии, передал комбату листочек бумаги, а сам стал быстро сворачивать рацию. Пришел приказ об отходе. Фашистам удалось задержать наше наступление. Батальону нужно пробиться к своим.

Но сделать это нелегко. Разведка доносит: враг изготовился для решительного удара. Он хочет нанести его по отряду, ослабленному в схватках с фашистами. Многие в отряде ранены. Люди устали.

С боями стали отходить к лесу. Но у самой опушки дорогу перерезали вражеские автоматчики. Противно заныли мины. Отряд занял круговую оборону, бойцы закопались в снег. Со всех сторон наваливались фашисты.

Автоматчики бьют почти в упор. Филаткина стреляет вместе со всеми. Фрицы откатываются, не выдержав свинцового ливня. Ольга ползет по кругу, перевязывает раненых. Потом снова атака, и снова дрожит в руках Филаткиной автомат.

— Убило радиста! — передали по цепочке.

Теперь место Ольги — у радиостанции. Она должна работать при любых условиях. Нельзя допустить, чтобы была потеряна связь с Большой землей. Из штаба передали, что на выручку идет лыжный батальон.

Филаткина напряженно смотрит на панель передатчика. Рация ей знакома. Ольга не зря ходила по вечерам к девушкам-связисткам. Они научили ее настраивать станцию, работать с микрофоном.

— «Дон»! «Дон»! Я — «Волга»! Как слышите? — звучит в эфире голос Филаткиной.

— «Волга»! Я — «Дон»! Слышу вас хорошо. Докладывайте обстановку.

А фашисты снова атакуют.

К рации подползает комбат. Он ранен в обе ноги.

— Вызывай артиллерию! Артиллерия… — шепчет он посиневшими губами.

Он помогает Ольге по карте определить точные координаты

опушки и двух балок, где накапливаются фашисты. И вот справа и слева от «пятачка» встают черные султаны разрывов.

— Молодцы артиллеристы! Еще огонька! — восторженно кричит в микрофон Филаткина, на секунду забыв, что положение отряда почти безнадежно. От него осталось полтора десятка обессиленных, истекающих кровью людей. Сама Филаткина тоже ранена. Но в эфире все так же бодро звучит ее голос: — Правее ноль двадцать!

Фашисты звереют. Подумать только: целый пехотный полк не может покончить с небольшим отрядом, прорвавшимся в их тыл!

И вот фашистские офицеры снова гонят в атаку солдат в шинелях мышиного цвета. В морозном воздухе звонко лопаются гранаты. Это последние. Безостановочно строчат автоматы. Ольга в упор расстреливает двух фашистских солдат, бросившихся к радиостанции. Атака захлебывается. Фашисты зарываются в снег где-то совсем рядом.

Ольга чувствует, что это конец. Нового натиска отряд не выдержит. Она трогает последнюю гранату, которую спрятала на груди «на всякий случай».

Теперь этот случай пришел. Она видит, как вновь поднимаются гитлеровцы. Они идут с трех сторон. Их очень много. Ольга принимает решение.

— Положение критическое, — передает она в штаб. — Фашисты рядом. Переносите огонь на меня! Бейте по нашему квадрату!

Голос молодой женщины звучит, как туго натянутая струна. Но не слышно в нем ни страха, ни отчаяния, ни растерянности.

Тихо стало в штабной землянке. Здесь находились воины, побывавшие во многих боях. Они хорошо представляли себе, что творилось в эти секунды вокруг Филаткиной. Эти люди знали, сколько мужества потребовалось от молодой женщины, матери, чтобы произнести три коротких слова: «Огонь на меня!» Дрогнула рука у седого полковника, когда он брался за телефонную трубку. Артиллеристы получают новые координаты. Последние!

А в эфире звучит взволнованный голос:

— Огонь на меня! Немцы в двух шагах. Взрываю рацию. Прощайте, това…

Передача оборвалась на полуслове. Все встали. Нет больше отряда. Нет отважной радистки Ольги Филаткиной. Она выполнила свой воинский долг до конца. В глубоком молчании стояли в большой штабной землянке офицеры и связисты, отдавая последние почести героям.

Это произошло на Калининском фронте, севернее Великих

Лук. Несколько дней спустя в далекий волжский город из полка отправили письмо. В нем командир части сообщал родным Ольги о ее героической гибели.

> «Подвиг Ольги Филаткиной никогда не будет забыт ее однополчанами. На ее примере мы будем воспитывать молодых бойцов».

Так заканчивалось письмо командира полка.

В те дни в частях дивизии агитаторы рассказывали новому поколению о подвиге Ольги Филаткиной так же ярко и подробно, как и о подвиге Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота в бою за деревню Чернушки. Ведь оба героя погибли на одном и том же участке фронта. Они совершили свой подвиг в один и тот же день — 23 февраля 1943 года. Их разделял в том бою какой-нибудь десяток километров. Только Александр сражался на передовой, а Ольга — во вражеском тылу.

А в далеком тыловом городе пожилая женщина вытирала слезы, глядя на портрет дочери в траурной рамке.

— Будь такой же, как мама, — говорила она внучке, целуя ее.

Между тем Ольга Филаткина осталась жива. Да, жива!

Последней гранатой она взорвала свою рацию. Осколками было убито несколько фашистов, но и Филаткина получила тяжелое ранение. В бессознательном состоянии фашисты подобрали ее на поле боя, рассчитывая получить от радистки ценные сведения. Но они ошиблись. Ольга не сказала ни слова на допросах. Ее бросили в концентрационный лагерь.

С первых дней она стала искать связи с подпольной партийной организацией лагеря. Сначала все шло хорошо. Она нашла верных людей, получила задание. Но ее выдал провокатор. Патриотку долго пытали в гестапо и затем перевела в лагерь смертников.

Она и здесь нашла единомышленников. Сплотила группу, бежала из лагеря. Потом Филаткина сама удивлялась, откуда у нее нашлось столько сил и упорства, чтобы перехитрить эсэсовскую охрану, преодолеть проволочные заграждения и уйти от погони.

Голодная, оборванная, она бродила по лесу, искала следы партизан. И нашла! Через неделю попросила задание. Она хотела участвовать в диверсиях и налетах, своими руками уничтожать фашистов. Но командование рассудило по-иному. Ольгу никто не знал в этих местах. Она могла сойти за беженку.

— Будешь вести разъяснительную работу среди населения, — сказал ей комиссар отряда.

Молодую женщину тщательно проинструктировали, снабдили надежными документами. И вот она ходит из села в село. Рассказывает о победах Советской Армии, поднимает людей на борьбу с врагом.

Но снова несчастье — провал. Она опять в фашистском застенке. Не забыть Филаткиной тот страшный эшелон, в котором она ехала на Запад. Охрана не давала заключенным ни еды, ни питья. Жалобно кричали дети, стонали раненые. Ольга сидела в углу и думала о дочери. Неужели она никогда больше не увидит ее?

Как-то ночью с грохотом распахнулись двери теплушек.

— Вег! Вег! — закричали эсэсовцы, подталкивая людей прикладами.

Сознание опалило страшное слово «Дахау». Этот лагерь смерти знали в Европе десятки миллионов людей.

День и ночь дымили печи крематория. Люди с ужасом ждали своей очереди. Но даже в этом аду Ольга ободряла других:

— Мужайтесь! Наши близко!

Она не ошиблась. В один из весенних дней 1945 года ворота Дахау распахнулись. Пришла свобода.

Ольга Ивановна Филаткина.

Тысячи военнопленных вернулись на родину. Радости их не было границ. Но для Ольги эта радость длилась недолго. Нашлись люди, которые поставили ей в вину и плен, и ужасы концентрационных лагерей. Ее исключили из партии. Это был период злоупотребления властью, связанный с культом личности. Но даже в самые трудные минуты коммунистка Ольга Ивановна Филаткина верила, что справедливость восторжествует.

И она восторжествовала. Ольгу Ивановну восстановили в рядах партии, наградили орденом Отечественной войны I степени. Вместе с семьей она живет в Сызрани, возглавляет городское отделение «Союзпечати».

Мы пришли к ней в разгар рабочего дня. В кабинете было многолюдно. К столу подсел председатель комитета ДОСААФ завода тяжелого машиностроения.

— Пришел к вам насчет подписки, Ольга Ивановна, хочу посоветоваться, — говорит он.

Потом в кабинет входит группа школьников.

Они просят Ольгу Ивановну выступить на молодежном вечере.

— Про войну нам расскажете, про подвиги, — говорит курносый паренек с хохолком льняных волос.

— Приду, обязательно приду, — мягко улыбаясь, говорит Филаткина.

Я смотрю на эту уже немолодую, но энергичную женщину, и думаю: такие люди способны принять любой огонь на себя. Их ни согнуть, ни покорить нельзя. Это люди советской закалки!

А. Сергеев
КРОВЬЮ СЕРДЦА НАПИСАННЫЕ

Перед тобой, читатель, волнующие документы: отрывки из дневника и письма. Тридцать два фронтовых письма комсомолки Лидии Щербининой к подруге Крелии Силиной (Лиечке[1]). Читаешь эти письма и перед мысленным взором встает облик девушки-патриотки, одной из тысяч и тысяч женщин, ушедших с первых дней войны вместе с мужчинами защищать Родину.

Мало известно о довоенной жизни Лидии. Она работала на одном из харьковских заводов. В начале войны эвакуировалась вместе с предприятием в Сибирь. Добровольно вступила разведчицей в действующую армию.

Находясь почти все время в передовых частях, Лидия Щербинина показывала пример выдержки, мужества и отваги. Даже прикованная к постели (после тяжелого ранения), она не падает духом, находит в себе силы противостоять недугу. Ее письма из госпиталя полны бодрости, стремления бороться, побеждать.

Моя дорогая подруга, боевой товарищ, моя Лиечка. Ты просишь записать все, что пережила я за эти два суровых года. Смогу ли на бумаге передать всю горечь фронтовой жизни? Конечно нет. Но как хочу, чтобы ты поняла меня! О, ты поймешь, ты поймешь то, чего я и не смогу передать!..

Сегодня я не могу говорить: лужа, подернутая ледяной коркой, из которой я утолила жажду, мучившую меня и моих товарищей на марше, сделала свое дело, — горло, как клещами, сжало жестокой простудой. Я не говорю, а только слушаю и пишу в свободные минуты…

Ты помнишь день нашей первой встречи? Когда это было? Раньше всего вспоминаю 16 июня 1942 года. В этот день я прибыла на формирование нашей Сибирской добровольческой дивизии. Нежная, застенчивая, в модном костюме и туфельках на каблуках-«спицах», с чемоданом, в который не забыла положить хорошее платье (на случай выходного дня и танцев!!!). Сейчас, когда я сижу в ватных брюках, в фуфайке, в больших валенках, шапке, самой смешно вспоминать все. А тогда, стоя в строю, помню, возмущалась, встречай насмешливые взгляды тех, для кого война не была новинкой.

Вызывая по одному из строя, молодой офицер оглядывал пытливым взглядом каждого. Формировались роты, батальоны.

Вызвали рядом стоявшую: «Гладникова!» Из строя вышла высокая, стройная, белокурая девушка. Ловко пригнанный вещевой мешок, выправка, сила. И рядом с ней — я. Я вышла вперед и покраснела до корней волос.

— Кем работали?

— Мастером.

— Куда желали бы пойти?

— В разведку.

Такой ответ рассмешил офицера, и он спросил:

— Медицинское образование есть?

— Нет.

— Пойдете в роту санитаркой.

Это уже было приказание, которое нетрудно узнать по интонации и твердости голоса.

— Я боюсь крови, — ответила я.

— В таком случае будете машинисткой в штабе.

— Нет, я приехала не в штабе сидеть.

Снова смех.

Итак, я в санроте. Да, я в санроте. Сейчас 9 часов вечера. Раненых отправили в тыл. Я пишу эти строки, а перед глазами раны бойцов, лица, перекошенные от адской боли. Они уезжают в тыл. И каждый из них сжимает от злобы кулаки, если руки не повреждены, и каждый из них шлет слова проклятия тем, кто сжег наши города и села, убил наших товарищей, родных…

(Пропуск, утеряно несколько листков.)

…Вот почему я не удивляюсь, когда встречаю картину, подобную той, которую мне пришлось наблюдать на переднем крае. Суровое лицо, прокопченное в землянке, черные как земля руки, обветренный, усталый, промерзший до костей — таким запечатлелся ты в моей памяти. На твоем колене любовно разглажен лист бумаги. Мне, незнакомой сестре, санитарке, ты просто сказал, что это письмо жене, детям, любящим тебя. Ты не хотел и думать о том, что твоя жизнь может неожиданно оборваться. Кивком головы показал ты в сторону немцев и просто, но строго сказал: «Кончать надо с ними, — и, указав на бумагу, объяснил: — Заждались!..» На войне не говорят много и красиво. И я поняла, что ждут тебя, ждут ночью, днем, зимой и летом, что ты всегда будешь желанным в родном доме. Ты, того не замечая, ранил мое сердце. А кто ждет меня? Ни семьи, ни родных, ни дома…

Скажи, как прочитал ты на моем лице мои мысли? Я не слыхала слов утешения, ты просто и ласково сказал:

— Приедешь не гостьей, а родной будешь, жена у меня хорошая. И после войны сестрой мне будешь.

Я не успела даже поблагодарить тебя.

— В атаку! За мной! Ура-а!

И ты, вырвавшись вперед, спешишь «кончать с ними». Бегу и камнем падаю возле тех, кто так ждет меня, перевязываю, ползу дальше и вдруг… вижу тебя. Моей помощи уже не нужно, хотя, кажется, губы твои еще шевелятся:

— Так приезжай, у меня жена хорош…

Ты, не договорив, закрыл глаза.

Таких родных людей я не ожидала встретить в суровом бою. Они стали частью моей жизни, вторым моим я…

Хотелось бы все-все записать, но для этого нужна другая обстановка — тишина, уют и, быть может, одиночество. А мне мешают, особенно артобстрел и бомбежка. Когда-нибудь кто-то другой напишет лучше. Я пишу некрасиво…

Ой, нелегко привыкать к армейским условиям жизни! Я привыкла к свободе, с детства была предоставлена самой себе, и, быть может, поэтому мне пришлось трудней, чем другим. Команды: «Подъем», «Встать», «Смирно», «Отбой» — это было ужасно, и мне, своевольной, с необузданным характером, казалось диковинкой. Кто имеет право запретить или приказать мне? Не могу припомнить, сколько раз я плакала, спрятавшись, чтобы никто не видел, сколько раз получала наряд вне очереди за неподчинение. Но все эти дни так далеки сейчас.

Сестра моя! Ты знаешь, как проходила наша учеба. Скажу одно: упорство и настойчивость были в каждом из нас, добровольцев. На фронте эти качества проявлялись всюду…

2-II-43 г.

Лиечка, здравствуй! Вчера взяла справку — приказ о твоем награждении, которую высылаю. Надеюсь, что ты ее получишь. Мне так хочется быть сейчас с тобой вместе, только, конечно, не в госпитале, а в Новосибирске, в домашней обстановке.

Сейчас мы снова пойдем в наступление. Я нахожусь в санроте, но при первом удобном случае уйду в стрелковую.

Лия, я немного изменилась, для меня все стало как-то безразлично, и, кроме тебя, ни о ком больше не думаю. Правы девушки, которые обвиняют меня в замкнутости.

Сейчас у нас замполит Павленко Мария Калинична, была в 3-м батальоне, ты ее знаешь. Ничего, баба-бой! Пока все.

Целую крепко-крепко. Твоя Лида.

3-III-43 г.

Родная Лиечка! Почему ты мало пишешь о своем здоровье? Ты же знаешь, как меня это волнует. Я совершенно здорова,

бодра. Милая моя, я благодарю, что ты меня поздравляешь с наградой.

Лиечка! Ты была в бою несколько дней, а я уже несколько месяцев, и, поверь мне, родная, что кое-что мне пришлось видеть. Сегодня вышли из строя наши девушки: Ася Агатова, Ксана Половникова, Аня Дмитряхина — все ранены, убита Анна Ивановна, контужена Ася Молова. Вот какие дела! Вторично ранен Князев. Из госпиталя вернулись Дудко и Хандамаев. Кондрат Щербинин тебе рассказал все. Он — замечательный, настоящий брат. Все узнаешь, когда увидимся. О как много накопилось на душе, а поделиться не с кем.

Сейчас сижу и вспоминаю, как мы мечтали быть в Новосибирске на вечере — в белых платьях, с орденами на груди. А скоро ли будет этот вечер? Затрудняюсь сказать. Ничего. Я думаю, что как только перебьем всех немецких захватчиков, так и будем на вечере. Девушки тоже об этом пишут. Лиюшка, как хочется надеть платье!

Напиши, родная, как ты себя чувствуешь? Как с разговором у тебя, или, вернее, с речью дела обстоят? И как с челюстью, восстановили или нет? Все напиши.

Сейчас мы на очень трудном, ответственном участке.

Поздравляю тебя с праздником 8 Марта.

Все. Жду писем от тебя, дорогая. Целую крепко-крепко.

С приветом Лида.

8-III-43 г.

…Сегодня в полку девушки празднуют, а я лежу в медсанбате и, закусив губы от боли, пишу тебе. Милая Лия, пятого числа пошли в наступление, я попросилась на передовую, пошла с ротой, а в результате — пулевое ранение в ногу. Врачи направляют в госпиталь, но мне не хочется ехать: говорят, что месяц или больше придется лежать. Я, конечно, не поеду.

Мы наступали на одну высотку. Кругом лес, немцы были в нескольких шагах от меня, изрешетили полушубок, пока не ранили. Пришлось неперевязанной ползти по воде, пока добралась до своих, а потом Кондрат увез в санчасть. Писать тебе все сначала не могу сейчас, а кратко скажу, что девушек наших нет, остались в Черепах[2]. Понятно? Там же остались врачи. Вышли оттуда Якубов и Тесменицкий. Седлецкий, Перевозчиков, Белослудцев погибли. Приедешь — все расскажу подробно.

В сегодняшней фронтовой газете пишут о тебе и обо мне, как о героях. Чувствуешь, родная?

Обо мне не беспокойся, я скоро выздоровею. Жду твоего приезда — возвращайся только в свою часть. Твоя Лидка.

17-III-43 г.

Милая Крелия! Лежу в санбате, в госпиталь ехать отказалась. Рана постепенно затягивается, но еще дней 20 придется полежать. Чувствую себя хорошо. Лия, приехала делегация из Новосибирска и пополнение. Приехал Косов. Лиечка, как мне надоело лежать, и только сейчас поняла, что и тебе не очень приятно лежать. Пиши, родная, как себя чувствуешь и как скоро приедешь в свою часть. Лия, Кондрата наградили орденом Красного Знамени. Какой он замечательный человек! Он вывез меня из-под огня раненую. А ты знаешь, когда меня ранили, то, кроме него, даже не нашлось человека, который бы перевязал меня. Сейчас он командир батареи.

Лиечка, я, наверное, и из санбата сбегу. Думаю идти снайпером в роту. Если скоро приедешь, подожду, откроем боевой счет вместе. Твоя Лида.

31-III-43 г.

…Не знаю, получила ли ты, Лиечка, мое письмо, где я тебе писала, что хочу перейти в снайперскую роту. Свое желание я осуществила. Сейчас нахожусь в роте снайперов. Учусь, надеюсь, что до твоего приезда открою боевой счет, отомщу за те лишения, которые несет наш народ. Лия, как обидно, что до сих пор я ни одного фашиста не убила, а сама уже два раза ими подбита.

Здоровье мое ничего, чувствую себя хорошо, но рана еще не зажила и очень что-то долго затягивается. Лия, на одиннадцатый день я из санбата сбежала, за что здорово мне влетело. А все же осталась в части…

Пока, родная, целую крепко. Твоя Лида.

8-V-43 г.

Лиечка, здравствуй! Большое и радостное событие в нашей части. Правительство оценило боевую работу нашей дивизии и присвоило звание «гвардейская». Лиечка, как приятно чувствовать, что в этом есть и наша доля!

Лия, в последнее время я находилась не в своем полку, а в отдельной снайперской роте при нашей дивизии. Сейчас придется снова вернуться в свой полк. Но только снайпером, вопреки всем настояниям начсандива, который хочет видеть меня медиком. Живу хорошо, а главное — сейчас тепло, не нужно греть закоченевшие пальцы у костра, дышать в ворот шубы, чтобы хотя своим дыханием согреть себя немного. Нет, лето для фронтовика — не зима. Хочется быстрее закончить войну и зажить свободной, радостной жизнью, чтобы все было так, как у

Горбатова: помнишь, мы читали — «труд по призванию и подруга по душе».

Лиечка, помнишь, мы везли на машине одного раненого лейтенанта? Он уже здоров и возвратился в часть. Как бы хотела я и тебя встретить быстрее! Многие, которых пришлось мне спасать из-под огня, уже возвратились в часть и благодарят за помощь. Но это наш долг, и благодарностей никаких не может быть.

Пока, Лиюша, целую тебя крепко-крепко. Гвардии снайпер Лидия Щербинина. А проще — твоя Лидка.

3-VI-43 г.

Здравствуй, Лия! Я в Москве. Жаль, что тебя уже здесь нет. Завтра уезжаю. Была в кино, в театре. Представляешь? Письма твои получила, благодарю.

Лия, мне тяжело за тебя, но, родная, не нужно отчаиваться. Ты пишешь: «Хочется броситься в Волгу…» Какая ерунда! Твои рубцы на лице почетные, ты гордись ими. Ведь они приобретены на фронте, а не где-нибудь. Помнишь, ты просила, чтобы я тебя застрелила. Прости, но как это глупо. Ты будешь жить, и многие будут брать пример с тебя, мужественной и смелой. Не расстраивайся, все должно уладиться.

Мне хочется побыть немного дома, но это после войны. А сейчас я буду мстить за тебя. Ты отдыхай и выздоравливай. Будь спокойна: я — гвардеец, и за двоих я сумею драться. Целую. Лида.

16-VI-43 г.

…Ты пишешь, Лия, что завидуешь моему положению, а я вот сижу и злюсь, что до сих пор мы «отдыхаем», а так хочется быстрее открыть личный счет мести за себя, за тебя и за многих других! Готовимся к предстоящим боям по-гвардейски. Правда, не скрываю, бывает очень тяжело. Полная боевая нагрузка в жаркие дни, какие стоят здесь, в Гжатске, походы, учение — да, это все не так просто. После войны будет что вспомнить и рассказать.

Лия, ты спрашиваешь, получила ли я орден? Очень давно, еще 1 января 1943 г., а медаль — 5 декабря 1942 г. День получения ордена совпал с получением партбилета. Жаль, что в Москве ты не смогла получить орден. Ну ничего, это все уладится, только была бы ты здорова.

…Я в разведке, снайпер. Помнишь, как мы хотели быть в разведке, и вот только сегодня я увидела приказ, что меня переводят в разведку. Невольно вспомнила Седлецкого. Он говорил: «Нужно будет — пошлют». Мечта осуществилась…

24-VII-43 г.

Милая Лиечка! Дождь хлещет вовсю. Я сижу в шалаше вся мокрая и в десятый раз перечитываю письма от тебя, Оли, Симы. Конфеты все, конечно, раздала, как и должно быть, а бумагу и платки оставила себе. Разведчики, снайперы, санитарки и саперы благодарят тебя за конфеты, так как они принимали активное участие в их уничтожении. Я думала, что приедешь. Неужели этой встречи не будет? Нет, она должна быть, потому что так хотим мы, Лиюшка! Ты спрашиваешь, сколько у меня на счету фрицев? А мне стыдно сказать, что счет еще не открыт. Но в этом я не виновата, потому что день, когда меня ранило (5 марта), был последним днем настоящего наступления. С того момента полк все время находится вдали от фронта, о чем я тебе не раз писала. Сейчас подошли к фронту. Но до передовой еще километров 30. Жду, так жду, Лия, когда получим приказ выйти на исходный рубеж. Ты, как рапорт, получишь от меня письмо. Судьбу наших девушек ты уже знаешь, тяжело сознавать, что нет их среди нас. Я обещаю, родная, что прежде, чем умру, я отомщу за все и за всех, за тебя, Клаву, за родную землю, за всю Украину.

Жди, буду писать по возможности.

17-VIII-43 г.

Лиечка, родная! Опять я в госпитале, большая потеря крови, так ужасно не повезло. Ранили 11 августа. Когда будет постоянный адрес, все напишу. Думаю скоро вылечиться и продолжать начатое дело.

Пиши на часть, девушки перешлют.

Привет всем. Целую. Твоя Лидка.

23-VIII-43 г.

Милая, родная Лиечка! Пишу из госпиталя, дела обстоят следующим образом: рана на бедре большая — 15 × 4. Осколки в руке и ноге. Будут вынимать. Врачи собираются два месяца лечить, но я не согласна, хочу быстрее в свою часть.

О боях. Наша часть наступала на спас-деменском направлении, прорывали оборону на участке протяжением 30 километров по фронту. Здесь немцы были больше двух лет, оборона очень крепкая…

Лиечка, немцы все же бегут. Им «давала жизни» наша артиллерия — за каждым кустом стояло советское орудие. С той и с другой стороны участвовало свыше 200 самолетов. Одну за другой мы прорвали три линии обороны, а затем пошли занимать населенные пункты и станции. Мне не повезло, как и многим другим, — в первый же день боя меня ранило. Успела уничтожить

7 фрицев. Это за Клаву и твои рубцы, родная. Перевязала несколько десятков бойцов, а потом меня ранило…

Я лежу с Ниной Пихтиной из 3-го полка. Она ранена в обе руки, и мне приходится ее кормить с ложки. Относятся в госпитале к нам очень хорошо, но хочется к тебе, хотя бы на денек.

Пока, дорогая Лиюшка, привет всем. Целую крепко. Твоя Лидия.

29-X-43 г.

…Сегодня получила твое письмо. Очень рада, что ты все-таки не забыла меня, как некоторые другие. Дела мои таковы: две раны совершенно зарубцевались, нога еще болит, сделали операцию — вытащили осколок. Но рана на подошве очень мешает ходить, а иначе я бы давно отсюда смылась. Лия, я очень благодарна тебе за заботу обо мне. Ты посылку укладывала сама и знаешь, что на фронте необходимо…

…Из части ни от кого, кроме Кондрата, не получаю писем, не знаю, чем объяснить, что девчата не пишут?

Часто думаю о тебе и Журавлеве и прихожу к убеждению, что он действительно тебя любил. Но гордость его иногда одерживала верх над чувством. Надо сказать, что он исключительно сильной воли человек и вполне заслуживает того, чтобы его и мертвого предпочли живым. Поздравляю, родная, с 26-й годовщиной Октябрьской революции, желаю счастья в твоей жизни.

Целую крепко.

31-X-43 г.

Родная моя Лиечка! Очень большая сегодня у меня радость — сразу получила три письма, ведь такое счастье не всегда бывает. Ты спрашиваешь о моем здоровье. Чертовское положение: две раны совершенно зарубцевались, а одна на ноге, на самой подошве, не только заживать не хочет, но в ней даже приключилась флегмона. И вот я, как дура, лежу в госпитале, и не знаю, когда же я буду здорова. Как надоело, родная, даже передать не могу.

Падает снег, и так хочется взять тебя за руку и бежать по лесу ночью, смеяться и петь — помнишь? Хорошее было время! Но повторится ли оно когда-нибудь еще?

В санбате остались все мои вещи, и по выписке я буду выглядеть не очень прекрасно. Впрочем, это не так важно. Целую крепко. Твоя Лидка.

20-XI-43 г.

Милая, родная Лиечка! Давно не получала от тебя весточки — соскучилась. Хотя письменно, но хочу поговорить с тобой. Как живешь, родная? Как здоровье? Мое самочувствие отличное, только хромаю. Собираюсь в часть. По всем данным, наши стоят под Оршей. Кондрат очень ждет, да и понятно, что ему тяжело одному, не с кем поговорить, поделиться.

15-XII-43 г.

Моя родная Лиечка! Родная, писала я тебе, что встретила здесь старого друга Николая. Он — капитан, работает в Москве. И знаешь, если верить его словам, он очень расположен ко мне, короче говоря, хочет, чтобы вышла за него замуж. Но я ничего к нему не чувствую. И потом не время — я же не Раиса. Как обидно, что таких людишек, как Раиса, у нас еще много. Они думают, что мы не люди, что мы не хотим жить, любить и потому подставляем свою голову туда, где ее могут размозжить каждую минуту. Я часто думаю, что жизнь хороша и прекрасна, когда за нее борешься, когда она дается с трудом, а не тогда, когда ее преподносят тебе, как торт на блюде. И за такую счастливую, хорошую жизнь будем бороться. Не грусти, у нас так еще много впереди хорошего. Пусть мы будем не так красивы, как другие, изувечены — что поделаешь! Самое страшное и позорное — беспомощность, а мы не беспомощны.

Рядом со мной лежит девушка Маша, у нее ампутированы обе ноги, но как много у нее выдержки, как она любит жизнь!

Я тебя, родная, понимаю. Сожалений не выношу, как и ты. Скоро Новый год. Как хотелось бы провести его вместе с тобой! Крепко целую. Твоя Лидка.

20-XII-43 г.

Лия, родная! Какое горе, боже мой! Погиб Кондрат, мой родной, единственный, любимый брат! Как он дорог мне!

Лиечка, я сойду с ума. Сколько хорошего сделал он для меня! Ты же знаешь, какой он замечательный. Где, где, скажи, я еще найду такого брата?! Вспомни, как голодали, как он делился с нами последним хлебом! Разве все это можно забыть? Мстить, только мстить!

Прости, родная, напишу после.

Целую тебя, моя родная сестричка.

Твоя Лида.

8-I-44 г.

…Мои дела отвратительные. Это не нога, а какое-то

недоразумение! Как будто не понимает, что не время лежать и лечиться. После войны, слово даю, уделила бы ей столько внимания, сколько нужно, но сейчас — лежать — это уж слишком! Итак, 11 января сделают последнюю операцию — или вылечат, или зарежут. Но я надеюсь на первое, потому что умирать нет ни времени, ни желания.

Сегодня в госпиталь поступила девушка из нашего полка, рассказала, что из наших осталась одна Ольга Жилина. Ну и молодец же она! Такая кнопка, а всех пережила! Скоро я ей на помощь поеду. Думаю, к февралю подремонтируют окончательно.

Девушка говорит, что очень часто вспоминают меня те, кто еще остался в живых из бойцов и командиров, и я им очень благодарна. Эх, родная, дорвусь я, за Кондрата, за твои раны, за свои, за тех, что погибли, буду мстить яростно и беспощадно. Сколько зла причинили проклятые фашисты мне и всем людям! Они должны почувствовать и пережить все, что пережили мы.

Пока, родная, целую крепко-крепко.

6-II-44 г.

Родная Лиечка, здравствуй! Здоровье неплохое, но нога категорически отказывается служить. О Кондрате подробностей не знаю. Его жена мне пишет и сестра тоже. Они считают меня родной, и я им очень признательна. Павленко им рассказала, что его убило снарядом во время наступления. Они не хотят смириться с мыслью, что его нет в живых, и просят меня не верить. Да, трудно, очень трудно поверить, что его нет.

Моя Лиюшка, не беспокойся, мне ничего не нужно. Думаю, что встретимся скоро. В части буду просить отпуск для поездки к тебе, родная моя. Только после боя. Целую. Твоя Лида.

4-III-44 г.

Родная Лиюшка! Можешь себе представить, я уже в своей части! Очень много стоило трудов найти их, но все же я нашла. Встретили очень хорошо. Но сейчас мне так тяжело! Все вспоминают Кондрата, и оттого сердце мое разрывается. Как тяжело, родная! Сегодня уезжает в Сибирь Ольга Жилина. Ты ее, наверное, увидишь. Лиечка, прошу тебя, не беспокойся обо мне, посылок, пожалуйста, не передавай, так как вряд ли я их получу.

Дневник обязательно заполню, чтобы ты знала, родная, что пережито было мной. Твоя Лидия.

21-III-44 г.

Здравствуй, родная Лиечка! Вчера из Москвы переслали твои письма. Сейчас в санроте работаю перевязочной сестрой. Очень

прошу, чтобы перевели в стрелковую роту снайпером, но сейчас мое желание невозможно исполнить — нет снайперской винтовки, а Главное, у наших командиров нет желания переводить меня. Но я добьюсь своего.

У меня все слава богу: только залечила новые раны, как открылась еще мартовская, прошлогодняя. И после похода нога не дает возможности забыть о ней.

Пиши обо всем. Привет маме. Целую.

7-IV-44 г.

Моя дорогая Лиечка! Ты спрашиваешь, как я добралась до своей части? Очень трудно было, не зная, где она, на каком направлении, найти. Спрашивала у каждого встречного, пока не напала на людей из нашей армии. Одним словом, кто ищет, тот всегда найдет.

О себе: совершали марш, в походе схватила температуру 39,3. Представляешь мое самочувствие? Чуть не пропала, лошадей нет, и все время пешком… Оказывается, у меня хроническая тропическая малярия — это приобретено на фронте. Но теперь чувствую себя хорошо. Целую крепко. Твоя Лидка.

2-V-44 г.

Милая Лиечка! Поздравляю с праздником 1 Мая, желаю всего хорошего в твоей молодой жизни. Лиюшка, вчера вернулась Ольга в часть, передала посылочку, рассказала о жизни сибиряков, о Сибири. Я по-прежнему в санроте. Сейчас чувствую себя хорошо. Думаю, что в будущем смогу работать на поле боя, как раньше. Каждый день прошу перевести меня в стрелковую роту или в разведку, но пока безуспешно.

У нас холодно, дождь, ветер, не чувствуется еще весны.

Пока, родная. Целую крепко. Твоя Лидка.

28-V-44 г.

Моя дорогая Лиечка! Вчера был очень радостный день: командование от имени Правительства вручило мне орден Славы III степени. Теперь считаюсь кавалером двух орденов и медали. Обещаю, родная, воевать еще лучше, чтобы тебе не было за меня стыдно. Обо мне не беспокойся, сейчас я здорова, а лечиться буду после войны.

Целую крепко. Твоя сестра Лидия.

30-VI-44 г.

Родная Лиечка! Не писала — не по своей вине. Горячее время было. Живу, как и все, работаю, воюю, «отдыхаю» и снова

работаю. На днях исполнится два года, как я в армии. Об отпуске думать сейчас не приходится. Но надежды на скорую встречу не теряю. Как хочется видеть тебя! Дневник уже начала писать, но время ограничено, приходится ждать лучших дней.

Я благодарна всем девушкам за теплые поздравления. Лия, не думай, что я герой, нет — обыкновенная, какой ты меня знаешь. Вот и все. Мне еще многому нужно учиться у других. Целую. Лидия.

22-VII-44 г.

…Идут жестокие, кровопролитные бои, они стоят нам крови и тысяч молодых жизней. В который раз меня постигает большое горе! 17 июля погиб мой любимый и любящий друг, гвардии капитан Саша Шалаев, командир разведки, замечательной чистоты человек. Я не знаю более искреннего и лучшего друга, таких уже, очевидно, нет. Он ни в чем не уступал Журавлеву и училище окончил вместе с ним. У нас были построены планы будущей жизни после войны. И все расстроилось…

Лиечка, я не решалась выходить за него замуж на фронте, не зная, что ждет нас впереди… Если бы случилось приехать мне в тыл и готовиться стать матерью, знаю, никто бы меня не понял. Не поняли бы тех больших чувств, которые соединяют людей на жизнь и на смерть. А сейчас, когда его нет, мне так хочется от любимого иметь ребенка. Пусть бы говорили что угодно. Почему так судьба несправедлива? У одного отбирает жизнь, а другой остается жить, мучиться. Мне нет теперь радости в жизни. Сердце и душа окаменели. Смогу ли полюбить кого так, как Сашу? Нет, никогда. Прости, родная. Если мне суждено жить, то я останусь твоей вечной подругой и сестрой. Целую крепко.

25-VII-44 г.

Родная Лиечка! Мое горе велико. Я не жалуюсь, а делюсь с тобой. Многих, очень многих уже нет со мной. Вчера был сильный артналет. Я перевязывала раненых, когда ко мне подбежал боец и сказал, что недалеко лежит раненая девушка. Лиечка, я сразу побежала туда, еще по дороге увидела распростертое тело в луже крови. Подбежала. И кто ты думаешь — Галина Гололобова. Ее тяжело ранило осколком в голову. Я перевязала ее, когда она была еще в сознании, и сразу же эвакуировала в медсанбат. Надежда на ее выздоровление очень слабая.

Отправлять и хоронить близких, дорогих сердцу людей — это не так просто и легко. Целую крепко. Твоя Лидия.

7-VIII-44 г.

Родная моя Лиечка! Движемся все вперед и далеко ушли от прежних мест. Теперь уже находимся далеко за пределами Калининской области. Я тебе писала о постигшем меня горе — погиб мой друг. Его посмертно наградили четвертым орденом.

Пишу кратко, как мы воюем. Наступление наших частей настолько стремительно, что враг не успевает оттягивать свою технику и свои силы. По дорогам валяются разбитые танки, орудия. Война теперь не похожа на ту, которую видела ты в 1942 г. Враг идет на любые хитрости. Окруженные и зажатые в кольцо, фашисты разбрелись по лесам. Там идет партизанская война. Недавно и я ходила в тыл к врагу. Задача: отрезать шоссейную дорогу, короче — «седлали большак». Удивительно, но вышла совершенно невредимой. Об этом можно только рассказать, но не написать. Нам помогли партизаны. Вот, родная, короткая информация о наших боевых делах. Встретимся, расскажу больше.

Ну, роднуля, до свидания. Желаю счастья во всем.

Целую крепко. Твоя сестра Лидия.

29-VIII-44 г.

Милая, родная Лиечка! Твое письмо получила. Отрадно сознавать, что есть человек, который заботится о тебе. Не волнуйся, родная моя, я здорова и из любого положения выхожу даже не поцарапанной. Правда, сейчас все военные операции проходят успешно. Сейчас все время в боях, бывают короткие передышки. Отдохнем — и снова в бой. Ничего личного. После всего пережитого не хочется думать ни о чем.

Целую крепко. Твоя Лидия.

10-IX-44 г.

Моя родная Лиечка! Живу по-старому, сейчас затишье, но скоро снова в бой. На сердце очень тяжело. Скоро два месяца, как погиб Саша, а я не могу его забыть ни на один час. Слишком уж он был хороший мой друг. Редко можно встретить такого человека.

Лиечка, я теперь во время боя работаю все время на передовой. Лия, если выйду из боя благополучно, то к ноябрьским праздникам буду у тебя. Буду просить отпуск.

Наступили холодные дожди, невольно вспоминаю осень 1942 г., проведенную с тобой. Сижу в такой же палатке. Родная, пока все. Пиши мне чаще. Жду твоих писем. Целую. Лидия.

12-X-44 г.

Родная Лиечка! Прости, долго не писала, не моя вина. Сейчас

в Ленинграде, в госпитале. Ранена тяжело, в поясницу, с повреждением крестца и седалищного нерва. Лежу как пласт. Ужасные боли. Почему не убило?! Меньше было бы мук. Нервы растрепаны до крайности. Если суждено нам встретиться, то ты узнаешь все, что я пережила. Твоя Лидия.

4-XI-44 г.

Родная Лиечка! Лежу как пласт. Температура — 39 и выше. Врачи готовят меня к серьезной операции. Не знаю, выдержу или нет. Ольга Жилина погибла. Бои были очень жестокие. Так досталась нам Рига.

Добивайся, чтобы сделали тебе операцию. Целую. Лидия.

23-I-45 г.

Родная Лиечка! Получила твое письмо, за которое очень благодарна. Лия, ты не беспокойся, мне ничего не нужно, я тебе благодарна за все… Вот если бы ты приехала, это было бы замечательно. Мое состояние неважное. Видишь, даже писать не могу, а диктую. Мне так необходимо, чтобы ты была возле меня, — ты облегчишь мои страдания. Родная, я сделаю все, чтобы могли тебя вызвать. Если выздоровею, то приеду только к тебе. Целую тебя крепко. Твоя Лида.

31-I-45 г.

Дорогая Лиечка!

Простите, что так Вас называю, не зная и не видя ни разу, — так всегда звала Вас Лидочка. Лидочка скончалась с 30 на 31-I-45 г. в 1 час 15 мин. ночи. Умирая, она просила написать вам. Вас она очень любила, считала родной сестрой.

Любили ее в госпитале все, не говоря уже о тех, кто находился с ней в одной палате. Такие люди, как она, не забываются и из памяти не изглаживаются. Это настоящая гордость нашей Красной Армии.

В дневнике у нее только 9 листков. Она просила переслать его вам.

После вашего письма Лидочка подала рапорт, чтобы разрешили вам приехать. Ее просьбу удовлетворили, но теперь уже поздно: смерть ворвалась, и остановить ее было невозможно.

Умирая, она просила написать в часть, чтобы ее ордена переслали вам. Я это исполнила, написала.

Не отчаивайтесь, Лиечка, я вместе с вами разделяю тяжелую утрату.

С приветом Сидорова.

И. Крестовский
КРЫЛАТАЯ СЕМЬЯ

В истории Великой Отечественной войны есть немало примеров, когда советские люди уходили на фронт семьями, составляли расчеты, экипажи, отделения и мужественно сражались против ненавистного врага. «Экипаж танкистов братьев Михеевых», «Артиллерийский расчет братьев Луканиных», «Танковый экипаж супругов Бойко». Все это — знакомые нам имена! Среди воинов-авиаторов громкая слава на фронте шла о супругах Тростянской и Пересыпкине.

Весенним вечером они тихо шли по улицам залитого огнями Новосибирска. Шутили, смеялись и мечтали. У калитки дома остановились, чтобы сказать на прощание: «До завтра». Лишь теперь, спустя три недели после того, как они познакомились на танцах в заводском Доме культуры, Вера призналась Федору:

— Понимаешь, занимаюсь в аэроклубе и никак завтра не могу быть…

Федор удивился. Ему казалось, что Вера, студентка техникума, робкая, застенчивая девушка, и то, что она летает, для него было совершенно неожиданным. Федор, токарь авиационного завода, давно жил мечтой об авиации. Ждал только призыва в армию. И вдруг Вера опередила его. «Видно, смелая», — подумал он. В эти минуты Федор не мог собраться с мыслями. После неловкого молчания он заговорил. В его голосе звучали нотки зависти:

— Значит, ты будешь штурманом… Моя душа тоже просится в небо…

Летом Вера Тростянская стала женой Федора Пересыпкина. Осенью по путевке комсомола он уехал в летное военное училище. В письмах Федор писал:

> «Жаль, что женщины не служат в армии, а то бы составили семейный экипаж…»

Они договорились, что на лето Вера отправится к матери в Воронеж и Федор приедет к ней в отпуск после окончания училища.

В авиационном училище вскоре состоялся выпускной вечер. Младший лейтенант Федор Пересыпкин готовился в дорогу, к поездке в Воронеж. Утром он уложил в чемодан вещи, а в полдень

услышал о начале войны.

Молодой летчик получил назначение на фронт. Он думал: «Встречу ли Веру?»

Весть о войне потрясла и Веру. Она сказала матери:

— Пойду и я на фронт.

Полина Васильевна вздохнула:

— Твое ли это дело?..

— Мое, мама. Я комсомолка, и мое место там, рядом с Федей.

Вера проводила мать и младшую сестру к родственникам, а сама вернулась в Воронеж. Придя в военкомат, она сказала:

— Штурман я. Хочу воевать, защищать Родину.

И девушку направили в запасный авиационный полк в Липецк. Когда она освоила полеты на самолете По-2, ее послали в действующую армию.

На карте протянулись линии боевых маршрутов, по которым сержант Тростянская водила пикирующий бомбардировщик.

Утренний туман рассеялся. По небу неторопливо плыли редкие пушистые облака. Самолет шел на запад. Штурман Тростянская не отрывала взгляда от карты.

— Через шестнадцать минут — цель, — предупредила она летчика Гервакяна.

Самолет пересек линию фронта. Вера посмотрела на раскинувшееся внизу поле. Она обратила внимание на тонкие, чуть заметные ниточки. Это следы от гусениц танков тянулись к лесу и там обрывались. В лесу среди деревьев чернели квадраты замаскированных танков. Вера насчитала их десятка три.

Бомбардировщик продолжал углубляться в тыл противника. Экипаж создавал видимость, что летит дальше. Но через несколько минут летчик сделал разворот и стал заходить на участок леса, где было скопление вражеской техники.

Вот самолет лег на боевой курс. Тростянская, прильнув к прицелу, привычно скомандовала: «Так держать!» Вниз полетели бомбы. Черный дым взметнулся к небу, окутав землю. Горели бензоцистерны, танки.

— Сработали правильно, — с удовлетворением произнесла Вера.

Вдруг послышался возбужденный голос стрелка:

— Заходит четверка «мессеров».

Летчик начал маневрировать, бросая машину из стороны в сторону. Вражеские истребители взяли самолет в клещи и подожгли его. За ним потянулась полоса дыма. Фашистские летчики были убеждены, что с бомбардировщиком покончено и прекратили преследование.

Но Гервакян дотянул до аэродрома. Вырвал подбитый самолет из крутого планирования. Заскрежетав колесами, машина замерла на месте. Экипаж быстро покинул свои места. Вера не успела сделать и десятка шагов, как взрыв оглушил ее, горячее пламя обожгло лицо, руки.

Экипаж штурмовика: летчик Ф. Пересыпкин и воздушный стрелок-радист В. Тростянская.

Полтора месяца Тростянская пролежала в госпитале. А когда выписалась, врачи сказали ей:

— Из бомбардировочной авиации списываем, пойдете в легкомоторную…

Летом 1943 года судьба забросила лейтенанта Пересыпкина на Третий украинский фронт, где в эскадрилье связи находилась сержант Тростянская. В кармане у Веры лежало письмо от Федора:

> «Нашей части недавно присвоено звание гвардейской. Ты, видимо, читала приказ…»

Вера знала, где находится эта часть. Написала рапорт:

> «Прошу перевести в воздушную армию, в штурмовую авиацию. Имею 68 боевых вылетов…»

Подполковник запротестовал:

— Там вам нечего делать. На штурмовиках нет штурманов.

Вера ответила:

— Воздушным стрелком летать стану. Я еще не рассчиталась с врагом. Буду мстить. За слезы матери. За раны свои. За разлуку… Муж у меня там.

И ей разрешили.

На попутных машинах Вера добралась до прифронтового украинского села Ново-Николаевка, что под Купянском. Утренний туман еще клубился над землей, когда она пришла на аэродром. По краям летного поля вырисовывались силуэты капониров. У одного из них Вера увидела мужа. Кинулась ему навстречу. Они обнялись. Федор заметил синеватый шрам на ее руке.

— Что такое?

Вера смутилась, вытирая платком влажные глаза. Она ничего не писала ему ни о горящем самолете, ни о госпитале. Лишь сдержанно произнесла:

— Малость поцарапало. Война ведь, Федя.

Незадолго до появления Веры на аэродроме в полк прибыли молодые летчики. В экипажах не хватало воздушных стрелков. Приезд сержанта Тростянской был кстати. Она представилась командиру полка. Тот распорядился зачислить ее во вторую эскадрилью.

Вера пришла к командиру эскадрильи старшему лейтенанту Вандышеву. Он спросил:

— Стрелять умеете?

— Получусь, — ответила Вера. И, помолчав, добавила с улыбкой:

— Муж поможет…

Сергей Иванович Вандышев тоже улыбнулся:

— Что ж, будем рады крылатой семье.

В те дни командир звена Федор Пересыпкин выполнял другие задания, и Вере Тростянской пришлось начинать первые полеты с младшими лейтенантами Николаем Потаповым, Иваном Сигуновым и Николаем Алексашкиным. По два-три раза в день вылетала она на штурмовку переднего края противника.

Бои шли у Запорожья. Восточнее города гитлеровцы сосредоточили крупную группировку танков, намереваясь контратаковать фланг наших войск. Штурмовики шли на небольшой высоте над разбитой Днепровской плотиной. Вера видела бурлящие потоки, груды развалин, преградившие путь реке. Как только штурмовики вышли из атаки, Тростянская стала поливать захватчиков свинцовым огнем.

Командир эскадрильи уважал нового воздушного стрелка за

боевой дух, сметку. Но предупредил:

— Зря не рискуйте. И по земле не стреляйте. Берегите боекомплект для отражения атак вражеских истребителей. Вы — щит экипажа.

Всем бросилось в глаза — Тростянская никогда не расстается с планшетом — ни на земле, ни в воздухе. Некоторые даже посмеивались над ней: «Мол, стрелок, а делает вид летчика». Но Вера далека была от этой мысли. Только те трое, с кем она летала, знали ее истинное намерение. Она помогала им ориентироваться в полете. Они ценили штурманские качества своей боевой подруги, но об этом пока не говорили вслух.

Вслед за наступающими войсками полк перебазировался на полевой аэродром, мимо которого еще недавно пролетали штурмовики. Еще кусочек земли освобожден от врага. С этого аэродрома, у небольшого села Егоровки, начался боевой путь экипажа.

И начался так. Перед строем личного состава командир вручил сержанту Тростянской знак «Гвардия». Обращаясь к ней, он сказал:

— В боях вы умножили честь нашего полка, показали себя храбрым бойцом. Сражайтесь же еще лучше, еще злее.

Уставшие после полетов Федор и Вера шли в столовую. В воздухе теплой осени плавали белые паутинки. Они зацепились за комбинезон Федора и протянулись к планшету Веры.

— Смотри, смотри, — улыбнулась она. — Ниточки паутинок связали нас.

— А помнишь, — сказал Федор, — ты не верила, что будем летать вместе.

— Я счастлива, что с тобой.

Экипаж Пересыпкина получил необычное задание: после штурмового налета на колонну машин, застрявших в грязи на дорогах, сбросить вымпел в парк, где расположился крупный штаб гитлеровцев. Вера свернула окрашенный в черные и белые полосы мешочек и положила его в кабину. В этом вымпеле было обращение нашего командования к командующему немецкой группировкой, которая оказалась в мешке. Ей предлагалось прекратить бессмысленное сопротивление, во избежание ненужного кровопролития.

Штурмовики растворились в небе. Группу вел командир звена Пересыпкин. Над целью Федор маневрировал, преодолевая заградительный огонь зениток. Вера смотрела по сторонам и спокойным голосом докладывала:

— Разрывы сзади.

«Ильюшины» летели вдоль дороги и начали пикировать на вражеские машины. Когда вышли из атаки, Вера доложила:

— В самую гущу попали. Горят двенадцать машин.

Самолеты отошли от цели, и Пересыпкин передал командование группой своему заместителю, а сам, отвернув вправо, направился к парку. Вскоре он дал короткую очередь из пушек. По этому сигналу Вера выбросила через борт вымпел.

Противник огрызнулся огнем из вкопанных танков. Снаряд снес антенну. Связь прекратилась. Тростянская всматривалась в воздушное пространство. По самолетному переговорному устройству она передала летчику:

— Слева вверху вражеские истребители.

Она приготовилась к отражению атак. Федор слышал ее дрогнувший голос:

— Пара заходит слева.

Вера прильнула к крупнокалиберному пулемету. Когда истребители приблизились на дистанцию действительного огня, она дала очередь. «Мессеры» отвернули в сторону и пошли со снижением.

— Федя, заходят снизу! — снова проговорила Вера.

Вскоре перед глазами летчика мелькнули желтые крылья с черной свастикой. Пересыпкин чуть довернул штурмовик, прицелился и выпустил очередь. Ме-109 взорвался в воздухе. Другой пустился наутек.

Летчику некогда смотреть назад. Но он был уверен: там зоркие глаза верной подруги. Гвардии сержант Тростянская никогда не подводила командира, товарищей, смело отражала нападения вражеских истребителей.

И хотя Федор и Вера носили разные фамилии, но все их называли одинаково — Пересыпкины.

Как-то под вечер в хату, где они жили, пришел посыльный. Он обратился к старшему лейтенанту:

— Вас вызывают на КП.

— Меня?

— Обоих Пересыпкиных, — уточнил солдат.

Федор отодвинул книгу Л. Толстого «Севастопольские рассказы», которую читал. Вера продолжала гладить воротнички, будто вызов ее не касался. Она, единственная женщина в полку, шефствовала над летчиками, стирала им подворотнички, гладила, пришивала пуговицы. Они ласково называли ее «полковой хозяйкой».

Федор оделся. Увидев, что Вера не намеревается идти, спросил:

— А тебе что — особое приглашение?

Вера встрепенулась:

— Я-то к чему? Задачу ставят командирам. Доведешь ее до меня в индивидуальном порядке.

Но все же подчинилась. Они вышли. Федор ласково посмотрел на жену и подумал о том, что заставило ее добровольно выбрать столь трудный и опасный путь? И нашел ответ на этот вопрос в только что прочитанной книге. Там есть меткие слова. Они запомнились ему почти наизусть:

> «Из-за креста, из-за названия, из-за угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высшая побудительная причина. И эта причина есть чувство…, лежащее в глубине души каждого — любовь к Родине».

В полковой землянке за сбитым из досок столом сидели командир дивизии Коломейцев, начальник политотдела Красноперов, прилетевшие в полк под вечер. Их уставшие лица тускло освещала гильза-коптилка. Поднялся худощавый, с осунувшимся лицом полковник Красноперов. Обращаясь к Пересыпкиным, сказал:

— Поздравляю вас с вступлением в партию.

Полковник вручил Федору партийный билет, а Вере — кандидатскую карточку.

Вера, волнуясь, ответила:

— В бой идти коммунистом считаю великой честью. Я оправдаю доверие партии.

Под сводами тесной землянки торжественно зазвучал голос командира дивизии:

— От имени Президиума Верховного Совета…

Полковник приколол к гимнастерке летчика орден Красного Знамени, а к гимнастерке воздушного стрелка — орден Отечественной войны I степени.

Потом обратился к командиру полка Шумскому:

— Мы не могли провести эту церемонию днем. Сами знаете — с рассвета были в боях. Вечером ваши товарищи отдыхают. Прошу вас, Константин Мефодьевич, завтра скажите личному составу об именинниках семейного экипажа.

…Под крылом промелькнула зеленая лента Днепра. Бои шли неподалеку от Днепропетровска. В балках гитлеровцы устроили огневые позиции артиллерии, которая обрушивала огонь по нашим наступающим частям.

Пересыпкин ввел штурмовик в пикирование и сбросил бомбы. Взметнулась стена дыма, огня. Вокруг самолета возникали дымки

шапок зенитных разрывов. Как только штурмовик вышел из зоны обстрела, в безоблачном небе появились «мессершмитты». Вера отчетливо видела прозрачные круги пропеллеров.

— Пара заходит сверху.

Она прицелилась. Дробно застрочил пулемет. Федор сделал разворот, чтобы уйти из-под прицельного огня фашистских истребителей. Кажется, атака не удалась. Штурмовик был над своей территорией. Наши зенитчики отсекли от него «мессершмиттов», которые повернули обратно.

Все же техник обнаружил небольшую пробоину в фюзеляже. Стали осматривать машину: куда попала пуля, не повреждены ли жизненно важные места? Но где пуля? Куда она попала? Выходного отверстия нигде не было. Тогда Пересыпкин решил сделать эксперимент.

— Вера, садись в кабину.

Она приняла такое же положение, как и в полете.

Федор провел воображаемую линию полета пули и сделал заключение.

— Пуля должна быть в ноге стрелка.

— Чего мудришь? У меня и царапины нигде нет, — возразила Вера.

Пересыпкины направились на КП доложить о результатах полета. По дороге Вера нагнулась. И увидела: на правой ноге у комбинезона наполовину отломленную пуговицу. Но не придала этому значения. Прошла еще несколько шагов, что-то кольнуло в ноге. Присела, сняла сапог и, к своему удивлению, обнаружила: между голенищем сапога и меховым чулком, или, как его называют авиаторы, «унтятом», — пуля. Командир рассмеялся, похлопал по плечу воздушного стрелка:

— Верно говорят — смелого пуля боится.

Фронт уходил на запад. Федор и Вера всегда были рядом, пополам делили радости и тревоги. Но были и разлуки.

Из-под Одессы Пересыпкина послали на Волгу получать новые самолеты. Полк в то время летал к Тирасполю, где противник оказывал упорное сопротивление нашим войскам.

К первому боевому вылету готовился младший лейтенант Соколов, недавно прибывший в полк. Командир представил ему гвардии старшего сержанта Тростянскую:

— Полетите с ней.

Николай Соколов возразил:

— Пассажира мне не надо. Дайте настоящего стрелка.

— Не горячитесь, молодой человек, — сказал командир. — Вы еще пороху не нюхали. А у нее счет к сотне боевых вылетов

подбирается.

После того как командир поставил задачу и летчики расходились с КП по самолетам, Вера шла рядом с Соколовым и давала ему напутствия:

— Помните о двух вещах: не отрывайтесь от группы и поточнее заходите на цель.

Герой Советского Союза Ф. Пересыпкин с женой В. Пересыпкиной-Тростянской.

Николай, хотя и слушал ее, в душе считал, что она говорит такие истины, о которых он давно знает. Вера чувствовала, что летчик холодно относится к ее словам, но продолжала говорить…

Шестерка штурмовиков подходила к переднему краю вражеской обороны. Дымка затянула горизонт, и цель плохо просматривалась. Противник открыл зенитный огонь. Соколов растерялся, потерял из виду группу и оказался один. Вера положила на колени планшет, стала сличать карту с местностью. И установила: летчик летит не тем курсом. С горечью подумала: «Потерял ориентировку».

— Доверните влево, — сказала она. — Выходите на дорогу Тирасполь — Одесса.

Соколов послушал стрелка. Вскоре показалось шоссе, и Тростянская напомнила:

— Идите вдоль дороги.

Соколов вернулся на аэродром позже всех. Горючее было на исходе. Командир полка поглядывал в небо, волновался за судьбу экипажа. Когда Соколов зарулил на стоянку, подполковник Шумский сердито спросил его:

— Что за номер? В трех соснах заблудились?

Летчик виновато наклонил голову. Подполковник удалился от самолета, и Николай признался Вере:

— Буду летать только с вами, пока не окрепну как штурман. Перед вами я в долгу…

Тростянская улыбнулась:

— Надо слушать старших.

После этого случая в полку все знали: стрелок Тростянская не зря носит планшет. Перед ней всегда была карта. Она знала район полетов не хуже любого летчика.

Федор вернулся с новыми самолетами. Вера снова стала летать с ним.

Трудные бои были под Бродами. Многотысячная группировка противника оказалась в мешке. Пытаясь выйти из окружения, фашисты предприняли сильную контратаку на одном из участков фронта. Сюда и повел группу штурмовиков подполковник Шумский. Гвардии старший лейтенант Пересыпкин был заместителем ведущего, шел справа. Над скоплением танков, орудий самолеты замкнули круг и один за другим устремились в атаку. Штурмовой налет длится три-четыре минуты. Но в каждую из шестидесяти секунд такой минуты экипаж подвергается смертельной опасности. С земли неистово бьют вражеские зенитки, в небе атакуют истребители. Так было и на этот раз. Перед тем как вывести штурмовик из пикирования, Федор и Вера ощутили, как тряхнуло самолет и он резко пошел вверх. Вера не видела, где разорвался зенитный снаряд, лишь инстинктивно догадалась, что взрыв произошел под машиной. Она повернулась, посмотрела на плоскости. Они были невредимыми.

Федор, напрягая силы, обеими руками удерживал самолет в горизонтальном положении. На лице выступил пот. Он спросил по переговорному устройству:

— Вера, что там?

В стабилизаторе зияло большое отверстие, а по краям завернулись листы дюраля. «Неужели все?» — пронеслось в голове Веры. Трудно было скрыть волнение перед опасностью.

— Стабилизатор разбит. Тяни, Федя, легонько, как-нибудь.

Подбитый самолет отошел от группы, которая продолжала

кружить над целью, обстреливать противника. Наш истребитель из группы прикрытия заметил отставшего штурмовика, на который могли наброситься «фокке-вульфы», появившиеся над полем боя.

Когда наш истребитель приблизился к штурмовику, у Веры постепенно улеглось волнение. Она доложила:

— Нас прикрывает «як» с четвертым номером на борту. Машет крыльями. Иди спокойно, Федя.

Истребитель неотступно шел сзади Ил-2, сопровождал его до самого аэродрома. Техник, встретив самолет, покачал головой:

— Прилетели на честном слове. Прямо в рубашке родились.

Федор посмотрел на Веру:

— Вторая ты моя броня.

— Ему спасибо, четвертому, — она посмотрела на небо. — Это Дважды Герой Советского Союза М. Кузнецов пришел на выручку нашему экипажу.

Прошло почти два десятилетия, как смолкли залпы войны. Недавно снял серую шинель Герой Советского Союза подполковник запаса Федор Иванович Пересыпкин. Он, как и его жена, занят мирным трудом. Вера Федоровна Пересыпкина работает инструктором райисполкома в городе Киеве. У бывшего гвардии старшего сержанта много хлопот. Дочь Галя учится в медицинском институте. В семье еще двое — Толя и Володя. Мальчики остались сиротами. Пересыпкины взяли их на воспитание.

Вечерами семья в сборе. Дети частенько рассматривают альбом с фронтовыми фотографиями. По живому, выразительному лицу женщины пробегает добрая улыбка.

— Мы всегда вместе, у нас с мужем одна биография.

Хорошая, светлая биография. Ее страницы повествуют о нелегкой, но яркой жизни людей, которые добыли свое счастье в бою и в труде.

М. Вербинский
ГВАРДИИ ТОНЯ

Сестра. Сестричка. Подружка… Так бойцы называли на фронте медицинских работников: санинструкторов, сестер, сандружинниц. Под огнем врага, в жару и стужу, во время ожесточенных сражений, они, невзирая на смертельную опасность, выносили с поля боя раненых, оказывали им помощь, а когда этого требовала обстановка, с оружием в руках шли в атаку и громили врага.

Тоня Жидкова — одна из таких.

На десятки километров по берегу реки тянется город. В городе полыхают пожары. Клубятся, ползут иссиня-черные тучи дыма. Воздух гудит, содрогается.

Грохочут орудия. С воем и свистом проносятся снаряды. Глухо рвутся авиабомбы. И в эту жестокую пляску огня и металла врывается раскатистый гром зениток. Их много. Грозными стволами они вонзаются в небо. Их удар направляется в шныряющие самолеты с фашистской свастикой.

Одна из зенитных батарей стоит на Мамаевом кургане. Это — батарея малокалиберных зенитных орудий. Их называют «пушки-малютки». Они врыты в землю в том месте кургана, где он своими скатами подходит к городу, как бы рассекая его на две части. «Малютки» яркими трассами снарядов режут дымный воздух.

— Огонь! Огонь! — командует невысокий коренастый лейтенант.

Он находится в окопчике, откуда и управляет боем батареи.

Самолеты, которые висели над кварталами города, повернули на запад и скрылись за облаками. Раскаленные от напряженного боя почти докрасна, «малютки» прекратили стрельбу. Но еще не успела улечься пыль, как над батареей прозвучал звонкий голос разведчицы:

— Пикировщики! «Музыканты»!

Все знали — идут Ю-87 с сиренами.

— К бою! — летит к орудиям властная команда.

А тем временем «восемьдесят седьмые» вытягивались в кильватерную колонну. После этого они по одному стали идти в атаку на батарею. Вот уже слышна их воющая музыка.

Грянули скорострельные «малютки». Заглушили они «музыку», что падала с воздуха. Да и «музыканту» не поздоровилось. Не вышел он из пике. Так и врезался в твердый

как камень грунт ската кургана.

Недалеко от батареи упала крупная бомба. Заряжающий расчета схватился широкой ладонью за окровавленное плечо и с трудом шагнул в сторону. Боец, который подносил снаряды, беззвучно упал навзничь, захлебываясь кровью.

— Помогите! — вырвалось у него.

На зов стремглав прибежала подвижная, в туго затянутой гимнастерке, светло-русая девушка. Она наклонилась над раненым. Приподняв лежавшего плашмя бойца, перехватила жгутом рану. Остановила кровотечение у другого пострадавшего. Отнесла их в укрытие. И снова бежит по огневой позиции.

— Тоня! Берегись! — услышала она чье-то тревожное предупреждение.

На батарею вновь заходил самолет-пикировщик.

Но Тоня Жидкова не видела угрожающей опасности. Она спешила туда, где требовалась ее помощь, — к окопу с дальномером. Здесь от осколочной раны стонал боец-стереоскопист. Ветер сорвал с Тони берет, растрепал легкие как пух волосы.

С сиренным воем несся на батарею «музыкант». Фонтаны земли и мелких камешков поднялись над огневой позицией. Словно град забарабанил о металл «малюток». Беда в первом расчете. Осколком раздробило руку сержанту.

— Командуй! — отчаянным голосом крикнул он ефрейтору-наводчику и упал.

И возле него уже хлопочет Тоня Жидкова. В этот момент раздается возглас:

— Кухня-я гори-и-и-т!

Тоня заканчивала перевязывать сержанта. Окрик заставил ее поднять голову. Перед глазами сноп пламени. Словно огромными раскаленными клещами, языки огня охватывали приземистую деревянную постройку.

— Наверное, там остались люди! — вырвалось у девушки.

Застегнув санитарную сумку, она сорвалась с места.

Когда Тоня очутилась возле кухни, здесь уже рухнула крыша. Из помещения доносились крики. «Что делать?!» — молнией ударила мысль. Тоне было ясно: на помощь звать некого. Все бойцы заняты у орудий. Она толкнула дверь. Вошла. На полу лежал потерявший сознание боец. Второй громко стонал, придавленный бревном. Тоня приподняла бревно. Боец встал.

— Беги! — крикнула ему Жидкова, указав на выход.

Того, что был без сознания, подняла на плечи и вынесла на свежий воздух. Затем снова возвратилась в горящее помещение и вынесла третьего бойца. Когда Тоня вырвалась из пламени и

дыма, силы оставили ее. Она упала. Подбежали два красноармейца. Дали девушке холодной воды. Она спросила:

— Где раненые? Кому нужна помощь? Я… я сейчас…

Антонина Жидкова.

Перед вечером, когда бой утих, Тоня хлопотала возле раненых в землянке. Пришел комбат, лейтенант Савонин, невысокий, крепкий в плечах.

— Так это вы спасли людей в горящей кухне? — спросил он, пристально глядя на девушку в форме военфельдшера.

Тоня ответила:

— Да, я.

Савонин улыбнулся:

— Отчаянная же ты! Непременно доложу Ершову. Пусть знает, какие есть в его полку храбрые девчата.

Сизым голубиным крылом спустились на землю сумерки. Отгремел бой. Только изредка раздавались далекие выстрелы. От батареи, что у Мамаева кургана, отходит полуторка с ранеными. В кузове кто-то глухо охает, стонет.

— Крепись, дружок. Боль не вечна, пройдет.

Это голос Тони. Услышали его бойцы — повеселели.

Машина спустилась по круче. Вот и берег реки. Она бежит, темная, угрюмая, сердитая. На воде покачивается лодка. Ее и заполняют бойцы, приехавшие на полуторке. Медленно тянется посадка. Наконец все готово.

— Отчаливай!

Плещется волжская вода о борта крутобокой лодки. Словно на ниточках, повисают в полумраке яркие искрящиеся точки.

Один из пассажиров громко сказал:

— Ракеты-то какие!

— Не очень любуйся, они сейчас покажут! — оборвал его другой и закашлялся.

И тут же справа и слева поднялись пенистые фонтаны.

— Вот тебе и ракеты! — отозвался кашляющий голос. — Рвутся, аж воду на дыбки ставят.

Гребцы налегли на весла. Левый берег. Лодка ткнулась носом в прибрежную мель. Бойцы быстро выбираются на сыпучий песок. Снова они в машине. Сдав раненых на эвакопункт, Тоня спешит в обратный путь.

Вот она на зенитной батарее. Не на той, которой командует Савонин, а на другой, что стоит на пригорке, у стен металлургического завода «Красный Октябрь». Над заводом вражеские самолеты. По ним дружно бьют зенитки. Загорелся и начал падать один самолет, вспыхивает и рассыпается на мелкие куски другой.

На батарею идут пикировщики. Им удается сбросить бомбы на огневую позицию. По орудиям плеснул град огненных осколков. То в одном, то в другом месте слышатся стоны.

— Беги к связистам! — сказала Тоня санинструктору батареи. — А я здесь.

Она бросилась к первому расчету. Здесь одному бойцу осколок впился в голень, второму почти совсем отбило кисть руки. Тоня остановила кровотечение, наложила раненым жгуты и крепкие обручи повязок.

Перед вечером Жидкова вновь на берегу реки. Не одна, с пятью ранеными зенитчиками. Уже десятки раз она переправляла вот таких, как эти пятеро, через Волгу.

Под кручами высокого волжского берега слышен людской говор. Здесь собралось много раненых. Всем им нужно на левый берег. В другое время все это делается просто. А сейчас — не то. Враг обстреливает реку. Переправа разбита. Нет ни катеров, ни лодок. «Как же быть?» — думает Тоня. Вдруг она видит у берега небольшой, связанный из бревен и досок плотик. Обратили на него внимание и бойцы Тониной пятерки. Один тут же заявил:

— О, так эта посудина подойдет для нас!

— Поплывем? — спросила она.

Все согласились. Пятерка с берега переместилась на плот. Трое, обессилевшие от ран, легли на ветки и сухую траву. Двое сидели. Они чувствовали себя лучше и обещали даже грести. Весел не было. Имелось два шеста. Один из них взяла Тоня. Стали отплывать от берега.

Плот — не лодка. Шест — не весло. Трудно гребцам. Но все же плотик продвигался все дальше и дальше через широкое русло реки.

Вскоре вслед за Тониной пятеркой на левый берег устремилась весельная лодка «Чайка». Она принадлежала зенитчикам. Только не полку Ершова, а другому, который стоял по соседству.

На «Чайке» «капитаном» считали девушку-санинструктора, которая сопровождала раненых. Ее звали Леной. Санинструктором она стала недавно, но уже показала себя смелым и храбрым солдатом. Лена рассказывала. Ее слушали с большим вниманием.

— Была я телефонисткой на батарее. Сидела, как обычно, на батарейном командирском пункте. Зенитчики вели бой. Стоял неимоверный грохот. Стреляла и наша батарея. Мы били по самолетам. А те, что стояли западнее нас, лупили по танкам и пехоте противника. Недалеко от батареи, за Спартановкой, находился КП нашего зенитного дивизиона. Командовал им старший лейтенант Даховник. Знала я его, когда он курсантом стажировку у зенитчиков проходил. А потом мы с ним дружили. И вот зуммерит телефон. Слушаю. Говорит Даховник. Обрадовалась, что слышу знакомый голос. Он спрашивает: «Как себя чувствуешь?» Отвечаю: «Хорошо!» Он: «Я тоже!» А затем: «Больше тебя не увижу! — И строгим тоном: — Передай комбату: открыть огонь по моему КП!» Я обомлела. Выронила телефонную трубку. Ее схватил комбат. Слышу голос Даховника: «Огонь на меня!» У комбата повлажнели глаза. Он выскочил из окопчика и, сжав кулаки, скомандовал: «Батарея! По командному пункту дивизиона, куда вышли немецкие танки, огонь!» Видим мы: поднялась лавина огня над блиндажами и землянками, где был КП Даховника. Там горели немецкие танки.

— Ну а как же Даховник? Погиб?

— Все утверждают, что погиб. Но мне почему-то не верится, — отвечает Лена. — Думаю: а может, жив? Ведь на войне всякое бывает…

Лена глубоко вздохнула. Стало тихо. Все думали о Даховнике, о его геройском поступке. Сочувствовали Лене,

потерявшей друга.

Невдалеке от «Чайки» взлетел султан воды, затем второй, третий. Лодка повернула вправо, затем влево. А всплески над рекой все чаще и чаще. Сквозь шум Лена услышала тревожные возгласы:

— Там кто-то тонет! Спасать нужно!

«Чайка» изменила направление. Вот уже отчетливо видно: уцепившись за бревно, в воде плавает человек.

— Держись! — раздавались голоса с «Чайки».

— Да это ведь девушка! — воскликнула Лена. — Гони, хлопцы, быстрее!

Борт «Чайки» коснулся бревна. Один из гребцов положил весла и быстро перебрался в носовую часть лодки. Встав на колени, он наклонился к воде и подхватил девушку за плечи.

— Бросай бревно! Цепляйся за лодку!

Обессиленную, продрогшую, ее втащили в лодку.

— Снимай гимнастерку, бери мою! — сказала Лена.

Бойцы сидели молча, участливо наблюдая, как она хлопочет около подруги. Гребец спросил:

— Откуда ты, промокшая голубка?

— Из полка Ершова. Слыхали о таком?

— О ершовцах, гвардейцах! Как не слыхать! — бойко заговорил сидевший рядом с Леной молодой зенитчик.

— А зовут меня Тоня Жидкова. Я — военфельдшер.

— Тонечка! Так это ты?! — радостно вскрикнула Лена. — Слухом о тебе вся земля полна! Товарищи! Так это же бесстрашная гвардии Тоня!

— Видать, что не из трусливых, — живо отозвался гребец.

Лена продолжала:

— Нам зачитывали телефонограмму начальника медицинской службы корпуса товарища Антонова. В ней сказано, что Тоня Жидкова за эти жаркие дни боев вынесла с поля боя около ста раненых. Для всех нас, медработников, она пример.

Тоня глубоко вздохнула:

— А вот сегодня видите как?

— Что же случилось?

— Пятерых раненых доставили к Волге, чтобы переправить на левый берег. А переправляться не на чем. Хоть садись и плачь. Но потом увидели небольшой плотик. Погрузились на него. Поплыли кое-как. Почти до середины реки дошли. В нас угодила мина. И всех в воду побросало.

— И никто не спасся? — спросила Лена.

— Нет. Никто. Я кое-как держалась на воде. Чувствую, не дотянуть мне до берега. Попалось под руки бревно. Ухватилась за

него… Лучше бы и я утонула… — сквозь слезы вымолвила она.

— Что ты, милая! Разве по твоей вине разбило плот? — успокаивала Жидкову Лена. — Вот и нас чуть не накрыли снаряды. Фрицы здесь за каждым человеком охотятся.

Лодка причалила к берегу. Вскоре подошла и санитарная машина. Лена и Тоня помогали раненым забираться в автомобиль. В хуторе, куда прибыла «санитарка», в палатках, разрисованных желтыми и зелеными полосами, размещался эвакогоспиталь. К остановившейся машине с красным крестом подошел высокий мужчина в военной форме. Это был военврач второго ранга Леонид Петрович Антонов.

— Откуда люди? — спросил он.

— Из части Германа, — ответила Лена Земцова.

— А вы-то чего здесь, Тоня? — остановил он взгляд на Жидковой.

— От смерти спасалась! — заметила Тоня и рассказала о случае, происшедшем на реке.

— Ничего, Тоня! — сказал Антонов. — Жить тебе до ста лет!

— Спасибо за пожелание!

— А тебя как зовут? — спросил Антонов подругу Антонины.

— Санинструктор Лена Земцова.

— С какой батареи?

— Новицкого.

— Знаю его. Хороший командир.

Дежурному по эвакопункту врачу Лена Земцова передала список доставленных раненых.

— Будем лечить и отправлять дальше в тыл, — сказал врач. — А вы, значит, обратно, на правый берег?

— Да.

Справившись с делами, Лена разыскала Антонину, и они вместе направились к берегу реки. Шли по тропе, что тянулась рядом с разъезженной песчаной дорогой, разговаривали.

Лена узнала, что Тоня родилась в селе Посудич, Брянской области, спустя два года после Октябрьской революции. Детей в семье было много. Тоня — самая младшая, тринадцатая по счету. В Одессе она окончила медицинский техникум и стала работать фельдшером. Война застала ее в Кишиневе. В тот тревожный воскресный день девушка поспешила в военкомат и умоляюще просила: «Пошлите меня на фронт, на передовую».

— Представь себе, Леночка, — говорила Жидкова, — назначили меня военфельдшером ВНОС. За что браться? С чего начинать? Ума не приложу! Говорит как-то командир, что нужно навести порядок на кухне и в столовой. Иду на кухню. Вижу — грязновато. Беру ведро, тряпку и мою полы, затем скамейки.

Встречает командир и спрашивает: «Порядок навели на пищеблоке?» Отвечаю: «Конечно. Полы на кухне помыла, а завтра за столовую возьмусь». Лицо командира озарилось улыбкой. «Да разве, — говорит он, — так нужно врачу наводить порядок?»

— В общем, урок получила хороший? — улыбнулась Лена.

— Да, не говори! Так и училась военной службе.

Девушки пришли на берег. Под ветвями лозняка, упершись носом в землю, стояла «Чайка». Однако в лодке никого не оказалось.

— Обождем! — предложила Лена.

Она достала портсигар, поблескивающий серебром, с выгравированными буквами «Л. Д.», стала рассматривать.

— Ты что же, куришь? — удивленно спросила Тоня.

— Нет. Это — память о нем. Видишь инициалы — Лука Даховник.

— Подарил?

— Нашла на месте, где были блиндажи командного пункта дивизиона. — Лена сорвала увядшую ромашку. — Вот так и любовь моя увянет, как этот сломанный цветок.

— Не горюй, — тихо проговорила Тоня. — Что поделаешь, если суженый погиб. Вот я с тобой здесь, а душа ведь болит об одном человеке.

— Кто он?

— Да есть такой, в нашем полку.

— Скажи — кто?

— Комбат Савонин. Его батарея у Мамаева кургана стоит.

— Где же вы с ним впервые увиделись?

— Здесь, в этом городе, на батарее. Приглашал меня после войны в Киев, где он жил до призыва в армию.

— И что же ты ответила?

— Рано загадывать о будущем. Еще неизвестно, придется ли нам после войны ходить по белому свету?

— Дождетесь победы и будете в Киеве жить. И я прикачу к вам в гости. Вспомним тогда день, когда переплывали вместе Волгу.

Удлинились тени, солнце клонится к закату. Из-за высокого лозняка вынырнул грузовик. Послышался знакомый голос гребца с «Чайки»:

— Сгружай, хлопцы!

«Чайка» быстро была заполнена снарядами.

— А о нас не забыли? — крикнула Лена, приближаясь к лодке.

— Нет! Не забыли! Садитесь!

Взяв на борт своих старых пассажиров, «Чайка» тронулась в

путь. Набежали тучи. Быстро потемнело. Усилившийся ветер затруднял работу гребцов. Лена и Тоня сидели рядом, говорили о своем.

— Уступайте нам место, сядем за весла! — предложила Тоня.

— Сами справимся!

Над Волгой, описывая полудуги, взлетали и падали ракеты. Висело несколько осветительных авиабомб. А за каменными громадами домов, что на правом берегу, гремели орудийные выстрелы. Монотонно плескалась вода от ударов весел. И лодка, покачиваясь на волнах, шла все дальше и дальше.

Спустились густые сумерки, когда «Чайка» стала приближаться к берегу. Гребцы переглянулись. Один из них притормозил веслом:

— Не туда приплываем!

— Действительно не туда.

Ефрейтор, старший экипажа, всматриваясь в берег, сказал:

— Дунули за Спартановку. Но здесь где-то батарея Новицкого. У них и разгрузимся.

— Правильно, батарея здесь, — подтвердила Тоня.

Лодка стала подходить к обрывистому берегу. И только она остановилась, как к ней справа и слева стали подбегать люди. Послышались возгласы на немецком языке. Гитлеровцы, держа перед собою автоматы, сжимали полукольцо.

— Гранаты к бою! — скомандовал ефрейтор. — А вам, девчата, приказываю немедленно уходить!

Лена толкнула Тоню в воду. Жидкова нырнула и поплыла. Вскоре она услышала огромной силы взрыв. Пламя на миг осветило то место, где стояла «Чайка». Затем снова все потемнело.

Может, четыреста, а может, и все шестьсот метров проплыла Тоня вдоль берега. Выйдя из воды, увидела прохаживающегося фашистского солдата. «Опять переплет», — молнией пронеслась у нее мысль. Она припала к земле. Когда солдат повернулся к ней спиной, бросилась в лощинку. Долго ползла, держа направление к тракторному заводу. И вот на горе, окруженной рвами, увидела силуэты зениток. Ее остановили часовые.

— Стой, кто идет? — окликнул один из них.

— Я от Ершова! — ответила она. — Переплывали Волгу на лодке. Лена Земцова была со мной. Может, знаете такую?

— Знаем, знаем…

На батарее, в землянке девушек-прибористов, Тоня переоделась в сухую одежду. Затем ее провели в землянку к старшему лейтенанту Новицкому. Тоня рассказала ему обо всем.

— Значит, Земцова погибла, — с грустью вымолвил он.

— Вот ее самая дорогая вещь, — сказала Тоня и положила на стол серебряный портсигар. — Его она мне передала в последнюю минуту.

Новицкий посмотрел на крышку и сразу угадал, что это портсигар Даховника. Командир дивизиона часто угощал его папиросами из этого портсигара. Старший лейтенант открыл его. Промокшая записка. Он развернул бумажку, прочитал полушепотом: «Я любила его. И была бы счастлива принять такую же смерть, как и он. Л. З.». Услышав эти слова, Тоня поняла, почему Лена отказалась идти в воду, чтобы спастись, а осталась на месте, бросив свою гранату в лежавшие в лодке снаряды. Помолчав, Новицкий проговорил:

— А вас полковник Ершов по всем батареям разыскивает. И к нам звонил.

— Сейчас свяжусь с ним и передам, чтобы не беспокоился.

Крутой обрывистый правый берег Волги. Вдолбившись в кручи, саперы сделали в подземелье что-то похожее на комнаты, коридоры. В этих обшитых тесом помещениях разместился штаб 62-й армии. Здесь, на правом берегу, ее бойцы. Не на жизнь, а на смерть сражались они с гитлеровцами, отстаивая волжский город. И почти рядом со штабом легендарной армии, в таких же кручах, в обрывистом берегу Волги штаб 73-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка МЗА.

И хотя от батареи Новицкого до штаба 73-го полка недалеко, путь для Жидковой был длинным. Вместе с двумя бойцами-разведчиками она на рассвете пробиралась по разрушенным улицам к своим. Встретил ее комиссар полка Иван Антонович Зинченко.

— А мы уж чего только не предполагали, думая о тебе! — сказал он Жидковой.

К комиссару зашел полковник Григорий Иванович Ершов.

Тоня доложила:

— Возвратилась с задания, товарищ полковник!

— Нам уже кое-что известно от Антонова, Новицкого, — сказал командир.

— Тогда мне и говорить нечего.

— Рассказывай, рассказывай, как смотрела смерти в лицо…

Как-то будучи в Киеве, я решил заскочить к участнику битвы на Волге Василию Федоровичу Савонину, адрес которого был в моей записной книжке. Позади остались днепровские кручи, мост Патона. И вот Дарница. Стучусь в одну из квартир нового дома по улице Чудновского.

Открывает невысокий мужчина с продолговатым худощавым лицом и проседью на висках.

— Савонин! — отрекомендовался хозяин дома.

В эти минуты он не сразу вспомнил, что мы встречались с ним на фронтовых дорогах в военные годы. Это был тот Василий Федорович Савонин, зенитная батарея которого во время битвы на Волге стояла у Мамаева кургана.

Из соседней комнаты вышла среднего роста миловидная женщина.

— А вот и Тоня! — сказал Савонин. — Моя жена.

— Гвардии Тоня? — радостно произнес я.

— Да, так когда-то называли меня на фронте…

Весь вечер в уютной квартире этой семьи не стихал оживленный разговор. Вспоминали о грозных днях битвы на Волге. Это тогда, в те дни, простую русскую девушку из Брянщины стали называть гордым именем «гвардии Тоня». Это тогда на защитной гимнастерке гвардии Тони засверкал орден Ленина — высшая награда Отчизны.

Утром Антонина Михайловна Жидкова-Савонина ушла в детский сад. Там она работает фельдшером. И по сей день не расстается гвардии Тоня со своей любимой профессией.

С. Смирнов
РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Сначала эту историю, удивительную, как легенда, принесло мне письмо телезрителя и ветерана войны из далекого уральского городка. То был рассказ о девушке-танкисте Марусе Лагуновой, потерявшей в бою обе ноги, но сумевшей снова стать в строй Советской Армии, о девушке, которая по своей судьбе была как бы родной сестрой «настоящего человека» — Алексея Маресьева. Потом начались многомесячные поиски через телевидение, пока следы не привели сперва в столицу Урала, Свердловск, а потом на Украину, в город Хмельницкий, где живет сейчас героиня этой истории Мария Ивановна Лагунова. И когда в моих руках собрались свидетельства друзей и очевидцев и воспоминания самой М. И. Лагуновой, выяснилось, как это нередко случается, что быль оказалась еще более необыкновенной, чем возникшая из нее легенда.

Жизнь почти сразу обошлась неласково с девочкой, родившейся в 1921 году в далеком степном селе Окольничково, Курганской области. Ей было четыре года, когда умерла мать и в большую крестьянскую семью из двенадцати человек пришла мачеха, злая, как в народных сказках. Дети, едва став подростками, разъезжались из дому, рано начинали самостоятельную жизнь. В десять лет Марусю, к счастью, взяла к себе старшая сестра, работавшая на железной дороге в Свердловске.

В школу девочка ходила всего пять лет. Потом пришлось бросить учебу и идти в няньки, в домработницы. Шестнадцати лет Маруся Лагунова пришла на свердловскую фабрику «Уралобувь». В 1941 году, когда началась война, она уже работала дежурным электриком цеха.

Ушел на фронт старший и любимый ее брат Николай. Через несколько дней Маруся тоже явилась в военкомат и просила послать ее в армию. Ей ответили, что и на фабрике нужны люди. Но она была настойчива и пришла во второй, в третий раз… В конце концов военком послал ее учиться в школу военных трактористов в Челябинской области. Зимой 1942 года она уже служила в батальоне аэродромного обслуживания на Волховском фронте.

Служба была тяжелой. Порой она круглые сутки сидела за рычагами трактора, очищая аэродром от снега, доставляя бомбардировщикам горючее, боеприпасы. Перегрузка и

постоянное недосыпание сказались на ее здоровье, и осенью 1942 года воспаление легких на два месяца уложило ее в госпиталь. Оттуда она попала в запасный полк, где ее сделали киномехаником, не обратив внимания на настойчивые просьбы отправить на фронт.

В феврале 1943 года в полк приехал военный представитель с Урала, чтобы отобрать несколько сот человек на курсы танкистов: механиков-водителей, башнеров, радистов. Когда Маруся Лагунова пришла к нему, офицер только усмехнулся:

— Что вы, девушка! Танкист — это чисто мужская профессия.

Она ушла удрученная, но не примирившаяся с отказом. А на другой день почта принесла письмо от сестры с тяжкой вестью — смертью храбрых погиб на войне брат Николай. На это горе Маруся реагировала не только слезами. Она села и написала письмо в Москву Михаилу Ивановичу Калинину. Через несколько дней был получен приказ принять Марию Лагунову в число курсантов.

Так среди семисот мужчин, приехавших в марте в уральский город, оказалась одна девушка. Командование учебной танковой части сначала приняло это как чью-то неуместную шутку. Но когда выяснилось, что есть распоряжение из Москвы, а сама девушка всерьез желает стать механиком-водителем танка, решили прибегнуть к уговорам.

— Поймите, это не девичья служба, — убеждали Лагунову в штабе части. — Займитесь лучше женским делом: идите работать в столовую или писарем в штаб.

Но она по-прежнему твердила, что хочет быть танкистом и идти на фронт, мстить врагу за смерть любимого брата. Тогда ей предложили ехать в один из городов. Там, мол, сейчас формируется добровольческий танковый корпус из уральцев. Маруся поняла, что это подвох — от нее просто хотят отделаться, и отказалась наотрез. Она знала: за ней стоит приказ из Москвы, и его должны будут выполнить.

Так и вышло. Два дня спустя Лагунову вызвал командир батальона майор Хонин.

— Я с тобой, Маруся, буду говорить откровенно, — сказал он. — Ты у нас первая из женского пола, и мы просто в затруднении, как к тебе подходить: служба трудна, требования к курсантам большие. Смотри уж, не подводи в учебе. А окончишь курсы, там будет видно, что с тобой делать. Пока разрешаю тебе не ходить в наряды.

Девушка даже покраснела от досады.

— Никаких исключений я не принимаю! — решительно заявила она. — А окончу курсы — отправляйте на фронт, в тылу я

не останусь.

Единственное исключение — маленькая каморка, которую ей отвели в расположении части. Во всем остальном она была таким же курсантом, как и мужчины. Программа курсов была рассчитана на четыре месяца, но танкистов требовал фронт — надвигались события на Курской дуге. Уже в июне лучшим курсантам предложили сдавать экзамены досрочно. Лагунова настояла, чтобы ее включили в число выпускников. Технику она сдала на хорошо, вождение танка — на отлично. Как ни уговаривали ее остаться в полку инструктором, она не согласилась.

Танкисты приняли на заводе машины и погрузили их на платформы. Перед отправкой на фронт в заводском дворе состоялся митинг рабочих и танкистов. И Маруся Лагунова, стоя в толпе, то и дело краснела: с трибуны говорили о ее настойчивости, упорстве, требовательности к себе и называли гордостью полка под аплодисменты собравшихся.

А впереди было немало испытаний. Когда танкисты прибыли на фронт и вошли в состав 56-й танковой бригады, готовившейся к боям на Курской дуге, командование, узнав, что на одной из машин механик-водитель девушка, решило заменить ее. Марусю отстоял командир машины лейтенант Чумаков (впоследствии погибший в бою и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза).

— Мария Лагунова — отличный механик! — твердо заявил он. — Машиной она будет управлять в любых условиях.

Ее оставили в покое, но ненадолго. Когда танкистов нового пополнения стали распределять по батальонам и ротам, возник тот же вопрос. Командиры не могли себе представить, как это женщина поведет в бой танк. Снова начались уговоры. И опять нашелся хороший, смелый человек, выручивший девушку. Это был заместитель командира батальона по политчасти капитан Петр Митяйкин.

— Видимо, ее трудно переубедить, — сказал он другим командирам. — Не будем настаивать, товарищи. Повоюем, сержант Лагунова. Только чур, воевать хорошо! Буду за тобой следить в бою.

Она узнала, что замполит всегда идет в бой на одной из головных машин и от его зоркого взгляда не укроется никакой промах танкиста. Но она была уверена в себе.

Наконец пришел боевой приказ. Машины вышли на исходные позиции и стояли замаскированные в укрытиях: поблизости уже рвались снаряды. Сражение на Курской дуге было в разгаре.

Перед боем снова появился капитан Митяйкин, побеседовал с

танкистами и напомнил Марии Лагуновой, что будет наблюдать за ней. А потом машины подвели к переднему краю, загремела артиллерийская подготовка, на броню танка вскочило человек десять автоматчиков, и лейтенант Чумаков подал команду: «Вперед!»

Она запомнила этот первый бой во всех его мельчайших подробностях. Сквозь смотровую щель она видела условленные ориентиры и вела танк по ним. До предела напрягая слух, она ловила в шлемофоне команды лейтенанта Чумакова. Слышать что-нибудь становилось все труднее: к реву мотора прибавились гулкие выстрелы их танковой пушки и трескотня башенного пулемета. Потом немецкие пули забарабанили по броне, и она перестала различать в наушниках голос командира. Но Чумаков оказался находчивым и стал командовать знаками.

В щель было видно, как наши танки утюжат траншеи противника. Маруся впервые увидела бегущие фигуры гитлеровцев в серо-зеленых френчах. Но вот пули застучали по броне особенно часто и звонко, и лейтенант хлопнул ее по правому плечу. Она резко развернула танк вправо и совсем близко увидела блиндаж, из которого в упор бил пулемет. Тотчас же последовал толчок в спину, и она нажала на акселератор. Бревна блиндажа затрещали под гусеницами — она не слышала, а как бы почувствовала это.

Стрельба постепенно стала стихать. Лейтенант приказал остановиться. Прежде чем Маруся успела открыть люк, кто-то откинул его снаружи и за руку вытянул ее из машины. Это был капитан Митяйкин. Она еще плохо слышала, и он кричал, нагнувшись к ее уху:

— На первый раз хорошо получилось. Молодец, Лагунова!

После этого были другие бои, и тяжелые, и легкие, она видела, как горят машины товарищей, плакала над могилами боевых друзей. Войска шли все дальше на запад, через Сумскую, Черниговскую и, наконец, Киевскую области. За плечами Лагуновой было уже двенадцать атак.

Однажды к Марии обратился капитан Митяйкин:

— Давай, Лагунова, пойдем вместе в атаку.

Он никогда не забывал своих обещаний и 28 сентября 1943 года, в день нового боя, оказался в машине лейтенанта Чумакова. Его веселый спокойный голос раздался в шлемофонах членов экипажа:

— Маруся, мы должны быть первыми! Давай вперед!

Сначала все шло хорошо. Командовал танком капитан, а лейтенант Чумаков встал к пулемету. Они первыми ворвались на позиции фашистов, и Маруся видела, как разбегаются и падают

под пулеметным огнем гитлеровцы.

— Дай-ка чуть правей, — скомандовал Митяйкин. — Там немецкая пушечка нашим мешает, прихлопнем ее.

Она развернула машину и понеслась вперед. Немецкие пушкари кинулись врассыпную, и танк, корпусом откинув орудие, промчался через артиллерийский окоп. Но, видимо, где-то рядом притаилась вторая пушка. Танк вдруг дернулся, мотор захлебнулся, и в нос ударила едкая гарь. Больше Маруся ничего не помнила.

Она очнулась в полевом госпитале. У нее были ампутированы обе ноги, перебита ключица, и левая рука оказалась омертвевшей. Все внутри словно было сжато в тисках, и голова раскалывалась на части. Боль отнимала все силы души и тела. Маруся не могла вспомнить, что с ней произошло.

На самолете ее доставили в Сумы, оттуда в Ульяновск, а затем в Омск. Здесь молодой смелый хирург Валентина Борисова делала ей одну операцию за другой, стремясь, насколько это было возможно, спасти ее ноги, чтобы потом она смогла ходить на протезах. Именно смелости и настойчивости Борисовой, шедшей иногда на риск, Лагунова обязана тем, что наступил день, когда она пошла по земле без костылей.

Но до этого дня еще надо было дожить, пройдя через множество физических мучений, через нескончаемые месяцы нравственных страданий. Сознание безнадежности и безысходности будущего все чаще и сильнее охватывало девушку. Она плакала, мрачнела, и никакие утешения врачей не помогали. И вдруг снова хорошие, отзывчивые люди, ее старые друзья, пришли на выручку в самый тяжкий момент ее жизни. Из танкового полка, где она получила специальность механика-водителя, в Омск приехали навестить героиню трое товарищей по учебе. Они привезли Марии шестьдесят писем. Ей писали старые друзья, писали незнакомые курсанты из нового пополнения. Прислали полные горячего участия письма командир бригады полковник Максим Скуба и ее прежний комбат майор Хонин. Она узнала, что в комнате славы полка висит ее портрет, что ее военная биография известна всем курсантам и помогает командирам воспитывать для фронта новых стойких бойцов. Ей писали, что она не имеет права унывать, что ее ждут в родной части, что танкисты новых выпусков, отправляясь на фронт, клянутся мстить врагам за раны Марии Лагуновой. И она воспрянула духом, почувствовала себя не только нужной людям, но и как бы находящейся по-прежнему в боевом строю.

Весной 1944 года ее привезли в Москву, в институт

протезирования. И здесь друзья из части навещали ее, слали письма. Она встретилась тут с Зиной Туснолобовой-Марченко, которая потеряла в бою и ноги и руки. И вскоре обеим героиням вручили орден Красной Звезды.

— Когда я в первый раз надела протезы и перетянулась ремнями, — вспоминает Мария Ивановна Лагунова, — я вдруг поняла, что это тяжкое несчастье будет на всю жизнь, до самой смерти, и подумала: смогу ли я это выдержать? Первая попытка пойти оказалась безуспешной — насажала себе синяков и шишек. Но профессор Чаклин, который вложил так много труда, чтобы поставить меня на протезы, категорически запретил персоналу давать мне палку. Начались ежедневные тренировки, и через несколько дней я постепенно стала передвигаться.

Она училась ходить с тем же упорством, с каким когда-то училась водить танк. В день выхода из больницы за Марией Лагуновой приехал нарочный из полка с приказанием явиться в часть для дальнейшего прохождения службы. Командование зачислило ее, как сверхсрочника, на должность телеграфистки.

Когда-то, придя в этот полк, Маруся Лагунова наотрез отказалась от всяких поблажек, которые хотели сделать ей как единственной девушке из числа курсантов. Теперь она так же категорически отказывалась от всяких предпочтений себе как инвалиду. Товарищи поражались ее решимости. Бывший однополчанин Лагуновой уралец Александр Червов хорошо написал мне об этом в своем письме:

> «Во всем был виден ее железный характер, упорство, настойчивость. Она часто отказывалась от предложений подвезти ее на машине, старалась больше ходить пешком на протезах. Нетрудно представить, каких мучений стоила ей эта ходьба. Но она, как и ее собрат по судьбе Алексей Маресьев, упорно тренировала себя в ходьбе, ибо знала, что жизнь ее долгая и ходить ей по нашей свободной земле придется много».

Все это время Мария Лагунова незримо опиралась на большую моральную поддержку товарищей-однополчан, окруживших ее сердечной заботой, теплым, человеческим вниманием.

> «Я буду благодарна всю свою жизнь командованию бригады и полка за заботу и ласку, за решимость вернуть мне жизнь», — пишет Мария Ивановна Лагунова.

А когда в 1948 году Мария Лагунова, демобилизовавшись,

приехала в Свердловск, нашлись другие такие же отзывчивые люди, тоже старые товарищи, позаботившиеся о ней. Это был коллектив фабрики «Уралобувь» во главе с директором С. Т. Котовым. Ее устроили работать контролером, дали комнату.

Прошло немного времени, и жизнь, которая так жестоко обошлась с Лагуновой, вдруг улыбнулась ей. Она встретила молодого человека, Кузьму Фирсова, знакомого ей еще по фронту и тоже инвалида войны, — он был ранен в голову и потерял левую руку. Они подружились, и однажды Кузьма предложил:

— Знаешь, Мария, давай поженимся. Вдвоем будет легче прожить.

— Ведь мы два инвалида, — возразила она. — Нам обоим няньки нужны.

— Из двух инвалидов получится один полноценный человек, — засмеялся в ответ Кузьма.

Они поженились. В 1949 году родился сын, которого назвали Николаем в честь погибшего брата Марии. Четыре года спустя родился второй сын, Василий, — так звали убитого на войне брата Кузьмы Фирсова.

Дети, домашние хлопоты заставили М. И. Лагунову бросить работу на фабрике. Но коллектив рабочих, завком и партком по-прежнему оставались шефами героини войны. Семье предоставили двухкомнатную квартиру, порой оказывали необходимую помощь. В 1955 году пришлось покинуть родной Урал — М. И. Лагунова заболела, и врачи предписали ей перемену климата. Семья переехала на Украину, в город Хмельницкий.

Бывший механик-водитель «тридцатьчетверки», боевой танкист, прошедший с боями путь от Курской дуги до Днепра, М. И. Лагунова теперь просто домашняя хозяйка. Ее муж, К. М. Фирсов, — мастер трансформаторного завода. Старший сын Николай — студент Каменец-Подольского индустриального техникума, младший, Василий, — третьеклассник. Жизнь героини Великой Отечественной войны вошла в свою прочную, хотя и нелегкую колею как благодаря упорству, настойчивости, твердости характера этой замечательной женщины — настоящего человека нашей героической эпохи, так и благодаря дружеской помощи и поддержке десятков хороших, отзывчивых советских людей.

Хочется сказать жителям города Хмельницкого:

— Товарищи, рядом с вами живет удивительная героиня войны, героический борец в послевоенной жизни, скромная и гордая женщина с рабочего Урала. Ее характер и воля были

крепки, как уральская сталь, ее судьба была ярка и необычайна, как уральские самоцветы, ее биография — подвиг. Берегите ее, окружите ее заботой и вниманием, воспитывайте на ее великолепном примере своих детей.

Это ничего, что у нее на груди только один орден Красной Звезды. Война оставила нам многих неизвестных героев, чьи награды — я уверен в этом — еще впереди. Да и не в наградах дело. Для героя лучшей наградой становятся память народа, любовь и уважение людей.

А. Терехов
БОЕВОЙ ОРДЕН ТАМАРЫ СТАЦУРЫ

Кто хорошо бьется, тому, и победа дается.

Семнадцатый год шел Тамаре Стацуре, когда началась Великая Отечественная война. Отец Тамары получил назначение в действующую армию.

— И я с тобой, папа, пойду на фронт, — твердо заявила девушка.

Полковник Стацура удивленно взглянул на нее:

— Никуда ты от матери не поедешь.

— Нет поеду.

— Тебе еще учиться надо, доченька.

Но Тамара стояла на своем:

— Если ты меня в свой полк не возьмешь, я в другой попрошусь. Пойми меня правильно, папа. Я не могу сидеть дома.

Полковник Стацура знал Тамару: если что задумает, сделает непременно. Жалко ему было брать на фронт юную дочь, но в душе он гордился ею.

— Ну ладно, собирайся, — коротко, словно солдату, скомандовал он Тамаре.

На фронте их пути разошлись. Тамара оказалась в другой дивизии. Санитарка Стацура выносила раненых с передовой, когда шли ожесточенные бои на полях Украины и на Северном Кавказе. Многим воинам спасла жизнь молодая патриотка.

В канун 1942 года, во время оборонительных боев под городом Нальчик, Тамаре приказали прибыть в штаб соседнего полка, который располагался рядом с медико-санитарным батальоном 2-й гвардейской дивизии, и сделать там перевязку тяжело раненному офицеру.

— Где раненый? — спросила девушка, входя в штаб.

— Тамара? Это ты, родная? — радостно воскликнул пожилой полковник с густой черной бородой и пошел ей навстречу. Он сильно прихрамывал на правую ногу. И когда полковник приблизился к Тамаре, в его карих глазах девушка заметила слезы. Это был отец Тамары. Девушка бросилась ему на шею.

— Папа, папочка! — шептала Тамара.

Поговорить как следует не довелось. Тамаре нужно было срочно эвакуировать раненых, которых у нее был целый обоз.

— Я постараюсь взять тебя, дочка, в свой полк, — сказал на прощание Тамаре полковник Стацура.

Но этому не суждено было сбыться. Через три дня Тамара узнала, что ее отец погиб в боях за город Нальчик. И тогда Тамара твердо решила стать автоматчиком. С той поры она и воевала в 9-й роте 6-го полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Затем окончила фронтовые курсы младших лейтенантов и стала командовать взводом автоматчиков. Под Краснодаром ее ранило. Пришлось лечь в госпиталь. Но там она пробыла недолго. Узнав из письма фронтовой подруги Любы Огиренко, что дивизия успешно продвигается вперед и скоро выйдет к Керченскому проливу, Тамара тайком убежала из госпиталя на фронт, хотя рана не совсем еще зажила. Убежала она в одном нательном белье, в сапогах и шинели. В штабе 11-го гвардейского стрелкового корпуса незнакомый лейтенант дал Тамаре свои запасные брюки и гимнастерку.

Свой полк Тамара нагнала уже в Крыму.

Шел январь 1944 года. Советские войска вели ожесточенные бои по освобождению Крыма от гитлеровских захватчиков. Атаки следовали одна за другой. В самый разгар боя гвардии младший лейтенант Тамара Стацура скрытно вывела свой взвод автоматчиков во фланг фашистам. Маневр был дерзким и решительным. Когда автоматчики были совсем уже близко от вражеских траншей, Тамара крикнула:

— За мной, вперед!

Метнув гранату, она первой ворвалась в окоп. Ошеломленные внезапностью действий наших автоматчиков, гитлеровцы пришли в замешательство. Многие из них бросились в бегство, оставляя в траншеях оружие и боеприпасы.

— Бей фашистов! — слышался голос Тамары.

Небольшая крепкая фигура девушки, туго перетянутая в талии солдатским ремнем, неожиданно появлялась то в одном, то в другом конце траншеи. Девушки так увлеклась боем, что не заметила, как оказалась одна.

Неожиданно, словно из-под земли, перед Тамарой во весь рост поднялся рыжеволосый фриц. В руках у него блеснул нож. Девушка направила автомат на врага, но выстрела не последовало. «Патроны кончились!» — мелькнула страшная догадка. Лицо ее невольно вздрогнуло, по всему телу пробежал холодок. Враг, видимо, понял, в чем дело. Он злорадно крикнул:

— Фрейлейн — капут! Здавайс!

В ответ Тамара со всей силой швырнула в него автомат и тут же, пригнувшись, быстро выхватила из чехла малую саперную лопату. Мгновенно девушка настигла фашиста, не успевшего еще опомниться от удара автоматом по голове, и со всего размаху

ребром лопаты ударила его по виску. Гитлеровец повалился на дно траншеи.

И тут Тамара заметила, как по траншее, прямо ей навстречу, полусогнувшись, бежал второй немец. Вид у него был жалкий, обмундирование изодрано. На скуластом худом лице виднелась запекшаяся кровь. Он был без оружия и, видимо, хотел отыскать в траншее свой автомат, брошенный в панике.

С лопатой в руках Тамара укрылась за изгибом траншеи. И когда гитлеровец приблизился, она с криком «Хенде хох!» бросилась на него, замахнувшись лопатой. Немец оказался ловким. Он сумел выбить из рук Тамары лопату. Но девушка не растерялась. Собравшись с силами, она повалила гитлеровца, схватила его за горло…

Тамара Стацура.

В траншею, где Тамара Стацура очутилась один на один с немцем, ворвался гвардеец Шахов. Он был поражен увиденным. Недвижимо лежал один гитлеровец. Тамара душила второго. Когда она разжала пальцы, фашист уже был мертв.

Шахов помог девушке разыскать автомат, дал патроны.

— Спасибо, друг. А где наши?

— Наступают.

Тамара поспешила к цепи автоматчиков и повела воинов на штурм гитлеровских укреплений.

Весть о подвиге Тамары Стацуры узнали скоро все гвардейцы дивизии. Об этом широко писала фронтовая газета. Командование представило Тамару к награждению орденом Красной Звезды. И этот орден она получила.

Всю войну пробыла Тамара Стацура на фронте. В звании гвардии лейтенанта демобилизовалась. Сейчас она жена офицера, мать двоих детей. Стацура ведет активную общественную и партийную работу среди семей военнослужащих одного из военных гарнизонов.

Ю. Кринов
ШУРА, ОТВАЖНЫЙ СНАЙПЕР

Более тридцати тысяч ленинградских девушек в первые дни войны вступили в народное ополчение. Им приходилось выполнять самые различные обязанности. Они становились сандружинницами, телефонистками, прожектористками, регулировщицами, шоферами.

Ленинградцы помнят отважного комиссара артбатареи Веру Лебедеву, медицинскую сестру Валентину Чибор, разведчицу Лену Иванову.

По примеру знатного снайпера Ленинградского фронта Феодосия Смолячкова, Александра Смирнова, Рая Зенькова, Александра Соколова, Мария Кошкина и десятки других девушек стали снайперами. Наравне с мужчинами они метким огнем истребляли врага.

Про одну из них, Шуру Смирнову, я хочу рассказать.

Было в ней еще что-то детское. Невысокого роста, хрупкая, по-мальчишески подстриженная. Но даже бывалые солдаты удивлялись смелости, выдержке и упорству этой девушки. У нее был острый глаз снайпера. Она быстро постигла солдатскую науку побеждать. Личный счет убитых фашистов Александры Смирновой непрерывно увеличивался.

Недели две не давал нам житья фашистский снайпер. От его огня мы потеряли несколько человек. Убит был ротный любимец — комсорг Вася Никитин. Решили мы отомстить за комсорга. Командир поставил задачу: уничтожить фашиста.

Несколько дней охотились Иван Петроченко и Шура Смирнова за вражеским снайпером. Придумывали способы, как засечь фашиста. Но результатов никаких. Видно, гитлеровец был матерый. Стрелял редко и только наверняка.

Однажды утром Смирнова и Петроченко, как обычно, торопились затемно занять огневую позицию. Наскоро позавтракав, рассовав по карманам сухари и патроны, они вышли из землянки. Февральское небо усыпано мириадами звезд. Легкий южный ветерок ласкал лицо. День предвещал быть ясным.

Впереди широко шагал Петроченко, со звоном ломая покрывший дно траншеи ледок. За ним, еле поспевая, по-ребячьи подпрыгивая, шла Смирнова.

У разветвления траншеи они расстались. Шура пошла к железнодорожной насыпи. Снайперская ячейка — почти у самых

проволочных заграждений.

В легкой молочной дымке проявились очертания предметов. Впереди показались опутанные колючей проволокой рогатки. Недалеко завалился набок подбитый танк. В предутренней дымке он походил на диковинное животное.

Шура терпеливо ждала, не сводя глаз с гитлеровской траншеи. Мелькнул один, за ним другой гитлеровец. Спустя несколько минут торопливо проскочили еще несколько фашистов.

От напряжения и неподвижности затекли ноги. По телу потянуло неприятным холодком. Над головой с шелестящим свистом пролетели в сторону Ленинграда снаряды.

«Сволочи! По городу бьют…» — подумала Шура.

Мысли ползли одна за другой. Вспомнила родной Ленинград. Сугробистые улицы. Скелеты обгоревших зданий. Одиноких прохожих, еле передвигавших ноги.

Лицо Шуры стало не по-девичьи суровым. Каждая черточка отражала напряжение, какое бывает у бойца перед схваткой с врагом.

Завтрак у гитлеровцев кончился. Затрещали пулеметы, автоматы. С воем пролетали и падали невдалеке мины, вздымая черные фонтаны земли и торфа.

Фашисты осмелели, перебегали в рост. Самый раз подловить зазевавшегося. Но Шура терпеливо ждала. Наконец в линзе оптического прицела появился долговязый гитлеровец в фуражке с высокой тульей. Видно, офицер. Он пытался прикурить. Но ветер задувал огонь. Фашист остановился. Грудь его совпадала с острием вертикальной нити прицела. Сухо щелкнул выстрел. Винтовка толкнула в плечо и дернулась вверх. Но все же Шура успела в светлом круге прицела заметить, как гитлеровец неестественно качнулся и, словно надломленный, повалился…

Из траншеи, где чернел танк, треснул ответный выстрел. «Ти-у-у-у», — пропела пуля, взметнув возле самой амбразуры снежную пыль, и рикошетом пролетела дальше. Шура инстинктивно пригнулась…

— Ага, заметил, — прошептала она. Взглядом ощупала каждый вершок переднего края немецкой обороны. Все было, как и вчера, и позавчера. «Может быть, случайная пуля летела? — подумала Шура. — Надо проверить».

Нагнулась. Взяла старую простреленную каску, надела ее на палку и чуть-чуть подняла.

Снайпер молчал. «Приманка» не помогла. Шура продолжала наблюдать.

«А что, если еще раз показать. Он где-то здесь должен быть», — не оставляла ее мысль. И снова высунула каску.

И снова гитлеровец промолчал.

Испытывалась выдержка, характер двух снайперов.

Шура еще раз показала каску. Затем медленно понесла ее по траншее (вроде бы солдат уходил). Фашист не выдержал. Раздался выстрел. Пуля со свистом стукнула в каску.

Увидеть, откуда последовал выстрел, Смирнова не успела. Но все же по звуку она определила направление выстрела.

«Эх, если бы Иван наблюдал!..» — подумала Шура.

Шура переползла в соседнюю ячейку. Быстро приспособила ее к стрельбе. Через оптический прицел предметы казались яснее и ближе.

Что-то блеснуло левее танка. Наметанный глаз Шуры уловил это движение. Гитлеровский снайпер случайно обнаружил себя. Теперь она внимательно следила за фашистом. Одетый в белоснежный маскхалат, снайпер почти незаметен на чистом, поблескивающем хрустальной гладью снегу.

От волнения на кончике носа выступили капельки пота. Шура стиснула зубы.

«Спокойно… Спокойно, Шура. Не торопись. Это он…»

Она скорее угадала, чем увидела лицо фашиста. На мгновение замерла. Кажется, даже сердце перестало биться. Плавно повела спусковой крючок. Выстрел!

Фашистский снайпер чуть приподнялся и рухнул.

Забыв про осторожность, Шура высунулась из ячейки. Все внимание было приковано к танку.

Вдруг в правое плечо словно кто камнем стукнул. Зеленые, желтые круги заходили перед глазами. Мрак черной стеной задвинул голубое небо.

Очнулась, когда почувствовала во рту обжигающую жидкость. Зубы неприятно постукивали о горлышко алюминиевой фляги.

— Жива!.. Вот напугала меня. Я-то думал ухлопали тебя…

Шура еле поняла, что это Петроченко. И, слабо улыбаясь, шепнула ему:

— А все же я его подбила…

Это был сорок шестой уничтоженный ею фашист.

Минуло много лет. Время стерло следы войны. Заросли окопы. Поднялись из руин города и села. Давно вернулись фронтовики к мирному труду.

Снова взяла кисть художница Рая Зенькова. В родном городе Ленина живут и трудятся Вера Лебедева, Наташа Тимкина, Александра Соколова…

Но не все боевые подруги вернулись к любимому делу. Многие геройски пали на полях сражений. Нет среди нас и Шуры

Смирновой, замечательного снайпера, отважно сражавшегося с врагом.

Но память о ней жива. А если человек живет в памяти народа, он жив, он шагает рядом с нами.

А. Вятский
ВОЛЖАНКА

Старая женщина держала в руках фотокарточку круглолицей девушки.

— Только вы мне это фото обязательно верните… Другого нет.

Секретарь райкома комсомола успокоил ее:

— Обязательно! Переснимем и вернем… А подпишем так: «Партизанка Нина Ляпина».

Однажды вечером я сидел в квартире матери Нины — Любови Васильевны Ляпиной. Передо мной стояла большая деревянная шкатулка со школьными тетрадями, документами, письмами Нины и ее боевых друзей И среди них вот это:

> «Дорогие родители Нины — Дмитрий Емельянович и Любовь Васильевна! Просим прощения за то, что так долго не писали вам. Были в дальнем рейде. В глубоком тылу врага. С болью и горечью в сердце сообщаем вам черную весть о гибели вашей дочери Нины Ляпиной. Смерть вырвала ее из рядов народных мстителей. Но мы не забудем ее. Она любила жизнь и Родину. Была замечательной коммунисткой и бесстрашной партизанкой. Похоронили ее с воинскими почестями в районе Старой Гуты. Надеемся, что вы стойко перенесете горе. Помните, что бойцы и командиры Путивльского отряда в этот час с вами. Мужайтесь! А мы будем мстить за вашу дочь. Мстить страшной, небывалой местью!
>
> *Командир группы партизанских отрядов Сумской области С. А. Ковпак,*
>
> *комиссар С. В. Руднев,*
>
> *начальник штаба Г. Я. Базыма».*

Долго мы разговаривали с Любовью Васильевной в тот вечер. И вот что я узнал.

Перед войной Нина окончила медицинский техникум и работала в одной из куйбышевских клиник. А в июле 1941 года эшелон увозил военфельдшера Ляпину на фронт.

Каждое ее письмо из действующей армии домой начиналось

со слов: «Смерть фашистским оккупантам!» Она скупо сообщала о боях, которые вел ее 275-й стрелковый полк 117-й стрелковой дивизии. Но с конца октября почтальон перестал приносить в дом номер два по Ярмарочной улице маленькие белые треугольные конверты. Наступили томительные дни, недели и месяцы ожидания. Красные от слез глаза матери. Нарочитая, деланная бодрость отца: «Ничего, найдется…» Тревожные письма друзей и подруг: где Нина?

В апреле сорок второго пришла долгожданная весточка. Нина писала:

> «Я жива и здорова. С 5 марта в Путивльском партизанском отряде. У Ковпака. Может, слышали про такого? О том, что случилось, где была, что делала, писать рано. Вот кончится война, встретимся — все расскажу. Пережила и перевидала такое, что меня теперь ничем не испугаешь…»

Снова поток добрых писем. И наконец последнее, за подписью Ковпака. Так и лежат они, эти письма, в материнской шкатулке.

Я решил разыскать боевых товарищей Нины и узнать от них все об отважной партизанке.

Тогда-то я и отправился на Украину. Рассказы бывшего командира 4-й оперативной группы Павла Степановича Пятышкина, секретаря партбюро этой группы Дмитрия Наумовича Криушенко, начальника штаба соединения Григория Яковлевича Базымы, письма секретаря парткомиссии Якова Григорьевича Панина и многих других помогли восстановить партизанскую биографию Ляпиной.

…Когда Нина попала к партизанам, ее определили в лесной лазарет. Жизнь этого глубоко запрятанного, надежно защищенного госпиталя была куда спокойнее, чем жизнь партизанских отрядов. Принимали раненых, ставили их на ноги, отправляли в действующие подразделения. А партизаны тем временем ходили в рейды, брали стремительными налетами города и села, подвергая себя ежедневно смертельной опасности.

И Ляпина пошла к Ковпаку…

— Сидор Артемьевич, переведите меня в оперативную группу.

Командир зажал в кулак острую седенькую бородку.

Нахмурился.

— Сиди в лазарете. И без того каждый день хороним товарищей. Не пущу.

Нина не уступала:

— Я пришла к партизанам, Сидор Артемьевич, не отсиживаться в землянке. Я не просто фельдшер, а военфельдшер.

Понимаете? Военный фельдшер…

Она добилась своего. Ее назначили в 4-ю оперативную группу, которой командовал Павел Пятышкин. Это было одно из самых лихих и заслуженных подразделений.

Нина Ляпина.

Уходили партизаны от своей базы на многие десятки и сотни километров. И всюду рядом с мужественными патриотами шла маленькая храбрая волжанка с санитарной сумкой и пистолетом на боку. Надо было стрелять — она стреляла. Надо было идти в разведку — шла. Надо было вытаскивать из-под огня раненых и перевязывать их — вытаскивала и перевязывала. Особенно отличилась Нина Ляпина в боях за Старую Шарповку, Новую Слободу и Старую Гуту. Командование соединения несколько раз представляло ее к правительственным наградам.

Здесь, в отряде, нашла Нина Ляпина и свою любовь. Голубоглазый лейтенант Саша Тураев, отчаянно смелый в бою командир, страшно робел перед круглолицей красавицей. И как знать: не забудь он в Нининой землянке тетради со стихами, посвященными ей, любимой, может быть, и не сыграли бы

веселой партизанской свадьбы в сумском лесу.

Они воевали вместе. В одной оперативной группе. И погибли вместе. В одном бою.

2 октября 1942 года в Брянских лесах, в день, когда Ковпак отдал приказ о подготовке к большому рейду по Киевщине и Житомирщине, Нина стала членом Коммунистической партии.

А через два дня был бой за Голубовку, где засел большой, хорошо укрепившийся вражеский гарнизон.

Александр вел свой взвод к позиции немецких легких минометов. Оставалось каких-нибудь несколько десятков метров. И вдруг из тщательно замаскированного, не засеченного разведкой дзота хлестнула огненная струя свинца. Она сразила молодого командира.

На этом же участке наступления, буквально под носом у противника, в неглубокой лощине жена Тураева военфельдшер Нина Ляпина развернула перевязочный пункт.

Фашисты сопротивлялись отчаянно. Раненых было много. Нина не раз ползком подбиралась к самому краю вражеской обороны и выносила из-под огня истекавших кровью партизан.

…Мина взорвалась около раненых. Несколько человек было убито, Нина — смертельно ранена. Она не теряла сознания до самого конца. А он наступил все-таки раньше, чем успели довезти ее до лесного лазарета.

Так погибла Нина. Ее короткая боевая жизнь была у меня перед глазами. Неизвестным оставалось одно: где она находилась, что делала с конца сентября 1941 по март 1942 года?

И тут я вспомнил одно письмо, хранившееся в деревянной шкатулке Любови Васильевны Ляпиной. Написано оно было неокрепшим, мальчишеским почерком:

> «Пишет вам партизан Николай Федорович Хабоко, Нина была для меня все равно что родная сестра. Она бежала от фашистов и спряталась в нашем доме. За это они расстреляли моего отца. Мы с Ниной дождались Ковпака и пошли к нему. Нина у вас настоящая героиня. Если бы вы знали, какой подвиг она совершила! Если разрешите, я приеду к вам после войны и буду считать вас отцом и матерью. Буду за вами ухаживать. Вот тогда все и расскажу…»

Однако Николай Хабоко так и не смог приехать после окончания войны в Куйбышев. И я решил разыскать его или других людей, знавших о том, что делала Нина в тылу врага долгих пять месяцев.

И снова поиски, встречи с бывшими партизанами, жителями

Ямполя. Наш народ умеет хранить память о героях и героинях, об их подвигах. А то, что сделала Нина Ляпина, и ее украинские друзья и подруги, иначе и не назовешь, как подвигом.

В конце сентября 1941 года в районе Ямполя, на Сумщине, немцы отрезали 275-й полк от соседних частей дивизии и начали изматывать его непрерывными атаками с воздуха и земли. Кольцо окружения становилось все плотнее. Командир полка принял решение прорываться к своим разрозненными группами одновременно в разных направлениях. Легкораненых можно взять с собой. Но как быть с двадцатью ранеными, которые не могут двигаться?

Вечером, за несколько часов до сигнала к прорыву, командиры собрались на совещание. На него пригласили военфельдшера Нину Ляпину и никому не известного худого высокого человека в штатском. Командир полка представил его: бывший агроном колхоза имени Ленина Никита Иванович Дарико. Больной туберкулезом, с наполовину сгоревшими легкими, он не смог уйти из Гремячки. Дарико предложил командованию полка план размещения раненых по окрестным селам и хуторам.

Особых подозрений у фашистов вызвать Дарико не мог, так как в последние годы из-за болезни отошел от активной работы. Нина Ляпина была оставлена с ним для лечения раненых.

Дарико, худой, с лихорадочным румянцем на щеках, покашливал в костлявый кулак, ласково смотрел на фельдшера большими синими глазами и говорил:

— Ничего, Нина Дмитриевна! Все будет в порядке. Запомните, вы моя племянница из города… Приехали за больным дядей поухаживать, да и в торговлишке ему помочь… Ясно?

В ночь перед прорывом Дарико привел на свой двор саперов. Несколько часов работы, и две ямы, вырытые для укрытия от бомбежек, превратились в удобные, вместительные землянки. Сюда поместили тех, кого нельзя было перевозить. Таких набралось человек двенадцать. Саперы, прежде чем уйти, позаботились о том, чтобы не оставить никаких следов своего пребывания на усадьбе Дарико. Она стала главной базой подпольного народного госпиталя, развернутого вблизи Ямполя. Часть раненых развезли по хуторам. В Турановке приняла раненых старая колхозница Акулина Авдеевна Осенко. В Окопе раненых прятала Федора Григорьевна Кравченко. В Олине — Василий Никитич Пушко.

Несколько дней и ночей не смыкала глаз Нина. Измучилась. Извелась. Медикаментов мало. Бинтов не хватает. Из имущества

полковой медсанчасти почти ничего спасти не удалось. Вместо йода раны приходилось заливать соком, выжатым из стеблей чистотела. На бинты шли прокипяченные старые женские платья и юбки.

Помощниц у Нины поначалу не было. Раненые метались в жару, просили пить, скрежетали зубами от боли. Делала перевязки, кормила красноармейцев, поила их лекарствами и… дрожала. Дрожала не столько за свою судьбу, сколько за них, своих больных.

Дарико и те, кто были связаны с ним, изумлялись: как переменилась Нина за несколько дней. Из робкого и застенчивого военфельдшера, стеснявшегося даже своего воинского звания, она превратилась в строгого, требовательного и даже придирчивого начальника подпольного госпиталя.

Однажды, протянув внушительный список, голосом, не допускающим возражения, она сказала Дарико:

— Никита Иванович, какой угодно ценой надо достать вот эти лекарства и инструменты.

Аптек, в которых можно было купить медикаменты, не существовало. И все-таки Никита Иванович достал необходимое. Он съездил в Ямполь. Связался со знакомым аптекарем. Каким-то образом купил у гитлеровских санитарных чиновников несколько банок йода и консервированной крови. Кое-что дало и аккуратное ночное «обследование» гремяченского медицинского пункта, в котором по приказанию старосты лечились только полицейские и члены их семей.

О питании раненых заботились вместе — Дарико и Ляпина. Никита Иванович отобрал у Нины ее военную форму и дал ей аккуратное зимнее пальто, достал валенки, ушанку. В этом облачении Нина выглядела совсем как девочка-подросток и не привлекала ничьего внимания.

С утра Дарико запрягал в кошевку лошадь, брал с собой «племянницу» и трогался в путь. В глазах гремяченского старосты и полицаев это была безобидная операция натурального обмена. Торговец выменивал у населения на мыло и гвозди яйца, шерсть, пух, некрашеный холст. Потом все это отвозил в город. Оттуда снова вез в село промтовары, а для «господ полицаев» порой прихватывал у знакомого аптекаря баночку-другую спирта.

Только двоих раненых не удалось спасти. Умерли от гангрены. Остальных Нина выходила, поставила на ноги. Нет, не одна, конечно! Если бы на помощь не пришли колхозники, если бы они не дежурили у постелей раненых, если бы не кормили их с ложечки, не давали бы по часам прописанные «маленьким доктором Ниной» лекарства, кто знает, каким бы был счет

спасенных. Особенно заботилась о восстановлении здоровья советских воинов звеньевая колхоза имени Ленина Вера Волк, перед самой войной награжденная орденом «Знак Почета», и секретарь комсомольской организации Марина Штанюк. Они не только целыми днями просиживали у постелей раненых. В избе Веры был замурован в русскую печь приемник. По ночам подруги слушали Москву, запоминали сводки Информбюро, а на следующий день пересказывали их воинам, для которых услышать голос столицы даже в пересказе было целительнее всякого лекарства.

Выздоровевших Никита Иванович уводил в Ямпольский партизанский отряд имени Ворошилова, командиром которого был чекист Гнибеда, комиссаром — бывший секретарь райкома партии Красняк. Партизаны в свою очередь переправляли выздоровевших бойцов и командиров к линии фронта.

Так ушли к фронту оправившиеся от контузий старший лейтенант Дмитрий Плотников, сержант Помазаев, рядовой Иван Хомченко. Фамилии остальных и их имена не сохранились.

Это были мужественные и сильные характером люди, но редкий из них, расставаясь с маленькой черноглазой женщиной, не смахивал со щеки непрошеную слезу.

…К партизанам переправили последнего выздоровевшего бойца. Нина решила перебраться в партизанский отряд. Вместе с Дарико она отправилась в последнюю «торговую экспедицию», чтобы раздобыть продукты и медикаменты, необходимые партизанам. Тут-то и случилась беда.

В одном хуторе Дарико, оставив Нину в санях на улице, зашел в дом. Учуяв запах заячьих тушек, спрятанных под соломой, чья-то изголодавшаяся собака прыгнула в сани. Нина не смогла с ней справиться. Тушки и коробки, вывернутые собачьей мордой, полетели в снег. Нина бросилась подбирать раскатившиеся свертки. Только бы никто не увидел!

На беду, появился старший полицай — бывший уголовник, выпущенный немцами из тюрьмы.

— Что это вы, милая барышня, товары разбрасываете? — игриво обратился он к Нине, ударив носком тяжелого сапога собаку.

Нина, успевшая уже спрятать коробки и банки, зло ответила:

— От большевиков вы нас спасли, а вот от собак житья нет…

Полицай захохотал. Шутка ему понравилась. Он перестал смеяться только тогда, когда сани «торговца» исчезли из виду. Тут он увидел стеклянную банку. В полицейском участке определили: в банке консервированная кровь.

Нина хватилась потери еще в дороге. Никита Иванович

выскочил из саней.

— Запомни… Воздвиженка… Федор Хабоко… Третий дом от леса. Отдашь ему вот это… — И он сунул в руку Нины записку. — Доедешь до развилки. Лошадь стегнешь и пустишь по левой, а сама по правой пойдешь…

— А как же вы, Никита Иванович?

— Давай, давай, поторапливайся. Я, может, еще вывернусь…

Но вывернуться Дарико не удалось. Фашисты схватили не только его, но и Веру Волк. На следующее утро их повесили на сельской площади. Чуть позже взяли и Марину Штанюк. Ее расстреляли.

…Все дороги были перекрыты. Правда, лошадь, пущенная Ниной по другой дороге, сбила преследователей с толку. Но ненадолго. Нашелся предатель в хуторе Воздвиженка. Он заявил, что видел, как юркнула в избу Хабоко маленькая женская фигурка.

Фашисты перевернули в доме все, что можно было перевернуть. Поднимали каждую половицу, простукивали каждую стенку. Продернули даже через дымоход смятое ведро на веревке. Но никого не обнаружили.

А Нина была рядом. Она лежала под крыльцом — в том единственном месте, куда немцы не догадались заглянуть.

Хозяина дома и почти всю его семью арестовали и отправили в гестапо.

Поздним вечером, когда смолкло тарахтение фашистских мотоциклов, Нину окликнул мальчишеский голос:

— Эй, вылазь!

Нина так замерзла, что не могла даже пошевелить рукой. Николай, младший член семьи Хабоко, вытащил ее за рукав пальто из-под крыльца. Нина и Коля Хабоко решили разыскать партизан.

Они вышли из дому. Но пришлось вернуться: поднялась пурга, а в руках ни карты, ни компаса.

Когда вьюга кончилась, ясным морозным мартовским утром со стороны хутора Говорунова послышались пулеметные очереди. Там шел бой.

Благоразумнее всего было бы переждать, посмотреть, чем кончится дело. Но Нина не выдержала:

— Одевайся, Коля.

Меньше чем через час они были уже в штабе Ковпака…

В октябре, когда хоронили Нину, ни в лесу, ни в поле уже не было цветов. Но на могиле лежали венки. Девушки партизанской столицы Старой Гуты срезали все украшения своих подоконников

и отнесли их «маленькому доктору Нине». Прошлым летом, когда я был у могилы партизанки, там лежали венки из просуренков и пролистней — цветов, которые растут только в сумских лесных балках. Приносили их сюда девчонки и мальчишки с красными галстуками на шее, которым учитель однажды сказал:

— Помните и любите ее. Она пришла к нам с Волги и отдала свою жизнь за то, чтобы вы были счастливы!

И помнят, и любят ее на Сумщине! Помнят ее в родном городе, где именем Нины названы одна из улиц и школа, в которой она училась.

Помнят не только Нину. Помнят ее боевого друга Колю Хабоко, погибшего в Карпатах, ее помощников — бесстрашного Никиту Ивановича Дарико, отважных колхозников Веру Волк, Федора Хабоко, Марину Штанюк, помнят и тех, чьих имен мы еще не знаем, как совсем недавно не знали имени Ляпиной.

И. Волк
ПАРТИЗАНСКАЯ «ЕЛОЧКА»

Находясь в служебной командировке в Новозыбкове, я услышала о комсомольцах-партизанах, совершавших героические подвиги во славу Родины. Среди других упоминалось имя девушки из Новозыбкова — Марии Третьяковой. Вторично это имя я встретила в сборнике «Партизанская быль». Герой Советского Союза Г. Артозеев, рассказывая о подвигах белорусских партизан, о замечательном партизанском командире Василии Козлове, упомянул юную разведчицу Марию Третьякову.

Жива ли безвестная героиня? Я решила разыскать Марию. Сейчас она находится в Гомеле, воспитывает сынишку.

Груда бумаг на столе все растет. Мария строчит как автомат. С советского паспорта в немецкий вид на жительство переписываются все данные. Рука устала выводить строчки. Такими странными кажутся родные русские имена, начертанные латинскими буквами.

Мария стучится в кабинет начальника паспортного стола полиции. Тот морщится:

— Опять целая гора. А я хотел пораньше уйти…

Он берет верхний документ, внимательно сверяет немецкую бумажку с советским паспортом. Все правильно. Он подписывает и принимается проверять второй вид на жительство. «Неужели он будет смотреть все паспорта?»

— Я все проверила, — спокойно говорит Мария.

Гитлеровец торопливо подписывает документы.

Мария, взяв бумаги, осторожно закрывает за собою дверь. На секунду она прислоняется к косяку: если бы фашист заглянул в середину этой пачки…

Она запирает стол, сбегает с крыльца и идет по улице, нарядная немецкая служащая в щегольских сапожках, ощущая на себе ненавидящие взгляды прохожих. В этом маленьком городке все знакомы, а с тех пор как она стала работать в полиции, ее, конечно, знает каждый. Давно прошли времена, когда соседки стучались в их дверь, чтобы взять взаймы горсть соли, луковицу или спички… Теперь горожане обходят дом стороной.

Темнота окутывает городок: свет не горит с того дня, как пришли фашисты.

Девушка идет быстро. Но в переулке, торопливо оглядевшись, перелезает через изгородь и останавливается возле низенького

домика. Трижды стучит в окно. Ей отворяет невысокая пожилая женщина и тихо говорит кому-то:

— Выходите!..

Двое мужчин выскакивают из чердачного люка. Женщина, накинув шубейку, выходит за дверь сторожить.

— Задержалась… — говорит девушка и вытаскивает из авоськи плотный пакет. — Тут ровно семнадцать!.. На всех.

Один из мужчин развернул пакет, придвинул поближе чадящий фитилек и прочитал вслух:

— Козлов Василий… Отлично! Это, стало быть, мне. А это тебе. — И он протянул заполненный бланк своему другу.

— Вот мы теперь и с паспортами. А ты продолжай свое дело. Ищи партизан, передай: военнопленные незаметно исчезают из лагеря, скоро будут у вас в лесу.

— Слышала я, — сказала Мария, — учитель один живет на Палмских хуторах. Место тихое: пяток домиков в лесу… Говорят, учитель связан с партизанами. Я отпрошусь завтра, схожу.

Днем идти было просто, а к вечеру завыла метель. Снег слепил глаза, и Мария, проваливаясь в сугробы, еле добрела до маленького домика на опушке леса. Шел второй час ночи. Дверь открыл высокий худощавый человек. Он удивленно приподнял брови, когда девушка, теряя силы, опустилась на пол. Мужчина вгляделся в ее лицо и внезапно нахмурился.

«Узнал. Встречались в полиции», — поняла Мария и сказала:

— Не бойтесь меня. Я партизан ищу…

И девушка рассказала историю, похожую на сказку: она, две ее подруги и двое юношей — бывшие студенты — подобрали в дни боев у городка Новозыбкова семнадцать раненых советских воинов, вылечили их, спрятали. А оружие зарыли.

— Меня командир прислал с партизанами связаться. Наших надо в лес перебросить. Я еще смогу в лагерь пленным паспорта передать. Мне немцы верят.

Учитель думал: «Провокатор? Возможно… О ней говорили: в бургомистрат поступила, потом в полицию». Он спросил сухо:

— Почему немцы доверяют вам?

Мария усмехнулась горько:

— Рекомендация хорошая! С дочкой бургомистра училась. Подружки!..

В голосе девушки, во всем ее облике была неподдельная искренность, и даже этот опытный, осторожный человек почти поверил ей. Но он не мог, конечно, сразу сказать, что тут неподалеку те, кого она ищет. Он заметил уклончиво:

— Пока не слышно о партизанах. Через недельку загляни.

Конечно, это было рискованно с его стороны… Но если там в

самом деле такие нужные люди и оружие.

Через неделю радостная Мария уже докладывала Козлову:

— Ждут! Поверили!

Стояли морозные дни декабря 1941 года. Гитлеровцы выгоняли из лагеря пленных на уборку снега, очистку дорог. Конвоиров не хватало, и никто не замечал, что по двое, по трое пленных в сутки исчезало. Мария успела уже оформить сто видов на жительство и передала их Козлову.

Первая группа в шестьдесят человек ушла в лес под покровом темноты. Потом перебежали еще сорок. Близился день ухода последних вместе с командиром партизанского отряда Василием Козловым. С этими тридцатью отважными людьми должна была уйти в лес и Мария. За два часа до назначенного времени она прибежала к Козлову сияющая: кончается страшная двойная жизнь.

Но Козлов сказал:

— Паспорта, явки нам в городе нужны. Надо остаться, будешь связной…

Партизанский командир молча смотрел на девятнадцатилетнюю девушку, которая, ежеминутно рискуя жизнью, обманывала немцев.

Мария сказала сквозь слезы:

— Возьмите. Себе берегла, — и протянула Козлову два офицерских браунинга.

В шесть часов вечера Мария, как всегда, вышла из полиции. Ей уже некуда было торопиться. На крыльце стояли немецкие офицеры. И вдруг взрывы потрясли город. Вскрикнув, девушка с притворным ужасом глядела в сторону моста, над которым поднялся столб дыма. Потом загорелась водокачка… Еще взрыв.

Фашистам никого не удалось поймать… Партизаны незаметно скрылись. Мария с нетерпением стала ждать того часа, когда ей можно будет прийти в заранее условленное место.

Козлов был не один. Рядом с ним стоял высокий плечистый человек с густой окладистой бородой — начальник разведгруппы пришедшего с Украины партизанского отряда Георгий Сергеевич Артозеев.

— У него дело к тебе, Маруся, — сказал Козлов. — Новому отряду тоже нужны немецкие паспорта.

И Мария обещала принести чистые бланки с подписью начальника паспортного стола.

— Встречаться с нами надо пореже, — предупредил Артозеев. — Заведем почтовые ящики, кличку тебе дадим. Твоего имени никто не должен знать, кроме нас с Козловым. Беречь тебя

надо.

Мария стояла под пушистой елкой, обняв дерево рукой, и молча кивала головой.

— Вот и дадим тебе имя Ель, — неожиданно предложил Козлов, — наша партизанская Елочка.

Стаял снег, зазеленели леса, и густая трава покрыла тропки, ведущие в партизанский лесной городок, где собралось несколько тысяч народных мстителей. Гитлеровцы боялись по вечерам нос высунуть на улицу и удивлялись, откуда партизаны все знают: и о самых секретных операциях, и о явках контрразведки… Чья это работа?.. Они искали, следили. А Артозеев и Козлов почти каждый день вынимали из лесных почтовых ящиков — трухлявого пня, дупла старого дуба — донесения, подписанные коротким словом «Ель».

Хорошо встретили партизаны Новый, 1942 год. В театре, где гитлеровцы устроили вечеринку, разорвалось несколько мин. Погибло много фашистов. Самоотверженность Марии отметили немцы: девушка суетилась, бегала, помогала выносить раненых. А на рассвете Ель бросила в дупло подробное донесение с веселыми комментариями.

Однажды девушка услышала — гитлеровцы ищут советских парашютистов, среди которых есть какой-то молоденький радист. Она решила найти юношу и помочь ему. Целыми вечерами Мария бродила по городу, всматриваясь в подростков. Всех местных она знала в лицо. И вот на одной из улиц она увидела невысокого черноволосого парня, сражавшегося в городки. Ощутив на себе пристальный взгляд, незнакомый паренек сконфузился. Мария подождала, пока он отошел в сторону, и тихонько сказала:

— Ты радист? Не бойся меня…

Через час Мария уже ехала на лошади в лес за хворостом. В кустах ждал ее радист Панков. Рацию они укрыли в заброшенном доме. Решение было найдено неожиданное и смелое. В доме Марии вместе с другими немцами бывал и один шофер. На его легковой машине, которую он оставлял во дворе, была установлена рация. И Мария вместе с Панковым заряжала на немецком автомобиле аккумуляторы. Как-то они передали партизанам важную радиограмму:

> «Завтра на рассвете 24 немецких самолета будут бомбить партизанский городок. Уводите людей. Спасайте партизанское имущество. Ель».

Но вот Мария впервые оказалась на подозрении. Кто-то донес, что она слишком часто исчезает надолго в лес. И хотя не

было у врагов прямых улик, но они поручили гестапо проверить причины отлучек Марии. Девяносто семь дней девушка провела в одиночке. Она вела себя, как настоящая артистка: возмущалась тем, что ей не верят, плакала, ссылалась на свою подружку — дочку бургомистра. Наконец ей сказали:

— Мы выпустим тебя, но ты найдешь нам тех, кто выдает партизанам немецкие планы.

Она согласилась не раздумывая. Согласилась для того, чтобы в новой обстановке попытаться, используя свой опыт, сыграть с врагом двойную игру. Две недели бродила Мария по родному городу, зная, что за ней следят, боясь навлечь новые подозрения. Как-то на базаре ей удалось сунуть записку одному из связных — Степану Богатенко. Ей было радостно: снова она не одна — рядом честные советские люди, без которых она была бы бессильна. Они верят ей несмотря ни на что.

В тот же вечер она пошла в кино вместе с немецкими офицерами. Но во время сеанса сказала своим спутникам, что почувствовала себя нехорошо, и вышла подышать свежим воздухом. Во дворе за поленницей дров был спрятан велосипед. Через несколько минут Мария уже очутилась там, где ее ждал Козлов. Разговор был очень короткий:

— Работай пока на немцев. И держи нас по-прежнему в курсе.

Мария вскочила на машину и снова вернулась в кино.

Через некоторое время Марию вторично арестовали. На этот раз ей, несомненно, грозила жестокая расправа. Но друзья помогли отважной разведчице. С огромным трудом, больная, измученная, добралась она до отряда.

Долгое время подвиги Марии Васильевны Третьяковой, девушки из брянского городка Новозыбков, оставались неизвестными Родине. О самоотверженности и храбрости советской разведчицы знали лишь несколько человек. И вот сейчас эта героиня с лирическим партизанским прозвищем Ель сидит перед нами и рассказывает свою простую и ясную историю.

И. Крестовский
СЕСТРИЧКА

В глубоком раздумье, опершись о гранит единственной левой рукой, стоит на берегу Днепра невысокого роста, с редкой проседью в волосах женщина. Под лучами солнца сверкают на лацкане ее пиджака четыре орденские планки.

Прохожие невольно задерживают на ней свой взгляд. Кто она? Где потеряла руку? В каких жестоких схватках заслужила столько боевых наград? О чем вспоминает эта женщина с простым, открытым лицом?

Мы встретились с ней в уютной квартире на улице Авиации в Киеве и узнали много интересного из ее боевой юности.

Она была лучшей швеей Киевской трикотажной фабрики имени Розы Люксембург. Знали ее и как отменную спортсменку. В начале июня 1941 года она с успехом защищала спортивную честь Киева по гимнастике в городе Ленинграде. Перед девушкой открывался путь в будущее. Но грянула война, и все планы комсомолки Лиды Уваренко рухнули.

В город пришли немцы. Настали мрачные дни оккупации. Кровью обливалось сердце Лиды при виде зверств оголтелых фашистов. И зрело в душе решение: взять оружие, вступить в борьбу с захватчиками. Пыталась связаться с партизанами, но не смогла найти нитей, ведущих к ним. Тогда Лида рискнула перейти линию фронта. На станции Мироновка гитлеровцы задержали ее, бросили в вагон и повезли куда-то под усиленной охраной. Но смелая девушка ночью выпрыгнула из поезда…

Что же было дальше? Летопись донесла до нас события тех дней. В газете «Красная звезда» от 22 декабря 1943 года опубликовала корреспонденция «Чехословацкие воины». В ней описываются бои за освобождение столицы Украины, рассказывается о подвиге славной патриотки.

> «Когда танки Тесаржика вместе с автоматчиками Сохора и Петраса вышли на рубеж Дегтяри — Сырецкие Казармы, их встретила на безлюдной, охваченной пожаром улице украинская девушка. Она бежала им навстречу в стареньком распахнутом пальто. Темно-голубой выцветший платок сполз ей на плечи, волосы растрепались.
>
> — Родные, — сказала она задыхаясь. — Братцы мои!

Только много часов спустя они узнали ее имя. Ее звали Лида Уваренко. В бригаде высоко чтят имя этой девушки, сослужившей большую службу в день штурма. Когда на одном из перекрестков улиц чехи были остановлены сильным огнем немецких пушек и автоматов, Лида Уваренко повела их обходным путем через дворы и переулки… Улицу за улицей отвоевывали чехословаки. В первых рядах с ними шла девушка из Киева».

Лида Уваренко — воин Чехословацкой бригады в СССР.

Она сроднилась с бригадой, которая рука об руку сражалась вместе с советскими воинами. 6 ноября 1943 года, в день освобождения Киева от немецких оккупантов, Лидия Уваренко впервые надела военную форму. Она стала бойцом отдельной Чехословацкой бригады в СССР.

Ожесточенные бои шли под Белой Церковью. Пожелтевшие

газетные страницы тех времен повествуют о том, как плечом к плечу со своими боевыми друзьями — чехословацкими воинами сражалась Лида Уваренко.

> «…Сохор шесть раз подымал своих автоматчиков в контратаки. Был ранен ротмистр Бражина. На рассвете ранило Лиду Уваренко, и она сползла с танка. Бражина повел ее в тыл. Сначала они ползли, а потом поднялись и пошли, поддерживая друг друга. В ту ночь Сохор и Тесаржик уничтожили до двухсот немцев и отбили все их атаки, не дав врагу просочиться в наш тыл.
>
> Мы, — пишет дальше автор, — встретили Сохора и Петраса по дороге в штаб, куда они возвращались из госпиталя, где лежали Бражина и Лида Уваренко. Они говорили о девушке с теплотой и братской нежностью… Они звали ее сеструшкой. Но она была для них больше чем сестра. В этой простой и доброй украинской дивчине как бы воплотилась для них душа России, которую они полюбили крепкой, вечной любовью».

Как же сложилась дальнейшая судьба отважной девушки?

Инвалидом, без правой руки, приехала она в Москву из далекого Омска, где лечилась в госпитале. И не поверила своим глазам, когда ей показали список, в котором она значилась в числе «погибших смертью храбрых».

В Кремле Лидии вручили орден Красной Звезды. Назначили пенсию. Спросили, что думает она делать дальше.

— Только на фронт! Мое место там, — твердо сказала Лида.

Вскоре девушка догнала ушедшую на запад Чехословацкую бригаду и снова влилась в ее ряды. Она стала санитаркой. Лечила бойцов. На поле боя спасала им жизнь, рискуя своей. Ее любили за храбрость, мужество, находчивость.

В тяжелых боях на Дукельском перевале Лидия Уваренко проявила мужество, отвагу. По крутым горным тропам возила раненых на санитарной повозке. Случалось самой вступать в бой с вражеской засадой. И тут в трудную минуту не терялась. Зубами выдергивала предохранительные чеки и левой рукой бросала гранаты в гущу врагов.

Двадцать лет прошло с той поры. Люди, пролившие кровь за общее дело, прошедшие рядом через все испытания, навсегда хранят в сердцах верность друг другу. Из Чехословакии приходят письма.

Л. М. Уваренко на берегу Днепра.

«Милая Лида! На прошлой неделе проводил занятия на местности. Объяснил офицерам, слушателям курсов, Остравскую операцию и невольно вспомнил с благодарностью и о твоем мужестве, неукротимой энергии при спасении раненых, перевозке их в тыл. Ты, героическая санитарка, жива в нашей среде фронтовых друзей.

Крепко на расстоянии жму руку. Твой фронтовой командир и товарищ Сергей Петрас».

В конверте — фотография. На ней знакомые липа: Р. Пешка, В. Бенеш, В. Ясюков, Е. Пешков, Я. Иванцо, Я. Ивасюк, С. Петрас. На обороте надпись:

«На память бывшей сестре-автоматчице отдельной Чехословацкой бригады в СССР храброй Лидии Уваренко. От бывших фронтовых однополчан».

Еще письмо. Оно адресовано в горвоенкомат:

«Просим вручить советской патриотке, храброму

бойцу Л. М. Уваренко».

В небольшой посылочке памятная медаль за освобождение Чехословакии. К восьми наградам, полученным в годы войны, прибавилась еще одна.

А вот письмо, под которым сорок подписей, выведенных детскими ручонками учеников восьмилетней школы города Остравы:

> «Дорогая освободительница нашего города! Пусть мирные усилия Никиты Сергеевича Хрущева принесут счастье людям на земле, пусть война никогда не вернется… Посылаем Вам альбом с видами нашего города, чтобы Вы могли видеть, как он выглядит сегодня. Острава помнит Вас, Лидия».

Лидия Мартиниановна всматривается в фотографию. На гранитном постаменте в парке стоит танк Т-34. На его броне номер 051. Этот танк первым ворвался 30 апреля 1945 года на улицы Остравы. Она помнит командира машины лейтенанта Я. Ивасюка, стрелка-радиста И. Архепюка, сержанта Ванека и ефрейтора Сашу Гроха… Светятся влажные глаза женщины. Памятник-танк, воздвигнутый воинам-героям, напомнил минувшее… Овладевая мостом через реку Остравица, экипаж попал под огонь противотанковой батареи фашистов. Танк загорелся. В числе тех, кто спасал жизнь танкистов, была и киевлянка, медицинская сестра Лидия Уваренко.

Не только Острава знает ее. Ее помнят в украинских селах, Карпатах, в чехословацкой деревне Елени, окрестностях Праги. Помнят на всем протяжении боевого пути, который она начинала много лет назад на склонах Днепра.

…Весенний Днепр бьет волнами о берег. Лидия Уваренко всматривается в даль. Все вокруг родное, близкое, дорогое. Вечно живое чувство любви к Родине, гордости за нее наполняет ее сердце.

У нее свежи в памяти теплые встречи на чехословацкой земле, где она недавно побывала в гостях у своих друзей, встречалась с фронтовиками-однополчанами. На швейной фабрике в городе Нимбурге увидела свою фотографию. Именем Лидии Уваренко швеи назвали свой цех. Работница Ольга Шаткова со слезами на глазах обняла Лидию, взволнованно сказала:

— Чтим вас, дорогая подруга. В нашей новой свободной жизни есть частица и вашей героической борьбы.

В. Соколов
В ЖЕЛЕЗНЫХ НОЧАХ ЛЕНИНГРАДА

Один удар.
Другой удар.
— Квадрат четырнадцать —
Пожар!
Горит Гостиный. В дым угарный,
Неотвратимый, словно долг,
Влетает противопожарный
Ударный комсомольский полк.

М. Дудин

Безгранично коварство злобствующего врага! Поначалу — жестокие многочасовые бомбежки. Но этого фашистам показалось мало. Во время воздушного налета население, услышав сигнал тревоги, успевало укрыться в убежище, принять меры к уменьшению возможных разрушений. И враг переменил тактику. Вместо воздушных стали проводиться артиллерийские налеты. Причем обстрел начинался в вечерние и утренние часы, когда мирные жители выходили на улицы, уезжая и возвращаясь с работы.

Враг неистовствовал, взбешенный невиданным упорством ленинградцев. Однако они и не думали уступать.

Партийная организация города бросила лозунг: «Ленинград — город-фронт. Каждый ленинградец — боец МПВО!» И люди горячо откликнулись на зов партии. Проявляя массовый героизм, высокую бдительность, они непреодолимой стеной встали на пути врага.

…Зине Давыдовой осенью 1943 года исполнилось всего двадцать лет. Но Зина считала, что она уже человек с обширной биографией, многое повидавший на своем веку. У девушки на то были свои причины. Окончив семилетку, она поступила на «Красный треугольник», где в течение полувека трудился ее отец. Здесь вступила в комсомол. А когда началась война, Зина десятки раз бегала в военкомат, просилась, чтобы ее отправили на фронт. Да слишком уж юным был этот доброволец, потому-то военком так и не решился удовлетворить просьбу.

Скрепя сердце приняла девушка «компромиссное» решение:

вступить в сандружину МПВО. Ей не думалось, что и здесь ее беззаветная преданность Родине, горячий патриотизм могут проявиться в полную силу.

Первое время группы самозащиты Ленинского и других районов города много трудились над тем, чтобы как можно быстрее вывезти на Большую землю ленинградских детей, а также раненых защитников города. Целыми сутками вместе со своими подругами хлопотала Зина, доставая транспорт, теплую одежду, устраивая пункты питания. Постепенно Зина поняла, что работа в МПВО очень важна, однако «настоящим» делом продолжала считать ратный труд воинов армии. Такова юность…

Девушка рвалась на фронт, а фронт пришел в город. Зажав Ленинград в смертоносные клещи огня и голода, фашисты повели систематический, изнуряющий артиллерийский обстрел жилых кварталов. Боевой позицией стала каждая улица, каждый дом.

Ночь. Метель и тьма. Пустынны когда-то людные улицы. Будто радуясь простору, ветер со свистом и гудением катится по застывшим камням мостовых, назойливо лезет в переулки, под арки, в подъезды домов…

Сегодня Зина вышла на ночное дежурство. На сборном пункте Давыдову встретили приветливо: ее все любили за бесстрашный и веселый характер. Оказалось, что подруги знали даже о том, что Зине в этот день «стукнуло» целых 20 лет. Командир дружины, уже пожилой врач Маргарита Петровна душевно поздравила именинницу.

В печурке шатается от слабости бледный лепесточек пламени. Дров нет. Пищей огню служат какие-то гнилые тряпки, кусочки осиновой коры. И все же это огонь, иллюзорное ощущение тепла. Не хочется выходить на улицу, где ветер сразу же берет тебя в упругие, знобкие объятия.

Идущая по комнате Маргарита Петровна вдруг припала на колено: кто-то невидимый и могучий вырвал из-под ног половицы. Крупно вздрогнули стены. И лишь несколько мгновений спустя близким громовым ударом втиснулся в уши взрыв.

Дружинницы выскочили наружу. Соседний многоэтажный дом, подсвеченный разрастающимся пожаром, походил на гигантскую незатушенную папиросу: приплюснутая белизна покрытых инеем стен обрывалась в одном конце грудой дымящихся пепельно-серых развалин…

— А ведь там люди! Ох изверги, гады фашистские!

Зина, придерживая рукой бьющую по бедру сумку, глотая жгучие слезы гнева, побежала на помощь раненым. Крики, стоны. Кое-кто уже сам выползал из-под обломков здания. Зина бережно

подхватывала их и, шепча ласковые слова, отводила в сторону.

Прибыла пожарная команда МПВО. И тут все девушки. Но как упорно лезут они в схватку с огнем, отгоняя, давя его грозно шипящими струями воды! И вот уже нет пожара.

— Молодчаги, девушки! — Зина звучно чмокнула юную пожарницу в испачканную сажей щеку.

А те спешили. Обстрел продолжался. Пожары то и дело возникали и в других местах.

— Ко мне!

Это кричит Маргарита Петровна. Дружинницы подбегают к командиру.

— Сборный пункт — там! — показывает врач на теплый, с дверью, тамбур ближнего погреба.

…Зина уже не помнит, сколько человек она отвела и отнесла в этот тамбур, к которому одна за другой подходили автомашины и увозили раненых. Сколько прошло времени? Час? Два? А может, три?

Она смотрит на руки. Они в крови. А где же ногти на двух ее пальцах, и откуда вот эта рана на ладони?

Чуткое ухо улавливает негромкий стон. Заглянула под рухнувшую балку. Там — небольшая щель. Лихорадочно работают руки, отбрасывая камни, разбитый кирпич. Хорошо, теперь можно пролезть в глубь завала. Зина перекинула сумку на спину, втиснула плечи в отрытый проход. Оттолкнулась ногой. И тут же почувствовала, что балка оседает. Протянув вперед руки, девушка нащупала железную скобу. Напрягая последние силы, рванула скобу на себя. Конец балки тотчас опустился, закрыв за нею лаз.

Зина повернула голову направо-налево, осмотрелась. Чуть-чуть светя, тлели головешки. Тонкой иглой в сердце опять проник чей-то тяжелый стон. Увидела: вот он, раненый, совсем рядом, лишь голова его высовывается из груды обломков. Подползла, в пыли и тьме раздирая обо что-то острое руки, откопала человека. Он был почти без памяти, этот подросток, мертвой хваткой утопающего вцепившийся ей в плечо.

— Ничего, милый, потерпи. Ничего, — шептала Зина, с невероятным напряжением таща его к отверстию, прикрытому многопудовой балкой. Толкнула холодное дерево рукой — не поддается. Раненый, до сих пор судорожно державшийся за нее, вдруг обмяк. «Потерял сознание», — догадалась Зина. И тут почувствовала, что и сама задыхается от копоти, пыли и дыма..«Надо позвать на помощь!» Вдохнула поглубже, закричала… Крик ватным комом выкатился из груди и будто застрял в глотке. «Все. Я тоже теряю сознание», — вяло

шевельнулась в распухшем мозгу последняя мысль…

Их так и вытащили из завала, крепко обхвативших друг друга.

Обстрел кончился. Маргарита Петровна велела положить Зину возле печки в дежурке, сама привела ее в чувство. Очнувшись, Зина вопросительно посмотрела в глаза командиру.

— Все в порядке, — улыбнулась Маргарита Петровна. — Он отправлен в госпиталь. Будет жить…

* * *

Катя Хорькова, выйдя на очередное дежурство, неторопливо двигалась по окраинному шоссе. Канавы по бокам его свинцово серели талой водой. «Брр», — взглянув на канаву, невольно поежилась Катя. Смотреть на воду не хотелось: дробный блеск мелкой ряби, зигзагами юлившей по тусклому зеркалу канавы вслед за вихревыми пробежками ветра, отдавался по коже холодной дрожью.

Девушка отвернулась. И сразу вновь кинула взгляд в ту же сторону. Что это за штуки плавают по воде? Подошла поближе, наклонилась. В канаве, подобно бутонам невиданных цветов, плавали снежно-белые алюминиевые шары.

«Что за диковина? — удивилась девушка. — Сейчас осмотрю и, если что-либо подозрительное, побегу сообщить командиру».

Руки тянутся к ближнему шару. Стоп! «Ах, Катя, Катя, — упрекнула себя девушка. — Комсомолка, опытная дружинница, а ведешь ты себя легкомысленно. А вдруг это фашисты набросали?»

Сандружинница Лидия Григорьева перевязывает раненого бойца.

Катя побежала в дежурку. Прибывшие с ней подрывники осторожно вытащили один шар, положили на шоссе. Из шара сразу же вытекла темная жидкость и в то же мгновение самовоспламенилась.

— Хороша «игрушка», — засмеялись подрывники.

Кате Хорьковой за бдительность была объявлена благодарность.

* * *

Ядвига Урбанович с нетерпением ожидала мужа. Он вот-вот должен был приехать в Минск, чтобы здесь, в кругу семьи, провести отпуск. «Наверное, выполняет интересное задание», — не без зависти думала Ядвига. Дело в том, что специальность у обоих была одна и та же — техник-подрывник. Разница была только в том, что муж уже работал, а ей еще не пришлось после окончания техникума на практике попробовать свои силы. А ведь профессия эта, как представлялось Ядвиге, — сплошная романтика…

Наконец от мужа из Ленинграда пришло письмо. Он сообщал,

что на днях выезжает. Ядвига мечтала о том, как они славно отдохнут. Дети на лето устроены хорошо: сынишка Валя находится с детским садом здесь, под Минском, а дочурка Нелли уехала к бабушке на Псковщину.

Ядвига шла и радовалась, радовалась предстоящей встрече с мужем, этому чудесному летнему утру, чистоте июньского неба над головой…

И вдруг — тяжелый, громоподобный раскат, затем другой… Что это? Гроза? Но разве может быть гроза, когда нет тучи? Лишь через несколько мгновений сознание потрясла страшная догадка: это бомбы!

Война. Рушилось все. Прощай встреча с любимым, прощайте дети.

Слух режет сигнал воздушной тревоги. И сразу — рев авиационных моторов, снова взрывы, уже близко, крики людей.

Она бежала домой по дымным, горящим улицам города. Домик, в котором жила Ядвига, казался ей островком, на котором можно найти спасение. Но, приблизившись к дому, Ядвига поняла, что война ворвалась и сюда, в ее жилище. На окнах болтались сорванные взрывами рамы. Под ногами хрустели осколки разбитого стекла.

Настя, сестра мужа, испуганно бегала из комнаты в комнату, связывала узлы. Увидев Ядвигу, она заговорила быстро, взволнованно:

— Надо уходить… Ядвига, пойдем в лес, там спокойно… Переждем…

От близкого взрыва дом зашатался.

— Я побегу к сыну… — крикнула Ядвига и выскочила на улицу. Настя бросилась за ней.

Вот и пригородная дача, где размещался детский сад. Но что это? И здесь настежь раскрыты окна. Вокруг в беспорядке валяется брошенный второпях различный скарб.

— Детишек на машинах увезли туда, — отвечая на вопрос Ядвиги, махнула рукой на восток пожилая женщина.

Слезы заволокли глаза матери. Она тихо, медленно опустилась на траву.

— Что делать?!

Настя тихо сказала:

— Пойдем, Ядвига…

— Куда?

Настя посмотрела в сторону Минска. Посмотрела — и испугалась. В вечерних сумерках над городом зловеще бушевало пламя. Возвращаться туда уже было нельзя.

— Пойдем туда, на восток…

Они слились с толпой беженцев. В дороге у Ядвиги родилась мысль: пробраться в Ленинград, чтобы оттуда поехать в Псков, к бабушке и дочке. Но жизнь рассудила иначе. Прибыв в город на Неве, Ядвига стала его солдатом…

Ядвигу Урбанович послали командиром подрывного взвода МПВО в город Колпино. Начальник МПВО города сказал:

— У вас в подчинении будет двадцать пять человек.

— Ничего, товарищ начальник, справлюсь.

А справиться было нелегко. Во взводе почти все пожилые бойцы. Они недоверчиво смотрели на своего юного командира, а некоторые, не стесняясь, откровенно говорили:

— Вы, Ядвига Петровна, по своей молодости себя погубите и нас…

Урбанович отшучивалась:

— Ничего, зато у нас, у подрывников, самая хорошая смерть: бух! — и не соберешь косточек…

Ядвига ранее уже работала со взрывчаткой. Она, например, знала, как взорвать породу так, чтобы обнажить пласт, как подорвать застрявший под мостом лед, не повредив при этом устоев. Но здесь — снаряды и бомбы… Их надо уметь разряжать так, чтобы не ошибиться.

Но не время было предаваться тревогам. Надо было обучать подчиненных и учиться самой. Ядвига достала специальную литературу и даже ночью читала ее с таким рвением, как раньше в техникуме готовилась к выпускным экзаменам. Она ходила к соседям-артиллеристам, училась и у них.

Пришло и первое боевое испытание. Взвод занимался на стадионе. Вдруг над головой что-то просвистело, совсем близко раздался сильный взрыв, и все увидели на другом конце стадиона огромную воронку. Люди не успели опомниться, как недалеко разорвался второй снаряд.

— В укрытие!

Вот снова донесся глухой сильный удар, но взрыва не последовало.

Обстрел закончился к вечеру. Поле стадиона было сплошь изрыто воронками. Они рваными черными пятнами выделялись на зелени травы.

Невзорвавшийся снаряд лежал у футбольных ворот. Урбанович подошла к нему и метрах в двух остановилась. Подтянулись бойцы, с опаской глядя на металлическую чушку.

— Эту штуку надо убрать, — спокойно сказала Ядвига. — Отойдите в укрытие, а я проверю, какой системы снаряд.

Подождав, когда все уйдут в безопасное место, Ядвига медленно подошла к снаряду. Внешне он казался безобидным

куском металла. Почему он не взорвался? Может быть, заусеница помешала сработать взрывателю? Тогда достаточно легкого прикосновения, и мигом взлетишь на воздух… А может быть, качество взрывчатки плохое?

Ядвига чувствовала, что глаза бойцов с любопытством и тревогой следят за каждым ее движением. Она присела на корточки и, не притрагиваясь к снаряду, стала внимательно его рассматривать. Так… Взрыватель донный. Значит, разрядить снаряд трудно… Урбанович вернулась к бойцам и приказала принести взрывчатку.

— Взорвем. Разряжать нельзя, — объяснила она.

Когда снаряд был взорван, все облегченно вздохнули.

— Ну, вот и состоялось наше первое боевое крещение, — сказала Урбанович.

Враг обстреливал и бомбил город целыми сутками. Казалось, тут не было такого клочка земли, куда не упал бы снаряд или бомба. Урбанович со своим взводом без устали разыскивала неразорвавшиеся бомбы и снаряды, разряжала или подрывала их на особых площадках.

Ядвига по каким-то неуловимым признакам могла разгадать тайны неподвижного, но страшного своей затаенной силой куска металла. Она и сама не могла объяснить, как ей удается это.

Жестокие дни блокады для бойцов МПВО были тяжелы, как и для всех ленинградцев. Взвод колпинских подрывников заметно поредел. Некоторые погибли, а многие ушли на фронт. Пожилой боец Сидоров перед уходом на фронт, прощаясь с Ядвигой, сказал:

— Разрешите, товарищ командир, на прощанье назвать вас доченькой! Многому вы меня научили… И храбрости, и смекалке. Здорово это мне пригодится там, на передовой…

Иногда вечерами, когда Ядвига оставалась наедине с собой, ее одолевало материнское горе. Обливаясь слезами, она думала о сынишке, которого из-под Минска в тот страшный день увезли куда-то с детским садом. Где он теперь, ее Валюша? И что стало с дочуркой? Ведь Псков тоже во власти врага.

Но это обычно продолжалось недолго. У этой молодой женщины был большой характер бойца и гражданина. Напряжением воли она заставляла себя подавлять слезы, чтобы не влиять удручающе на бойцов. Да, для них она всегда была лишь смелым, решительным и требовательным командиром.

А судьба была к ней немилостива. Вскоре пришла весть, что ее муж погиб в боях под Москвой.

Личный состав взвода подрывников обновился полностью. Теперь Ядвига командовала одними девушками. Они долго не

могли привыкнуть к военным порядкам. Боялись подходить к неразорвавшимся снарядам.

Меньше всего, казалось, профессия подрывника подходила Люсе Жилиной. Она не скрывала своего страха даже во время ставшего уже для всех привычным артобстрела. Стоило где-либо прогреметь разрыву, как Жилина бледнела, растерянно смотрела на подруг и спрашивала:

— Опять началось?!

— Нет, еще только начинается, — шутя отвечала Урбанович.

— Ой, пойдемте в убежище, мне страшно!

И она старалась убежать в подвал.

Командиру Жилина нравилась своей правдивостью и простотой. Люся искренне признавалась подругам:

— Трусиха я, девчата, ужасная. Бомб, снарядов — всего боюсь. Они так громко рвутся, что душа в пятки уходит.

— Ничего, привыкнешь. Командир тебя приучит, — отвечали девушки.

И Урбанович научила Люсю владеть собой.

Надо было подорвать неразорвавшийся снаряд. Ядвига взяла с собой Жилину и заставила ее смотреть, как она подкладывает взрывчатку, как зажигает бикфордов шнур. Когда огонь быстро побежал по шнуру, Люся вздрогнула и собралась было бежать, но Урбанович остановила ее:

— Подожди, Жилина, еще успеем.

— Страшно, Ядвига Петровна…

— Ничего, ничего. А теперь пойдем.

И, держа девушку за руку, она не спеша пошла в укрытие. Снаряд как будто ждал, пока они спрячутся. Только после того, как обе оказались вне опасности, раздался оглушительный взрыв.

— Все в порядке. Теперь пойдем посмотрим на нашу работу.

В следующий раз Урбанович поручила Жилиной самой поджечь шнур. У девушки руки дрожали и лицо побелело. Когда шнур зашипел, Люся снова хотела бежать, но Урбанович взяла ее за руку и заставила спокойно пройти в укрытие.

Урбанович водила с собой Жилину и на разрядку снарядов. Это опасное дело Ядвига выполняла уверенно и четко. Она откручивала головку, вынимала запал, показывая девушке, как все это надо делать. Спокойствие командира передавалось и Жилиной.

Жилина менялась на глазах у всех. У нее не было того показного пренебрежения к опасности, которое часто видишь у людей, старающихся бравадой прикрыть свой страх. Урбанович выработала у Люси спокойную, умную смелость, основанную на отличном знании дела. Девушка все больше привыкала к опасной

профессии подрывника и скоро завоевала всеобщее уважение.

Когда Ядвига Петровна получила приказ о переводе на работу в штаб МПВО города Ленинграда, командовать подрывниками стала Людмила Жилина.

Перед отъездом в Ленинград Урбанович прошла по улицам Колпина. Для нее многие дома здесь имели особые приметы. Вон дом без крыши, с обвалившейся стеной. Здесь Ядвига разряжала 250-килограммовую фугаску. У сквера обезвредила несколько снарядов. А вон там…

Навстречу ей шел отряд девушек в серых комбинезонах. За плечами у них были автоматы. А где-то совсем недалеко за городом стучали пулеметы, авторитетно и басовито говорили пушки.

Шла война, шла жестокая битва с лютым врагом, в которой и она, Ядвига Урбанович, честно выполняла свой долг — долг патриота.

«Город спал спокойно…» — под таким заголовком газета «Советская Россия» в 1962 году поместила заметку о взрыве, произведенном на площади Мира в Ленинграде. Днем раньше сообщения об этом событии были напечатаны в ленинградских газетах. В одной из заметок я увидел знакомую фамилию. Пошел в «Ленвзрывпром». Да, это была та самая Ядвига Петровна Урбанович — бывший командир подрывников.

— Я была помощником начальника взрыва по технике безопасности, — рассказала Ядвига Петровна. — Как видите, профессия моя осталась прежней. Правда, теперь она, как говорится, переведена на мирные рельсы.

— А что за взрыв произведен на площади Мира?

— Это взрыв-созидатель. Место подорванного старого здания предназначалось под вестибюль станции метро. Подрывники блеснули высоким мастерством. Ведь вокруг площади — витрины магазинов, окна жилых домов. Однако ничто не пострадало. В шурфы, искусно пробитые в разных местах старого здания, было заложено около тысячи килограммов взрывчатки. Взрыв произвели в два часа ночи. Лишь несколько кирпичей упало на мостовую. Здание почти бесшумно осело, превратившись в груду кирпича и камня.

— Ядвига Петровна, а что стало с Люсей Жилиной?

— Люся так и осталась в Колпине. Вышла замуж. Сейчас она работает там на одном из заводов. У нее двое детей.

Кстати, теперь Ядвига Петровна уже не техник, а инженер. После войны она окончила горный институт.

Г. Лиходиевская
МОСКВИЧКИ

Однажды, просматривая семейный фотоальбом своей подруги, я обратила внимание на несколько необычный снимок. В густом сосновом лесу, склонившись над наборными кассами, работали три девушки. Снимок, видимо, был очень давний, так как пожелтел от времени. Я попросила подругу рассказать, кто эти девушки. Оказывается, это были наборщицы армейской газеты, выпускницы комбината «Правды». И я решила написать об этих девушках, средствами печати помогавших нашим воинам громить врага.

В летописи великой битвы советского народа за честь, свободу и независимость своей Родины день 5 декабря 1941 года знаменует собою начало разгрома гитлеровских оккупантов под Москвой. А в жизни выпускниц школы наборщиков комбината «Правды» Зины Хандриковой, Марины Бруз и Маши Ершовой этот морозный декабрьский день остался в памяти на долгие годы, как день их боевого крещения.

Утром три подружки и не думали о том, что через несколько часов они будут шагать в запорошенном снегом прифронтовом лесу, стоять у наборных касс и под аккомпанемент орудийных залпов и завывание авиационных моторов привычными движениями составлять из отдельных букв огненные слова, фразы, повествующие о мужестве и героизме их отцов и братьев, друзей и любимых, призывающие на смертный бой во имя любимой Москвы, матери-Отчизны.

Дружный боевой коллектив газеты 43-й армии «Защитник Отечества» гостеприимно, ласково принял «молодое пополнение». И не беда, что первое знакомство состоялось не во Дворце культуры «Правды», а в сырой и неуютной землянке, при тусклом свете самодельной коптилки, и не за пышным столом, а за котелком супа из походной солдатской кухни. Все же это была настоящая торжественная встреча. О ней и сейчас подруги вспоминают со всеми подробностями.

— Не успели как следует осмотреться, — рассказывает Марина Борисовна, — как в нашу землянку пришло сразу несколько офицеров-журналистов. Конечно, не интервью брать у нас, а знакомиться. Они думали, что мы испугаемся фронтовой обстановки и убежим домой. Самый молодой из них, Миша Макухин, отрекомендовался холостяком и весь вечер просидел около Маши, рассказывая ей фронтовые были, личные

происшествия. А секретарь партийной организации Георгий Петрович Щербаков пришел с баяном и старательно наигрывал мелодии фронтовых песен, задорную танцевальную музыку.

Так мы и просидели бы допоздна, если бы не помешал экстренный случай. В землянку вошел редактор Николай Семенович Потапов и, выждав несколько минут, пока закончит читать свои фронтовые стихи Сергей Баренц, поведал, что Военный совет армии обратился к войскам с призывом усилить наступательный порыв, беспощадно громить оккупантов, не давать им ни минуты передышки. В заключение он сказал, что придется выпускать специальный номер газеты, до утра отпечатать его и отправить в войска.

На этом и закончилась первая встреча. Через несколько минут девушки были уже в фургоне и внимательно набирали материал для экстренного номера газеты.

Первая самостоятельная работа! Сколько радостей, а порой и огорчений принесет она! Какой след оставит в душе девушек вот эта проба сил? Выдержат ли они этот трудный экзамен на аттестат фронтового наборщика или смалодушничают, а может быть, и струсят и, пока недалеко от Москвы, махнут на попутных машинах домой? Ведь они же не бойцы и не мобилизованные на фронт, а добровольно согласились, вернее, напросились работать наборщиками армейской газеты.

В эту ночь многие редакционные работники не отдыхали. В землянках и машинах готовились материалы, составлялись макеты, подбирались снимки для очередного номера. На рассвете начнется прорыв укрепленной полосы противника, и к этому времени армейская газета, вместе с минами и снарядами, патронами и гранатами, должна быть доставлена в роты и взводы, отделения и расчеты, экипажи и блиндажи.

У наборной машины, где над россыпью свинцовых букв склонились три подруги, то и дело появлялись «таинственные» фигуры. Одни, кому не удалось увидеть московское пополнение в землянке, приходили сюда, чтобы одним глазом через узкую щель взглянуть на москвичек, другие подносили все новые и новые материалы, а кое-кто, не скрывая своей душевной тревоги, заглядывал в машину, чтобы подбодрить уставших девушек.

Длинная декабрьская ночь еще висела над притихшим лесом, а у печатной машины уже засуетились люди. Где-то под землей зафыркал движок, и по толстым подвешенным проводам побежал электрический ток. Он достиг конечной точки, качнул объемистое колесо печатной машины. Медленно завертелись застывшие шестеренки, и по колонкам набора пробежали мягкие валики. Зашумевшая машина плавно потянула из рук печатника чистые

листы газетной бумаги. Прошли первые секунды, и на противоположном конце чьи-то ловкие руки подхватили еще липкую, пахнущую краской газету. За ней показалась вторая, третья…

Как никогда усталые, с воспаленными веками, измазанные краской, возвращались москвички к себе в землянку. Они шли молча, пугливо всматриваясь в каждый снежный холм, в каждый развесистый куст, словно пробирались в тыл противника. В эти минуты, наверное, вспоминалась им предрассветная Москва, когда они по заснеженным улицам бежали на комбинат, где их ждали светлые и уютные цехи, подружки, старшие товарищи, где людской поток уносил из молодых девичьих сердец грусть и тревогу, навеянные войной.

Но вот где-то орудийный залп потряс морозный воздух и гулким эхом прокатился по вековому бору. Девушки вздрогнули, тут же остановились и тревожным взглядом посмотрели друг на друга.

— Это вам не Москва, — шутливо заметил солдат в замасленном полушубке. По его внешнему виду нетрудно было догадаться, что это видавший виды шофер редакционной машины. И девушки весело переглянулись: как ни говорите, свой человек рядом.

Но когда за первым залпом сотни, а может быть, и тысячи мощных орудийных жерл выбросили на головы непрошеных гостей тонны смертоносного металла и над молчаливым лесом с шумом и звоном пронеслись краснозвездные бомбардировщики, лица девушек озарились улыбкой. От одной мысли, что их труд, отданный в эту бессонную ночь, вольется в общий поток всенародной борьбы с коварным и лютым врагом и приблизит светлый день нашей победы, стало радостно на душе.

Суровая, тревожная фронтовая обстановка закаляла волю и характер москвичек. Прошло немного времени, и они стали совершенно неузнаваемы. Легко переносили тяготы походной жизни, умело приспосабливались к местным условиям. В теплый солнечный день они мигом разворачивали наборный цех в лесу под ветками игривой рябины или векового дуба. Свыклись с форменным обмундированием, с кирзовыми сапогами, с солдатской кухней. А выдавались свободные минуты, заботливые девушки костер разведут, воды нагреют, стирку организуют или сбегают на опушку и котелок земляники принесут, корзинку грибов соберут и суп сварят, ребят угостят.

В часы отдыха любили москвички потанцевать, спеть задушевную песню. Бывало, организуют самодеятельность, привлекут для участия в ней даже тех, кто сроду не танцевал, не

пел. Смотришь, и застенчивый, угрюмый повар или печатник такого откаблучит раскамаринского, что хоть в красноармейский ансамбль его отправляй.

Мечтали девушки побывать на самом переднем крае, там, где рвутся снаряды и мины, где свистят пули, где можно поймать на мушку хитрого зверя в зеленом мундире.

— Когда же возьмете нас с собой? — не раз приставали они к журналистам, отправляющимся в передовые части.

И такой случай подвернулся. В тот день, когда не выходила газета, редактор разрешил Зине, Марине и Маше выехать с группой журналистов в один из полков гвардейской дивизии.

Сколько тревожных и волнующих минут пережили девушки в этот день! Своими глазами они увидели, как наши бесстрашные воины огнем и гусеницами сметали с земли русской чужеземных захватчиков, как бронированные «Илы», прозванные немцами «черной смертью», утюжили окопы противника, как советская гвардия выкуривала из уцелевших дзотов обезумевших гитлеровцев. И пусть они не были среди наступающих цепей наших войск, и не вели автоматного огня — все же чувствовали пульс настоящей войны, о которой знали из тех материалов, которые своими руками набирали в походной типографии. И каждой из них хотелось еще лучше работать на ответственном участке идеологического фронта, помогать родной партии вдохновлять воинов на окончательный разгром немецко-фашистских оккупантов. Они гордились тем, что коллектив комбината «Правды» послал их на передний край Великой Отечественной войны. И они всеми силами старались оправдать это высокое доверие.

— Мне вспоминается, — рассказывает Зинаида Гавриловна, — такой случай. Наша армия перебазировалась с Западного фронта на Калининский. Двигались в железнодорожных эшелонах. На станцию Западная Двина редакция прибыла первой. Только успели выгрузиться и отогнать машины в сосновую рощу, как на станцию напала вражеская авиация. Как ни старались наши зенитчики не допустить стервятников к станции, все же нескольким самолетам удалось сбросить бомбы. Станцию заволокло дымом, вздыбилась земля, затрещали вагоны, показались огненные языки.

За несколько месяцев фронтовой жизни москвички впервые попали в такой переплет. И ни одна из них не дрогнула, не побежала прятаться в кусты. Не успели еще разорваться последние бомбы, как они бросились на станцию спасать людей. Вместе с бойцами и командирами вытащили из завалов несколько тяжело раненных воинов и оказали им первую медицинскую

помощь. И только когда все пострадавшие были эвакуированы в полевой госпиталь, девушки вернулись в сосновую рощу, где находились машины редакции.

А сколько раз приходилось Зине, Марине и Маше находиться под артиллерийскими обстрелами и бомбежками, спасать из пылающей машины шрифт и оборудование, выпускать специальные листки в боевых порядках наступающих войск и под огнем противника на себе доставлять увесистые пачки газет атакующим бойцам. Когда же обстановка заставляла сменить верстатку на винтовку, наборщицы армейской газеты считали своим священным долгом с оружием в руках защищать родную землю.

…Этот случай произошел на литовской земле. Наши войска стремительно продвигались на запад, окружая и уничтожая большие группировки противника. Спасаясь от возмездия, гитлеровцы в панике разбегались по лесам, стремясь любой ценой прорваться из окружения. По ночам, как голодные волки, выходили они из лесу, нападали на мирных жителей, грабили, запасались продуктами и снова прятались, надеясь, что бесноватый фюрер все же выручит их из западни. Были случаи, когда отдельные группы окруженных гитлеровцев нападали на мелкие подразделения и тыловые хозяйства наших войск. Такая обстановка заставляла и на освобожденной земле всегда быть готовыми к отражению внезапных налетов противника.

Ежедневный выпуск газеты требовал оперативных материалов непосредственно с переднего края. Поэтому бóльшая часть сотрудников находилась в наступающих частях. На основной базе оставались шоферы, наборщики, печатники, корректоры, машинистки, два-три журналиста да несколько солдат из армейского заградительного отряда, приданных редакции для несения караульной службы. Вот такими силами нужно было выпускать газету, нести охрану и быть готовыми к любым неожиданностям. А редакции зачастую приходилось располагаться на хуторах, в рощах, небольших селениях, в отрыве от второго эшелона штаба армии.

Как-то к вечеру редакция прибыла на один из хуторов. Тщательно замаскировав машины, люди сразу приступили к выпуску очередного номера. К утру газета должна поступить в наступающие части. Девушки быстро развернули наборный цех. За два с лишним года работы на фронте они научились ценить каждую минуту, в совершенстве овладели наборным делом. И про боевую подготовку не забывали. В свободные минуты уходили в овраг или к крутой балке и устраивали соревнования в стрельбе из винтовки по фигурной мишени. Научились они и метко

бросать гранаты, вести огонь из автомата, ручного пулемета. Словом, мастерски овладели всеми видами оружия, которым располагала редакция. Этого требовала фронтовая обстановка.

…Вечерние сумерки окутали землю. В низинах поднялся сизый туман и медленно поплыл к опушке леса. Боевое охранение, выставленное вокруг хутора, внимательно вслушивалось в каждый подозрительный шорох. В небольшом окопчике рядом с одиночным сараем приглушенно стучал движок. В наборной машине, прижатой к большому стогу сена, шла напряженная работа. Девушки время от времени осторожно приоткрывали дверь машины и внимательно вслушивались в ночную тишину.

Кажется, все спокойно. И вдруг рядом с движком застрочил пулемет. Короткая очередь, выпущенная часовым боевого охранения, раскатистым эхом прокатилась по хутору, отозвалась на опушке леса. И в это мгновение чей-то властный голос скомандовал:

— К бою!

Из машин и палаток выбегали люди с винтовками и автоматами в руках и без суеты и паники занимали свои места в заранее намеченной круговой обороне. Выпрыгнули из машины и девушки-наборщицы. Долго не раздумывая, они бросились к умолкшему пулемету. «Может быть, печатник Саша Федоров ранен или убит?» — пробежала тревожная мысль. И когда девушки увидели пулеметчика, он пальцем указал в сторону леса, куда скрылись фашистские налетчики. И снова ночную тишину нарушила длинная пулеметная очередь. Ее поддержали винтовочные выстрелы, треск автоматов.

В соседнем хуторе, где расположилась группа политотдела армии, взвилась ракета и, описав в воздухе крутую дугу, снопом искр рассыпалась над лесом. Вслед за ней застучал пулемет.

Почуяв недоброе, немцы отошли в глубь леса, решили, видимо, выждать подходящий момент, чтобы пробраться к своим. Но недолго пришлось им слоняться по лесам. Подразделения заградотряда, окружив сосновую рощу, пленили большую группу недобитых гитлеровцев во главе с генералом.

А наутро армейская газета вовремя была доставлена в войска, упорно теснившие на запад, к восточно-прусскому фашистскому логову, смертельно раненного зверя.

Долгожданный праздник Победы Зина, Марина и Маша встретили в кругу своих родных и близких фронтовых друзей. Счастливые шагали они по Красной площади, откуда 6 декабря 1941 года отправлялись на фронт великой битвы. На ярких

кофточках подруг сверкали знаки воинской доблести.

С. Аслезов
БОЙЦЫ НЕЗРИМОГО ФРОНТА

Так называли в действующей армии воинов-радистов. Среди них было немало девушек. Они несли службу в частях и подразделениях корпусов, дивизий, участвовали в десантных отрядах, помогали радиосвязью партизанам. Как и все наши воины, они отличались мужеством и отвагой, смело преодолевали трудности фронтовой жизни. Именно такой была радистка Маргарита Кальмаева.

Словно безбрежный океан, шумит эфир. Треск атмосферных разрядов, музыка, разноязыкая речь. В черных карболитовых чашечках телефонов слышатся звуки морзянки. Это ведут передачи радиолюбители многих стран мира.

Маргарита Ивановна Кальмаева включила передатчик. Ее рука ложится на упруго пружинящий ключ.

— Всем, всем, всем! Здесь Минск, работает станция UC2AT. Вызываю коротковолновиков для связи.

Проходит секунда, другая, и на ее вызов отвечают радиоспортсмены России, Украины, Эстонии, Чехословакии, Австралии, Канады. Огромные расстояния — не предел для радиолюбительского разговора.

А потом почта приносит карточки-квитанции, которыми радиолюбители обмениваются в подтверждение проведенных связей. Маргарита Ивановна любит разбирать их. Разноцветные, нередко с яркими рисунками, снимками, иногда плотно исписанные с обратной стороны, карточки многое могут рассказать о городах, откуда они пришли, о людях, которые отправили их.

Вот одна из карточек. Маргарита Ивановна смотрит на адрес. Казань. Позывной радионаблюдателя. Принадлежит он Гене Жарницкой. Она сообщает, что слышала работу Кальмаевой, когда та проводила связь с аргентинской станцией LU1XP.

Маргарита Ивановна хотела отложить карточку в сторону, как вдруг заметила сбоку маленькую приписку:

> «Дорогая Рита! Я в прошлом — радистка на фронте. А сейчас, хоть и не встаю с постели, инвалид, вновь хочу работать с радистами в мирное время. Думаю скоро выйти в эфир, а пока очень прошу выслать мне вашу QSL».

Маргарита Ивановна закрыла глаза и представила себе человека, прикованного к постели. Тяжек его недуг, но он не сдается. Рядом приемник, телефоны. У этого человека — тысячи друзей, многоголосый эфир он читает как раскрытую книгу. Геня Жарницкая хочет работать с коротковолновиками. Молодец! Надо написать ей письмо, спросить, не нуждается ли в чем, поддержать, ободрить. Пусть знает, что и в Минске у нее есть друзья, на которых она может рассчитывать в трудную минуту.

Маргарита Ивановна села за письменный стол и задумалась: «Фронтовая радистка…»

Да, много было на войне этих бойцов незримого фронта. И в их числе она, Маргарита Кальмаева.

…Толпы беззащитных беженцев на степных дорогах Харьковщины. Рита Кальмаева, секретарь Краснозаводского райкома комсомола, с помощью товарищей эвакуировала население. Доставала машины, подводы, продукты питания, медикаменты для раненых.

Из-за темных осенних туч вынырнули фашистские истребители и пошли на бреющем полете. Они летели так низко, что были видны ряды заклепок на обшивках машин и лица пилотов в прозрачных кабинах. Застрочили пулеметы. Раздались крики женщин и детей.

Рита поднялась с земли. На обочине дороги лежала маленькая девочка. На левой стороне груди ребенка чернела маленькая ранка. Рядом с девочкой — ее мертвая мать…

Когда Рита добралась до Воронежа, чтобы продолжать учебу в местном пединституте, она долго не могла привыкнуть к новой обстановке. Сидела на лекциях, а перед глазами вставало пережитое: бомбежки, расстрел беззащитных беженцев и детей фашистскими самолетами.

Девушка пошла в военкомат.

— А что вы умеете делать? — спросили ее.

— Я планеристка. Занималась в аэроклубе Осоавиахима.

— Планеристка?! Это неплохо… А не хотите ли стать радисткой? — неожиданно предложил военком.

Рита согласилась.

И вот дачный поселок под Москвой. Пустые дома с заколоченными окнами, снежные шубы на соснах и удивительная тишина. В одной из дач разместился учебный центр. Здесь проходили подготовку будущие радисты-разведчики.

Рита Кальмаева постигала премудрость сложных радиосхем, училась принимать и передавать телеграфную азбуку. Курсантов вывозили на аэродром, сбрасывали с парашютом. На полигоне они ставили мины, преодолевали проволочные заграждения,

стреляли из автоматов, пистолетов, винтовок.

На отдых времени почти не оставалось. Рита стойко переносила трудности. Ею владела одна мысль: скорее на фронт.

Однажды Кальмаеву вызвали к начальнику курсов.

— Вам предстоит отправиться, — офицер подошел к карте и карандашом поставил точку, — вот сюда, в район Брянских лесов.

— Боевое задание?

— Да. Подготовка радистов для партизанских отрядов Белоруссии.

…Под открытым небом — грубо сколоченные столы, скамейки, старенький зуммер. Вместо головных телефонов — динамик, прикрепленный к сосне. Несколько советских и трофейных станций. Вот и все оборудование лесного радиокласса. Группу в сорок человек надо было обучить за три месяца. Для подготовки радиста — это срок очень маленький. Но раз требуется — надо сделать.

Рита Кальмаева.

Рита учила юношей и девушек работать на радиостанциях, вести прием и передачу телеграфной азбукой, знать аппаратуру,

уметь самому найти и исправить повреждение. Учила обманывать вражескую службу радиоперехвата, пробиваться сквозь мощный заслон искусственных радиопомех.

Партизанская разведка. Множество ценных сведений о фашистских войсках. Но какой в них прок, если их вовремя не передать нашему командованию? Связь должна состояться в любое время, и любой ценой должны быть переданы донесения разведки. Эту мысль неустанно внушала своим подопечным Рита. Огромное желание быть полезным Родине плюс квалифицированное преподавание делали чудеса. За три месяца учебы курсанты становились классными радистами.

Вот очередной выпуск. Прифронтовой аэродром. Короткое напутствие, пожатие рук. Самолет без сигнальных огней взмывает в ночную мглу. Он уносит в тыл врага бывших Ритиных учеников, будущих партизанских радистов. Вместе с ними улетела и одна из лучших курсанток — Маша Григорьева. Она обещала держать связь с подругой.

Рита ходила на приемный центр. Ждала условных позывных. Но проходил вечер, другой — эфир безмолвствовал. Почему молчит Маша? Через несколько дней Рите сообщили: Маша Григорьева погибла. Немцы застрелили ее, когда она спускалась с парашютом.

Начался новый набор на курсы. Сашу Черниенко прислали из партизанского отряда, которым командовал Герой Советского Союза Зебницкий. Саша был подрывником. От подложенных им зарядов взлетали в воздух мосты, железнодорожные составы с фашистской техникой. А здесь… вместо грозных мин — обычные радиостанции.

— Не хочу быть здесь, хочу воевать! — заявил Черниенко.

Не раз и не два говорила с ним Рита. Она знала — в каждом человеке есть что-то хорошее, и это хорошее надо заметить, помочь проявиться ему. Хорошим у Саши было стремление к действию.

— Славный ты парень, да только голова у тебя садовая. Ты не бузи, а помогай мне, — сказала ему как-то Рита.

— Чем помогать?

— Вот тебе задание. Сделай небольшое повреждение на радиостанции. Но только по-умному, чтобы ребята не сразу нашли его.

Ребята находили. Подрывник радовался.

Рита наблюдала за Черниенко. С каждым днем его все больше и больше захватывала учеба. После окончания курсов молодого партизана снова отправили за линию фронта. Саша передавал по радио ценные разведданные о фашистских войсках, о

расположении аэродромов, штабов, складов вооружения.

Черниенко, Маша Григорьева, братья Вынаевы… Много парней и девчат прошло через руки Риты. Более ста сорока радистов подготовила Кальмаева для партизанских отрядов Белоруссии.

…Советские войска вступили на белорусскую землю. Рита Кальмаева уже работала на фронтовом узле связи. Поток радиограмм от боевых частей, партизанской разведки непрерывно увеличивался. Всю эту информацию нужно было срочно обрабатывать и передавать в Москву. Радистов не хватало. Рита и ее друзья несли по три, по четыре вахты подряд. Дежурство кончалось. Рита выходила из комнаты, шла по коридору, и ей казалось, что качаются стены. От нервного перенапряжения долго не могла уснуть. Но работать было радостно — близилось освобождение советской земли.

Однажды Рита снова заступила на вахту. Сегодня должна состояться очень важная связь. Рита плавно вращала ручку настройки, чутко вслушиваясь в шорохи и трески, звучавшие в телефонах, время от времени посылала в эфир условный вызов и снова слушала.

Радиоузел вслед за наступающими частями переместился к этому времени ближе к фронту. Изменились условия связи. Немецкая служба радиоперехвата бдительно следила за эфиром. И стоило появиться неизвестной станции, как фашистские передатчики «садились» на ее частоту и глушили сигналы мощными помехами.

Связь не состоялась. Не состоялась она и на второй, и на третий день. Напрасно вокруг Риты на ящиках из-под снарядов сидели генералы. Они ждали донесений разведчиков-партизан. Но эфир молчал. Молчали моторы танков, самолетов, молчала артиллерия.

Что же случилось? Рита, усталая от бессонницы, снова и снова вращала ручку настройки приемника.

Вот где-то далеко в уголке шкалы словно проклюнулся слабый писк телеграфной азбуки. Рита встрепенулась, вся превратилась в слух. Сильные помехи заглушали сигналы. Порой они исчезали, но потом снова пробивались и звучали настойчиво, словно требуя к себе внимания. Рита увеличивала громкость, производила более точную настройку. И все-таки слышимость оставалась плохой — слишком маленькой мощности был передатчик у работающей станции.

Радистка вслушивалась в сигналы. И вдруг улыбка озарила ее лицо. Ведь это же Селькин, Коля Селькин! Он учился у нее. Только он один так отрывисто выстукивает точки и немного

затягивает тире. Это почерк его передачи!

Рита включила передатчик. Только бы он услышал, только бы принял ее сигналы! С помощью Селькина можно будет вытянуть всю партизанскую радиосеть, снова наладить надежную связь. А это значит — тысячи разведданных поступят в штабы советских войск.

Наконец партизанский радист ответил.

Связь с ним наладилась.

«Вызывайте нас на связь в ноль-ноль часов по московскому времени на частоте… Сообщите об этом радистам партизанских отрядов», — торопливо выстукивала Рита.

Весь приемный центр настроился на частоты партизанских передатчиков. Сюда стали поступать радиограммы. На картах штабов появились новые обозначения расположения фашистских войск. Советская Армия готовилась к решающему удару.

И снова, словно безбрежный океан, шумит эфир. Рита — за радиостанцией. Но она ловит уже позывные не партизан, а радиолюбителей мира. И хотя на лице появились морщинки и в густых темных волосах нет-нет да и проглянет седой волос и все чаще ее называют по имени и отчеству — Маргарита Ивановна, она все так же молода душой, полна сил, задорной энергии.

Маргарита Ивановна Кальмаева — одна из ведущих радиоспортсменок Белоруссии, непременная участница многих республиканских и всесоюзных соревнований, ответственный секретарь президиума Федерации радиоспорта БССР. Она — коммунистка, офицер запаса, награждена орденом Красной Звезды и несколькими боевыми медалями. В годы войны Кальмаева учила партизанских радистов, теперь она свой богатый опыт передает молодым коротковолновикам.

М. И. Кальмаева за работой на любительской радиостанции.

Маргарита Ивановна руководит коллективной станцией UC2KAR. Ее операторы, начиная с 1957 года, провели более четырнадцати тысяч связей с радиоспортсменами ста сорока семи стран. Ими завоевано около двадцати радиолюбительских дипломов. Маргарита Ивановна подготовила несколько спортсменов-перворазрядников. На соревнованиях коротковолновиков пятой зоны сама дважды выполнила норматив мастера спорта СССР.

И сын ее, четырнадцатилетний Славка, занимается радиолюбительством, конструирует карманные приемники, проигрыватели. С приемниками ему больше везет, а вот с проигрывателями… Собрал один, а он сгорел. Но ничего. Мама ему поможет разобраться в радиотехнике.

Сестра его Люся — комсомолка, заканчивает среднюю школу. Она увлекается музыкой, рисованием, посещает изостудию. Девушка мечтает поступить в художественный институт.

Хорошие дети растут у Маргариты Ивановны. Люся и Слава берут пример со своей мамы, гордятся ею.

Да, такими женщинами, верными дочерьми Родины, можно гордиться!

А. Ильин
СНАЙПЕР И КОМАНДИР ИННА МУДРЕЦОВА

В Центральном Музее Советской Армии я собирал материалы о подвигах снайперов в годы Великой Отечественной войны. Меня спросили: «А вас не интересуют снайперы-женщины? Если да, то рекомендуем зайти в ЦДСА. Там проходит встреча фронтовых подруг». И вот на этой встрече мне довелось познакомиться с одним из отважных снайперов и храбрых командиров — Инной Семеновной Мудрецовой, о которой нельзя не написать…

То, что Инна Мудрецова, занимаясь в стрелковом кружке Осоавиахима, стала одним из лучших снайперов нашей страны, мне было известно давно. Но о том, как она пошла на фронт в Великую Отечественную войну и как воевала, я узнал сравнительно недавно.

Однажды Инна позвонила мне по телефону:

— Приходите, — сказала она, — к одиннадцати часам утра в ЦДСА. Там будет встреча фронтовых подруг-снайперов.

Оказывается, по окончании войны фронтовички-снайперы решили собираться в первое воскресенье мая, для того чтобы вспомнить фронтовые будни, поговорить по душам. Это были интересные встречи. Собирались не только бывшие фронтовички, проживающие в Москве, но и приезжали женщины-снайперы из Ленинграда, Перми, Куйбышева, Тбилиси, Рязани и других городов. А те, кто по каким-либо причинам не смогли прибыть в Москву, слали свои письма, телеграммы на имя Мудрецовой.

Об Инне все говорили как о храброй, отважной женщине. Трудно даже себе представить, как могла эта миловидная, небольшого роста, молодая женщина быть в пекле войны, часами лежать со своей снайперской винтовкой на сырой осенней земле, зимой в снегу, переносить тяготы фронтовой жизни, быть несколько раз раненной и снова возвращаться в строй.

Вот ее короткая, но яркая биография. Она родилась в деревне Игумново, недалеко от Костромы. В глубину веков уходят упоминания о костромичах, людях умелых, трудолюбивых и мужественных.

Именно в такой трудолюбивой русской семье росла Инна Мудрецова. Сама она рано познала труд. И сразу показала себя упорной, настойчивой. После окончания семилетки поступила на

завод и одновременно училась в школе рабочей молодежи. Затем техникум, институт. Занималась в различных кружках. Но особенно увлекалась стрелковым спортом. И по сей день добрым словом вспоминает она своего первого учителя по стрельбе Романа Григорьевича Чулок.

— Это было в Электростали, под Москвой, — говорит Инна. — Научил он меня стрелять, а потом пошел на войну с белофиннами и там погиб. Я бесконечно благодарна этому человеку за то, что он передал мне свое искусство меткой стрельбы. Как это мне пригодилось на войне с немецкими фашистами!

Инна Мудрецова достает снайперскую книжечку. В ней скупые цифры: 10, 15, 17, 55, 78, 140. Это уничтоженные ею гитлеровские вояки. За каждой цифрой — думы и помыслы снайпера, ее кровь и слезы, невидимые поединки с фашистскими снайперами.

Когда немецкие фашисты вероломно напали на нашу страну, муж Инны находился в военных лагерях в Белоруссии. Шли дни, а о нем ничего не было слышно. Так и не дождалась она весточки от него. И решила мстить врагу за мужа, за всех советских людей.

У Инны была дочурка. Она отвезла ее к родным в деревню, а сама пошла работать на оборонный завод. Работала хорошо, но это не удовлетворяло ее. Надо сделать что-то большее. «Я снайпер, инструктор стрелкового клуба, — говорила она себе, — а что, если организовать снайперскую школу. И обучать этому женщин». И комсомолка Инна Мудрецова пошла к своим подругам, посоветовалась с ними. Они написали письмо в Ставку. Его подписали Мудрецова, Ольга Маликова, Аня Морозова и Катя Успенская.

Предложение молодых патриоток было поддержано. Снайперскую школу создали под Москвой — в Вешняках. Инну взяли в качестве инструктора. Тяжелое это было время. Надвигалась первая фронтовая зима. Фашисты рвались к Москве.

Инна передавала девушкам свои знания и опыт искусной стрельбы, воспитывала у них горячую любовь и преданность Родине. Учила и ждала того дня, когда будет среди тех, кто лицом к лицу ведет самоотверженную борьбу с лютым врагом.

Вскоре после первого выпуска Инна написала рапорт: «Прошу отправить меня на фронт». Командование воинской части направило Мудрецову в тыл врага. Одетая в старый тулупчик, повязанная платочком, шла она по белорусской земле. Ребята в отцовских шапках довели ее до партизанских землянок.

Став снайпером в отряде, Инна часами лежала зарывшись в снег или прижавшись телом к ледяной земле, ожидая разящей

снайперской минуты. Она помогала партизанам истреблять врагов, мстила за кровь и слезы советских людей.

Через некоторое время Мудрецова вернулась в часть. И снова вышла на снайперскую охоту. Ползком, перебежками, в глухой мгле ночи, по лесным тропам, через изрытые воронками поля, добиралась Мудрецова до заранее намеченного места. Залегла. Лежать пришлось долго. Не потому, что враг не появлялся. Надо было выдержать время, создать у фашистов обманчивое впечатление тишины и покоя.

Было холодно, но Инна не чувствовала мороза. Она лежала без движения, почти не дыша. Наконец появилась живая цель. Мгновение, и цель в перекрестии. Плавное нажатие на спусковой крючок. Выстрел. Сраженный меткой пулей русской женщины, фашист распластался на земле. «Одним гитлеровцем меньше», — прошептала Инна. Это было удачное начало нового боевого дня. Ничем не обнаружив себя, она снова притаилась в ожидании второй цели. В ту ночь Мудрецова сделала еще три выстрела — еще три фашистских вояки были отправлены на тот свет. На рассвете Инну ожидали в части подруги, бойцы. Они поздравляли ее с отличным боевым успехом.

Инна Мудрецова.

Вскоре группу снайперов переместили во второй эшелон соединения. Инна пошла в политотдел и попросила, чтобы ее оставили на передовой. Полк, в котором она воевала, готовился к наступлению. И вот она на исходном рубеже, откуда пехота двинется для атаки. До сигнала оставались считанные минуты. А в одном из взводов 3-й роты вышел из строя командир.

— Беру командование на себя, — обратилась Мудрецова к солдатам и сержантам.

Бой был затяжным. Взводу пришлось нелегко. Он все время находился под сильным воздействием вражеской артиллерии. Мудрецова умело руководила боем. Атаки взвода были стремительными. В этом немалую роль сыграл личный пример Инны.

Вот что говорит очевидец этого боя инженер-капитан запаса А. Краснов:

— В те дни решительных схваток нужна была особая отвага и беззаветная преданность каждого бойца и офицера, чтобы сломить сопротивление врага. К этому бою готовились на нашем участке со всей тщательностью. Саперы заранее сделали проходы, разминировали минные поля. Пехота получила боевое задание и залегла на исходном рубеже. После артиллерийской подготовки наступило затишье. И вдруг тишину прорезал звонкий женский голос: «Вперед, за мной!» Бойцы с криком «ура» выскочили из окопов и бросились за командиром. Это был младший лейтенант Инна Мудрецова. Ее взвод был ударной группой. И он оправдал это свое назначение. Дело доходило до рукопашных схваток. В этом бою Инна была ранена, но вскоре снова встала в строй.

Снайпер Мудрецова знала каждый кустик, каждую ложбинку передовой. Всюду она умело проползала, прижав к себе снайперскую винтовку. Во время наступления наших войск на владимиро-волынском направлении часть, в которой находилась Мудрецова, оказалась окруженной. Инну тяжело ранило. Гимнастерка ее почернела, белый бинт стал багрово-красным. Несмотря на ранение, Мудрецова вывела большую группу бойцов из окружения.

Вот что рассказывает об Инне ее однополчанин, командир роты старший лейтенант В. Горелов:

— Эту простую русскую женщину, всегда полную задора и огня, с твердым мужским характером я встретил в необыкновенных условиях и на необыкновенной работе на передовых позициях. Было это зимой сорок четвертого года, у Пинских болот, на одном из участков нашей обороны. Местность

простреливалась фашистскими снайперами, и днем нельзя было пройти. Вечером мне звонит командир батальона: «Встречай двух спасателей, ознакомь их с линией обороны и местностью, обеспечь работой. За жизнь их отвечаешь ты». Жду и все думаю, что же это за спасатели? И вот связной приводит двух бойцов в шубах и маскхалатах со снайперскими винтовками. Я пригласил их ознакомиться с картой, расположением нашего участка обороны. Вдруг слышу: «Пойдемте на местность, а с картой я потом ознакомлюсь». Это говорила Мудрецова. Мы пошли. Над головами то и дело пролетали трассирующие пули. Меня удивило, как смело шла Инна по тропинке, предостерегая нас от опасности. Я и мои подчиненные прониклись к ней чувством большого уважения. Я спросил ее, откуда она прибыла? Она ответила: «Из Москвы». И стала расспрашивать об обороне, активности противника, в какое время и при каких обстоятельствах гибли наши бойцы. Интересовало ее все, до мельчайших подробностей.

По ее требованию мы заново прорыли дополнительную траншею и сделали чучело человека. До рассвета вышли на выбранные места. Враг открыл огонь. Чучело сразу же было пробито пулями. На второй день Инна выползла на нейтральную землю. А нас попросила вызвать на чучело огонь фашистов. Вот тут и произошла расплата: два вражеских снайпера были уничтожены. На третий день гитлеровцы стали бить из пулемета. Но и пулеметный расчет был также уничтожен Мудрецовой и вторым снайпером сержантом Корольковым. За пять дней пребывания у нас Мудрецова передала свой опыт нашим стрелкам. Все мы восхищались ее мужеством и бесстрашием.

А вот теплое, задушевное письмо воспитанницы Инны по снайперской школе Милеевой. Она пишет:

> «Я пришла в Центральную женскую снайперскую школу добровольцев в возрасте 18 лет и там познакомилась с Инной Мудрецовой. Она была уже командиром. Сколько силы, воли и любви к людям было у этой женщины! Девушки в снайперской школе были разные по возрасту, по подготовке и характеру. Надо было подобрать ключ к сердцу каждой девушки, чтобы воспитать из нас волевых, выносливых и мужественных бойцов. Инна была образцовым командиром и хорошим товарищем. Мы, ее воспитанники, всегда помнили ее горячие слова о Родине и поступали на фронте так, как она нас учила: защищать Отчизну до последней капли крови. Она служила для нас образцом. Наш народ

гордится такими, как Инна Семеновна Мудрецова».

Мудрецова не расставалась со своей снайперской винтовкой почти до самого конца войны. Она всегда выручала ее в трудную минуту, в критические моменты боя.

В снайперской книжке Инны есть небольшая запись: «Убито еще пять фашистских вояк». Было это за Одером, под городом Гольбергом. Местность здесь сильно пересеченная. Оборона подразделения роты, которым командовала Мудрецова, проходила по высоте 480. А нейтральная зона петляла через хребет, по скатам. Ширина ее была не более 40—50 метров. Как ослабить вражескую оборону, уничтожить больше живой силы врага? Мудрецова высказала свой план.

— Надо подобраться к ним, — сказала она. — Нейтральная зона здесь около полутора километров. Там находится подбитый вражеский танк. Оттуда и будем вести снайперский бой.

План ее поддержали.

Настала ночь. Инне не раз приходилось совершать переходы в кромешной тьме. И никогда она не сбивалась с тропинок. И теперь Инна смело направилась к танку со снайпером Андриенко. Все было сделано искусно, как требовала обстановка.

Маскировка — первое условие успеха. Второе условие — терпение. Меткость стрельбы — как бы завершает победу. Эта формула Инны Мудрецовой подтверждалась всегда жизнью. На небольшом удалении от наших снайперов расположился замаскированный пулеметный заслон. Наши бойцы следят за Мудрецовой и Андриенко. И за противником. В случае чего — советские снайперы получат поддержку.

Ночь была проведена в танке. И вот забрезжил рассвет, взошло солнце. Гитлеровские солдаты решили позавтракать, погреться на солнце. А за деревьями вражеские наблюдатели следили за нашей обороной.

Мудрецова решила, как она выражается, проверить прицел своей снайперской винтовки. Вот она выжидает момент. Сосредоточивается. На какое-то мгновение затаила дыхание… Раздается сухой щелчок. Наблюдатель, находившийся на вершине высоты, падает. К нему подбегают двое солдат. Наводка не нарушена. Делается лишь маленький доворот вправо. Еще выстрел. Еще одним фашистским воякой стало меньше.

— А теперь огонь надо перевести на группу солдат, — тихо замечает Инна и делает еще три выстрела.

И еще трое отвоевались. У подножия высоты появились офицеры. Инна ясно видит в окулярах бинокля их погоны. Гремят выстрелы. Один офицер убит, второй ранен.

— Хватит, — говорит Инна. — Больше стрелять нельзя, иначе выдадим себя.

— А это было уже под Берлином, — вспоминает Инна.

Мы читаем боевую характеристику на командира стрелкового подразделения 4-й роты 2-го батальона лейтенанта Мудрецову Инну Семеновну:

> «Будучи в боях Отечественной войны, показала себя как смелый, отважный, инициативный командир. Своей выдержкой и спокойствием воодушевляла подчиненных на бесстрашные подвиги. Во время пребывания во 2-м стрелковом батальоне показала себя как один из лучших командиров.
>
> Особенно отличилась она 18 апреля 1945 года в боях за станцию Кодерсдорф (Германия). Будучи тяжело ранена, ни на шаг не отошла от своих позиций. Держалась до последнего, пока не была выполнена задача, поставленная перед командованием батальона».

— Чем же памятна для вас эта станция? — спросил я Мудрецову.

Инна Семеновна ответила:

— Здесь прозвучал мой последний снайперский выстрел…

Произошло все так, как бывает на войне. Кругом пусто, будто все вымерло. Инна подумала: «Дошла ты все-таки, Мудрецова, до Берлина. А шла долго, извилистыми фронтовыми дорогами». В это время со станции ударили немцы. Оказалось, ударная группа, возглавляемая Мудрецовой, глубоко вклинилась вперед и находилась в полуокружении противника. Кольцо стало смыкаться. На станции лежали мешки с цементом. Инна решила их использовать в качестве заслона. Бойцы взяли мешки и поползли вперед с пулеметами, противотанковыми ружьями, снайперскими винтовками.

— А враг свирепствовал, бил нещадно по нас. Цемент наш начал сыпаться, — вспоминает Инна. — Но мы не отступаем. Сколько бой продолжался — трудно вспомнить. Только под вечер бить стали со всех сторон — с боков, сзади…

Три дня и три ночи держались солдаты. Никто почти не пил и не ел. Оборонялись уже немецким оружием, подобранным ночью на улице. Только для снайперской винтовки Инна оставила патроны. К исходу третьих суток у Мудрецовой осталось три человека, способных держать пулеметы. Командир батальона передал по рации: «Держитесь, идут танки». И бойцы держались. Вдруг раздался страшный взрыв. Мудрецова упала. Левая рука ее

была перебита. Инна увидела бегущих немцев. Придвинула к себе снайперскую винтовку и, превозмогая боль, посмотрела в прицел. Бросились в глаза немецкие офицерские погоды.

— Гауптман, капитан… — сказала тихо и, как всегда, спокойно нажала на спусковой крючок. Потом попробовала рацию — работает. Сказала в трубку: — Огонь на меня. — И тут же потеряла сознание.

Очнулась Инна в медсанбате. Хотела пошевелить рукой, но руки уже не было. Страшно стало от мысли, что она инвалид. А тут письмо пришло из 2-го стрелкового батальона 4-й роты. Оно было трогательным, вдохновляющим:

> «Всеми уважаемая лейтенант Мудрецова, примите привет и наилучшие пожелания в быстрейшем выздоровлении. Все солдаты и офицеры огорчены и соболезнуют вам. Личный состав никогда не забудет ваших боевых подвигов, стойкости и мужества.
>
> Вы единственная женщина — боевой командир на передовой позиции. Вы всегда шли вперед и вели бойцов, завершая бой успехом…
>
> Желаем успешного лечения.
>
> *Ваши братья по боям: Поздникин, Усков, Зайцев, Филиппов и другие».*

На излечение Инну Мудрецову направили в Москву. Выписавшись из госпиталя, она пришла к знаменитому профессору Богоразу. На вопрос хирурга: «Чем могу помочь?», немного смущаясь, ответила вопросом же:

— Как мне жить без руки?

Наступила пауза. Взяв со стола карандаш, профессор постучал по своим ногам.

— Я потерял ноги двадцать лет назад. И все, что я совершил за это время в науке, совершил в этот период. Надо продолжать жить, дорогая.

И Инна Мудрецова живет и борется. Она и сейчас в строю — в строю бойцов за коммунизм.

3 августа 1960 года в газете «Советская авиация» был помещен снимок и описание складного мотороллера «Малютка». Вес его всего 20 килограммов, но он способен с 30-километровой скоростью нести взрослого человека. В этом изобретении есть доля труда и Инны Мудрецовой, которая выполняла рабочие чертежи всех узлов и агрегатов. Она была первым помощником А. К. Сердюка — автора этого изобретения.

Инна Мудрецова — неутомимый пропагандист боевых

традиций нашей армии, всего героического. Она ведет большую переписку. В прошлом году девушки из Кабардино-Балкарии пригласили ее к себе в гости. Она побывала в десятках колхозов. И всюду ей был оказан теплый прием. А в одной семье ее удочерили. И недавно ее новый брат, который служит в рядах Советской Армии, поспешил порадовать свою сестру успехами в боевой и политической подготовке. В ответ полетела весточка с добрым советом служить Родине, как служили ее бойцы в грозовые годы Великой Отечественной войны.

М. Ребров
ПОДВИГ ИСПЫТАТЕЛЯ

Нина Ивановна Русакова — единственная в нашей стране женщина заслуженный летчик-испытатель СССР. В авиации она служит более двадцати шести лет. Летала на сорока типах самолетов. Более пяти тысяч раз поднималась в воздух. Русакова награждена орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

Красавец ТУ-104 прибывал в столицу нашей Родины Москву. Когда стройная стюардесса объявила об этом пассажирам, все повернулись к иллюминаторам. Каждому хотелось побыстрее окинуть взглядом Подмосковье.

Однако земля не была видна. Самолет летел за облаками, гораздо выше них. Вокруг до самого горизонта раскинулась белая равнина. А сверху сияло солнце. Прозрачный синеватый воздух стратосферы почти не задерживал его лучей, и веселые «зайчики» прыгали по стенам и потолку воздушного лайнера.

Все вокруг казалось праздничным. Люди отряхивали с ресниц остатки недавней дремоты и были готовы хоть сейчас броситься в объятия москвичей. Но их разделяла посадка — самый трудный этап полета.

Прошло совсем немного времени, и картина полета резко изменилась. Самолет вошел в облака. В кабине сразу потемнело. Машину начало потряхивать.

Болтанка сказалась на настроении пассажиров. Шутники примолкли, а в откровенных детских глазенках даже запрыгали искорки нескрываемого страха. И лишь один человек из всех сидевших в креслах оставался совершенно спокоен. Это была черноволосая женщина с простым русским пучком на голове. Для нее все происходящее было обычным явлением.

Через несколько минут за круглыми окнами самолета вновь посветлело. Теперь машина мчалась вдоль длинного светлого коридора, словно вырубленного в густом облачном массиве. Под колесами проносились шестигранники летного поля.

Полет завершился. А пассажиры так и не узнали, что солнцу, пробивающемуся сквозь тучи, и самой посадке они обязаны черноволосой женщине, летевшей с ними, — Нине Ивановне Русаковой, заслуженному летчику-испытателю СССР.

Впервые ее имя стало известно советским людям летом 1940 года из короткого сообщения ТАСС. В нем говорилось:

«Сегодня, 27 июля, из города Хабаровска назначен старт двухмоторного самолета «Украина» в дальний беспосадочный перелет по маршруту Хабаровск — Львов, с посадкой на участке Мозырь — Львов.

В состав экипажа входят: командир самолета — капитан Мария Петровна Нестеренко, второй пилот — Мария Григорьевна Михайлова и штурман — старший лейтенант Нина Ивановна Русакова…»

Труден был этот полет. Много часов провели в воздухе три отважные женщины, борясь с разбушевавшейся стихией. Десять часов не снимали летчицы кислородных масок. Возможно, именно в этом полете, а может, и раньше загорелось в душе Нины Ивановны Русаковой страстное желание увидеть авиацию «всепогодной», летающей днем и ночью, в простых и сложных метеорологических условиях.

Стране нужны были могучие самолеты-гиганты с оптическими глазами, видящими в темноте, с механическими руками, могущими справиться с управлением в любых условиях. И перед мысленным взором молодой летчицы взлетали ввысь армады стальных кораблей. Они шли сквозь ночь и грозы. Люди смотрели на землю с огромной высоты и радовались.

Мечта, дерзание, смелость привели Русакову в семью летчиков-испытателей. Ей, одной из немногих женщин-воинов партия доверила опытные самолеты.

Нина Ивановна уверенно шла к намеченной цели. В стенах научно-испытательного института решались проблемы завтрашнего дня нашего воздушного флота. Конструкторы предлагали самые, казалось бы, фантастические проекты самолетов. А Нина Ивановна постоянно думала о человеке, который будет управлять этими самолетами. Обеспечат ли ему необходимые удобства, безопасность, надежность управления? Сможет ли он вести уверенно свой воздушный корабль в облаках и за облаками, сажать в любую погоду? Ведь пока еще авиация очень зависит от метеорологических условий.

В пылкой голове летчицы созревали смелые планы, которыми она делилась со своими товарищами. Конечная цель — полная автоматизация не только полета, но и посадки. Пусть летчик лишь контролирует работу автоматических устройств. Вот идеал, к которому нужно стремиться.

Заслуженный летчик-испытатель СССР Н. И. Русакова.

Русакова налетала в общей сложности свыше четырех тысяч часов — почти полгода непрерывно пребывала в воздухе. И какие только не испытывала самолеты: истребители, штурмовики, бомбардировщики, летала на трофейных машинах. И в каждом полете не забывала думать, претворять в жизнь свою заветную мечту о слепом полете, о пилотировании по приборам, о посадке сквозь облака.

На самолете множество приборов, и самых различных: с беспокойными стрелками, зеленоватыми фосфористыми цифрами. Глядя на них, летчик уверенно определяет положение самолета в пространстве, даже если не видно земли, безошибочно выводит его на нужный курс, выдерживает заданную высоту.

Но вот появились новые приборы. Как они поведут себя в полете, может ли летчик довериться им, как самому себе? Ответить на эти вопросы и предстояло Русаковой.

…Машина стремительно мчалась по прямой, стрелки приборов замерли на своих местах. Стоит слегка потянуть штурвал или «дать ногу», как магические помощники летчика оживают и говорят с ним на понятном ему языке: на столько-то градусов изменился курс, самолет идет вверх, крен такой-то.

Однако далеко не всегда приходится летать по прямой. Взять истребитель. Весь его полет, особенно во время воздушного боя, — это целый комплекс фигур горизонтальных и вертикальных, стремительных пикирований и быстрых подъемов. И что бы пилот ни делал, в любой момент приборы должны помочь ему найти ответы на многие вопросы.

Удостоверившись, что в полете по прямой приборы работают надежно, Нина Ивановна начала вторую, самую трудную часть испытательного полета. С огромной высоты скоростная машина стремительно мчалась к земле, потом траектория полета резко переламывалась, и самолет опять устремлялся ввысь. Одна за другой следовали несколько петель Нестерова, иммельманы, «бочки», боевые развороты.

Товарищи с земли внимательно следили за безукоризненно четким полетом своей соратницы. Даже бывалым летчикам было что посмотреть в этом состязании человека с машиной. Кто-то стал подсчитывать фигуры пилотажа. Уже счет перевалил за первую сотню, потом за вторую, а самолет все продолжал легко и четко выписывать в небе замысловатые кривые.

Двести сорок фигур высшего и сложного пилотажа сделала Нина Ивановна за сорок минут испытательного полета. И когда самолет коснулся посадочной полосы, быстро промчался мимо наблюдавших за ним, бурные аплодисменты полетели вслед бесстрашной летчице.

Еще в то время, когда на фронтах Великой Отечественной войны раскатывались громы орудий, в тиши кабинетов научно-исследовательского института думали о мирных днях. Уже не только в чертежах, но и в натуре красовались перед конструкторами первые опытные образцы новых пассажирских самолетов — будущих воздушных лайнеров. Особенно широко развернулась эта работа после нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Один проект самолета сменялся другим, еще лучшим. Творцы воздушных кораблей думали над тем, какие двигатели установить на самолете, чтобы он летал выше и быстрее других подобных самолетов. А Нина Ивановна не переставала мечтать о «всепогодных» самолетах. И уже многое придумали, сделали

наши ученые и конструкторы, чтобы отменить многие ограничения полетам.

Начали проводиться опыты по рассеиванию облаков над аэродромом с помощью охлажденной углекислоты. Русакова поднимает в воздух самолет, наполненный этим продуктом, пробивает облака и как бы посыпает их сверху белыми холодными хлопьями. Там, где прошел ее самолет, облака словно рассекаются, разводье в тучах ширится с каждой минутой, открывая аэродром. Нина Ивановна разворачивает машину, ныряет в голубую «прорубь» и приземляется.

Сколько труда она затратила, чтобы научиться быстро и безошибочно делать такие «проруби» в облаках! До нее никто толком не знал, как лучше «высевать» на облака углекислоту, сколько ее нужно, как прокладывать маршрут полета, никто не умел угадывать влияние ветра при этом. Добрую сотню раз поднималась Русакова в воздух, чтобы все это уточнить, проверить.

А потом начались испытания разнообразных технических систем слепой посадки. Начались новые, не совсем обычные полеты.

С земли все это обычно выглядит очень просто. Взлетает двухмоторный самолет, идет по кругу над аэродромом, потом выходит на приводную радиостанцию и начинает снижаться. Все ниже и ниже летит машина. Вот она уже на высоте 100… 70… 50 метров.

Но самолет не садится. Пролетев над посадочной, он снова набирает высоту, и все повторяется сначала.

Одна из особенностей такого испытательного полета та, что почти на всем маршруте летчик пилотирует самолет по приборам. Кабина закрыта плотным колпаком. Ни один луч дневного света не проникает снаружи. Изнутри не видно, что делается за бортом самолета. Где аэродром, где посадочная полоса — об этом летчик может судить только по показаниям стрелок.

По указателю радиокомпаса он заходит на посадочный курс, потом попадает в зону действия курсоглиссадной системы и теперь целиком полагается на показания приборов, ведущих самолет по глиссаде. На определенной, очень малой высоте летчик может откинуть закрывающий его колпак и удостовериться в точном выходе на посадочную полосу.

Каждый заход на ВПП тщательно фиксируется самописцами. Потом эти записи будут расшифрованы, сопоставлены одна с другой и летный состав получит четкую инструкцию, как заходить на посадку по данной системе. Но это будет потом, а

сейчас…

Нину Ивановну Русакову целиком поглотило пилотирование. Чем ниже летел самолет, тем строже и точнее действия органами управления, тем сосредоточеннее взгляд на приборы. Медленно тянется время в приборном полете, особенно когда приходится отсчитывать каждую секунду нахождения самолета на посадочном курсе.

Нина Ивановна буквально слилась с машиной. А высотомер неуклонно отмечал потерю высоты. Вот потерян еще десяток метров, потом еще и еще. Летчица действует все осторожнее. Можно бы уже и прекратить снижение, но не таков неукротимый дух испытателя, коммунистки Русаковой, чтобы остановиться в своих дерзаниях на половине пути. Ведь, чем ниже она сумеет подвести самолет к земле, тем точнее будут данные о возможностях посадочной системы, тем большие результаты принесет ее полет. И Русакова, теперь уже не без риска, еще и еще приближала самолет к земле.

У земли воздушная масса не спокойна, и полет напоминает езду по ухабистой дороге. Хоть неровности воздуха не видны, они дают себя знать через броски машины. Все труднее парировать эти отклонения от линии горизонтального полета.

Самолет летел ниже, чем в предыдущем заходе. Но данные высотомера не позволяют снижаться дальше, а то бы ничто не удержало летчицу достигнуть самой минимальной высоты.

Пролетев по кругу, самолет снова заходит на посадочный курс. По невидимой для простого глаза, но четко обозначенной для радиочувствительных приборов глиссаде, он, словно с горы, скатывается со стороны леса к началу бетонной дорожки. Все ближе и ближе земля. Огромная стальная птица с убранными шасси пересекает границу аэродрома. Могучий поток закручивает песчинки, поднятые с земли, и отбрасывает их назад.

В жизни каждого человека бывают такие моменты, когда он должен принимать какое-то ответственное решение. Большинство людей располагают для этого достаточным временем, чтобы взвесить все «за» и «против», обдумать различные варианты решений и остановиться на таком, которое во всех отношениях лучше остальных. У летчика-испытателя для этого очень часто не бывает времени. Правильное решение должно быть принято за секунды, даже за доли секунд, иначе он может погибнуть.

Нечто такое пережила и Русакова. Самолет подходит к самой земле. Машина идет ровно. Хорошо! И тут в момент, когда, казалось, все уже сделано, внезапно тряхнуло самолет. Винты коснулись грунта. А в следующую секунду машина резко взмыла вверх…

Как это случилось? Нина Ивановна успела сделать тот единственный маневр (штурвал на себя), который нужно было сделать в эти секунды.

В последующих полетах уже многое сделала за летчицу автоматика. Каждый очередной заход на посадку приносил Русаковой новую частичку знаний о характере и возможностях новейшей техники. И когда коммунистка Русакова выступила на заседании ученого совета одной из академий с анализом достоинств и недостатков автоматики, с толковым предложением об изменениях в ее конструкции, профессора, доктора наук восторженно аплодировали ей, женщине-летчику, исследователю.

На улице еще чуть брезжит рассвет, еще не зажигаются огни в домах, а Нина Ивановна Русакова уже на ногах. Наутро назначен вылет на другой аэродром для продолжения начатых испытаний. Что нового принесет сегодняшний день? Удастся ли разгадать еще один из многих вопросов, поставленных перед ней упрямым норовом машины. Может, удастся, может… Ведь это испытание. Испытание не только машины, но и человека, который ее покоряет.

Только семь часов, а Нина Ивановна уже в воздухе. Спокойно всматривается летчица в показания приборов. Временами ее взгляд переносится на стекло фонаря кабины, за которым клубятся белые облака. А на душе спокойно и радостно — так бывает всегда, когда Нина Ивановна берет в руки штурвал самолета.

Но на этот раз ее ожидала еще одна большая радость. Стоило командиру корабля Русаковой настроиться на волну московской станции, и она услышала бы волнующую новость. Как раз в это время диктор столичного радио зачитывал Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР. По всей стране разносились его слова:

— За многолетнюю творческую работу в области испытаний и исследований новой авиационной техники присвоить почетное звание «Заслуженный летчик-испытатель СССР» Русаковой Нине Ивановне.

Узнать это в полете Нина Ивановна не могла. Самолетная радиостанция была настроена на аэродром посадки, и в наушниках шлемофона слышались другие слова, которые указывали путь самолету.

Не успела Нина Ивановна явиться на командный пункт, как один за другим ее стали поздравлять летчики и штурманы, инженеры и техники, товарищи по работе, знакомые и совсем незнакомые люди.

…И вот уже на воздушном лайнере в качестве пассажира заслуженная летчица страны возвращалась в любимую столицу. Ей ли не знакома такая посадка, когда самолет летит в облаках, плотным слоем закрывающих землю, когда облака неожиданно расступаются и огромная стальная птица уверенно приближается к бетонной полосе аэродрома.

В мире много, очень много дорог. Воздушные пути порой нам кажутся широкими, просторными и прямыми. Но это потому, что смотрим мы на них с земли. Воздушные дороги — самые длинные из всех путей. На них нельзя останавливаться, нельзя терять скорость.

notes

Примечания

1

Л. Щербинина звала Крелию Силину Лией.

2

Черепы — название деревни.